

Человек и общество

Международный научный журнал

Идеология журнала

Редакция журнала исходит из представления современности как сложного комплекса многомерных вызовов человеку. Технологический характер нашего бытия все настойчивее требует поставить на повестку дня сегодняшнего самую важную задачу – поиск адекватных форм адаптации человека к новым условиям общественной среды. Мы глубоко убеждены в фундаментальной аксиоме – сохранении человеческого измерения как главного источника смыслов и целей общественного бытия.

Председатель редакционной коллегии

Широков Олег Николаевич *д-р ист. наук, профессор, декан историко-географического факультета ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова», член Общественной палаты Чувашской Республики 3-го созыва*

Редакционная коллегия

Бекназаров Рахым Агибаевич *д-р ист. наук, профессор «Актюбинского регионального государственного университета им. К. Жубанова», Республика Казахстан*

Иванова Василиса Васильевна *канд. филол. наук, специалист по учебно-методической работе ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова»*

Ляпаева Лариса Васильевна *канд. филол. наук, доцент ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова»*

Главный редактор
Яковлева Татьяна Валериановна

Зам. главного редактора
Семенова Светлана Юрьевна

Ответственный секретарь
Петрова Марина Геннадьевна

Дизайн обложки
Фирсова Надежда Васильевна

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации

средства массовой информации: ПИ № ФС 77-67055 от 15.09.2016

Issue 1 | 2016

ISSN 2500-137X (print)
ISSN 2500-1361 (online)
DOI 10.21661/a-323

Human and Society

International academic journal

Journal's ideology

The editorial board of the journal comes from the notion of modernity as a complex range of multivariate challenges to the human. Technological character of our existence requires to immediately raise the question of the main goal – the search of adequate forms of human adjustment to the new conditions of social environment. We are deeply convinced of the fundamental axiom – human dimension preservation as a main source of meanings and aims of a social being.

Chairman of the Editorial board

Shirokov Oleg Nikolaevich

doctor of historical sciences, professor, dean of the Historical and Geographical Department FSBEI of HE "the Chuvash State University named after I.N. Ulyanov", member of the Public Chamber of Chuvash Republic of the 3rd convocation

Editorial board

Beknazarov Rakhym Agibaevich

doctor of historical sciences, professor K. Zhubanov Aktyubinsk Regional State University, the Republic of Kazakhstan

Ivanova Vasilisa Vasilievna

candidate of philological sciences, Teaching and Learning specialist FSBEI of HE "the Chuvash State University named after I.N. Ulyanov"

Lyapaeva Larisa Vasilievna

candidate of philological sciences, associate professor FSBEI of HE "the Chuvash State University named after I.N. Ulyanov"

Chief editor

Yakovleva Tatyana Valeryanovna

Deputy Chief Editor

Semenova Svetlana Yurievna

Executive Secretary

Petrova Marina Gennadievna

Cover design

Firsova Nadezhda Vasilyevna

*Registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadzor).
The certificate of registration of mass media: ПИ № ФС 77-67055 from 15.09.2016*

www.humansociety.media

Исторические науки и археология

Алимбетов А.К. Жилые комплексы средневековых городов чинка Устыурта..... 4

Ашихмин А.А. Взаимоотношения Тмутаракани и Восточного Крыма..... 6

Бенда В.Н. Спорные вопросы в отечественной историографии, касающиеся зарождения и развития системы подготовки артиллерийских кадров в Санкт-Петербурге в первой половине XVIII в..... 10

Данильченко С.Л. Цивилизационные взаимоотношения между Россией и Украиной в XX веке: анализ геополитической конъюнктуры..... 26

Кныжова З.З. Элевсинские мистерии в нарративной традиции..... 34

Кривцова Т.Г. История создания Ставропольского музея наглядных пособий..... 40

Социологические науки

Ибраева Б.М., Калижанова А.Н. Сексизм в современном американском обществе..... 43

Нгуен Т.Х. Общественное сознание работников во Вьетнаме..... 45

Филологические науки

Зарипова А.Н., Садыкова Д.М. Лексикографические словари по экономике в немецком, русском и татарском языках..... 49

Меркурьева Н.М. О возможности лексикографирования глагольных модификаций..... 52

Муравицкая С.В. Научная журналистика: вопросы терминологии и тенденции современного развития..... 56

Historical studies and archeology

Alimbetov A.K. Residential complexes of medieval towns chink of Ustyurt..... 4

Ashikhmin A.A. Relations between the Tmutarakan' and the East Crimea..... 6

Benda V.N. Controversial issues in Russian historiography concerning the origin and development of the system of training of artillery personnel in Saint-Petersburg in the first half of the XVIII century..... 10

Danilchenko S.L. Russia-Ukraine civilizational relations in the 20th century: the analysis of geopolitical conjuncture..... 26

Knyzhova Z.Z. The Eleusinian Mysteries in narrative tradition..... 34

Krivcova T.G. The history of Stavropol museum visual aids development..... 40

Sociological sciences

Ibraeva B.M., Kalizhanova A.N. Sexism in modern American society..... 43

Nguen T. Kh. Public consciousness of Vietnam workers..... 45

Philological sciences

Zaripova A.N., Sadykova D.M. Linguistic dictionaries of economics in the German, Russian and Tatar languages..... 49

Merkuryeva N.M. The possibility of leksikografical descriptions of adverbial modifications..... 52

Muravitskaya S.V. Scientific journalism: questions of terminology and tendencies of the modern development..... 56

Жилые комплексы средневековых городов чинка Устюрта

УДК 9

DOI 10.21661/r-114140

Residential complexes of medieval towns chink of Ustyurt

Аннотация

Алимбетов Ансатбай Кеунимжаевич – старший научный сотрудник Каракалпакского государственного университета им. Бердаха, Республика Узбекистан, Нукус.

Данная статья посвящена изучению средневековых памятников, расположенных на Устюрте, таких как Айбуир кала, Ербурун, Караумбет, Кияжол, Урга, а также письменные источники о них. Автором приведены новые данные, собранные в период независимости, а именно сведения о расположенных на Устюрте памятниках Пульжай, Топрак кала, Бограхан, где даны свидетельства о местах расположения жилых домов, их площадей и строительных материалах, выявленных в результате археологических исследований.

Ключевые слова:

Приаралье, Устюрт, чинк, караван-сарай, интерьеры, ташнау, очаг, суфа, минарет, мечеть, мавзолей, помещения.

Keywords:

the Aral Sea area, Ustyurt chink, caravanserai, interiors, tashnau, hearth, Sufa, minaret, mosque, mausoleum, premises.

Annotation

The article is devoted to the study of medieval monuments located on the Ustyurt, such as Aybuir feces Erburun, Karaumbet, Kiyazhol, Urga, as well as written records about them. New data collected in the period of independence, namely, information about the monuments located on the Ustyurt Pulzhay, Toprak Kala, Bograhan where given a certificate of residential buildings locations, their areas and building materials, identified as a result of archaeological research.

Alimbetov Ansatbaj Keunimzhaevich – senior research associate of Karakalpak state university of Berdakh, Republic of Uzbekistan, Nukus.

Одним из слабо разработанных направлений в археологических исследованиях Южного Приаралья является изучение жилых комплексов урбанистических объектов античной и средневековой эпохи. Несмотря на многолетние работы, в этом регионе Приаралья крайне мало изучено городские жилища средневековья. Еще меньше раскопаны жилые комплексы на территории городов и поселений чинка Устюрта. Сведения письменных источников ограничиваются лишь упоминанием отдельных караван сараев, ночлежек и населенных пунктов региона. Еще с XIX–XX вв. в литературе упоминаются археологические и архитектурные сооружения плато Устюрт. Первые достоверные археологические данные о поселениях вдоль чинка Устюрта были получены благодаря маршрутной авиа-автомобильной экспедиционной работе Хорезмской археологической экспедиции во главе С.П. Толстовым (1948). Однако, во время маршрутной работы исследователями не были раскопаны городские комплексы жилищ. Эту задачу не ставили и многолетние археолого-топографические исследования отдела археологии ККО АН РУз. Только Ю.П. Манылов, участник Устюртской археологической экспедиции в 1974–1975 гг., раскопал отдельные, разрозненные жилища в городищах Малый Айбуир кала, Ербурун, Караумбет, Кияжол, Урга (Манылов, 1978, с. 216–218, 229–231, 243–246 и др.). В них частично обнаружены интерьеры

типа ташнау, очаг и суфа. Большинство этих памятников относятся к IX–XI вв. Только в годы независимости республики Узбекистан, исследователи кафедры археологии КГУ им. Бердаха впервые по-настоящему начали исследования архитектурно-фортификационных сооружений и жилых комплексов городских поселений чинковой зоны Устюрта. В частности, М.Т. Туребеков в конце 90-х годов XX в. частично вскрыл часть жилого комплекса и элементы фортификации крепости Топрак-кала Кунградской и городища Бограхан (АИУ за 2001, 2002). В последние годы М.-Ш. Кдырнязовым начаты и продолжаются исследования оборонительных рубежей и жилищ средневековой эпохи на городище Пулжай (работы 2004–2015 гг.). Результаты этих исследований, вкпе с аналогичными материалами из других градостроительных зон и этнокультурных регионов Арало-Каспия, позволяют изучить городские жилища причинковой территории Южного Приаралья в эпоху хорезмшахов-Мамунидов, Ануштегинидов и Золотой Орды. В целом, материалы исследованных городищ способствуют изучению жилых комплексов и построек на средневековых городских поселениях вдоль чинка Устюрта.

В данной статье дается краткая характеристика жилых комплексов, изученных при участии автора на территории городищ Бограхан и Пулжай средневековой эпохи в последние десятилетия.

На городище Бограхан в течение нескольких археологических сезонов произведены раскопки на территории цитадели, шахристана и рабада. Открыта и выявлена конструкция мавзолея, минарета и Джума мечети. Собраны интересные данные о городских жилищах и многочисленные артефакты, в том числе хорошо оборудованный колодец (Туребеков, Алимбетов, с. 158). На территории этого памятника, датируемого VII–IX и XIII–XIV вв. стены ранних помещений сооружены из сырцовых кирпичей размером 30 x 30 x 5 см. Южнее мавзолея Бограхан вскрыты два помещения размером 3 x 3 м и 3 x 2,5 м. Стены помещений построены из жженных кирпичей 26 x 26 x 5; 28 x 28 x 5 см. Пол помещения №2 выложен из жженных кирпичей. В юго-западном углу устроено ташнау, а восточнее очаг (Туребеков, Алимбетов, с. 156). На юго-западном участке рабада городища Бограхан на одном из бугров вскрыт большой дом, состоящий из более 25 помещений. Он состоит из комплекса жилищ, разделенных на четыре секции. I секция состоит из 2, II-секция из 12, III-секция из 6 и IV-секция из 5 помещений. Результаты исследования показывают, что Бограхан в средневековую эпоху «как предшественник города Кунграда стал центром культурного оазиса, расположенного на левом берегу Амударьи». На городище Топрак – кала Кунградская изучены хорошо сохранившиеся наземные следы оборонительных сооружений: стен и ворот, остатки общественных (мечеть) и жилых помещений. Собраны новые образцы архитектурных изразцов и лекальных жженных кирпичей, поливной керамики, каменных котлов, джучидских монет и т. д. Часть древних памятников, в частности минарет, мечеть Топрак калы и Бограхана полностью раскопаны М.Т. Туребековым.

В последние годы, продолжая археологические исследования причинковой зоны Устыурта М.-Ш. Кдырниязов организовал раскопки на городище Пулужай. Исследования памятника продолжаются (Кдырниязов и др., с. 84–90). Раскопки показали существование здесь крупного торгово-ремесленного города эпохи Золотой Орды. Город этого времени не имеет укреплений. Планировка города включала разрозненные постройки: жилые дома, общественные здания (ме-

четь, караван – сараи) и производственные комплексы (гончарная и кирпичеобжигательные печи). В ходе археологических работ 2004, 2012, 2014, 2015 гг. археологами КГУ им. Бердаха в различных частях памятника заложены десять раскопов. Раскоп I был заложен в юго-восточной части до монгольской крепости Пулужая. Здесь раскопаны остатки трех помещений. В восточной части крепости раскопано помещение №1 (размер 5 x 4 м). Его стены соприкасались с торцами соседних комнат. Пахсовые стены сильно разрушены, дверной проем не обнаружен. Детали интерьера отсутствуют. Пол помещения в виде скального грунта расчищен на глубине 1,10 м. В перемешанном слое завалов над полом найдены фрагменты керамики зеленой, светло-коричневой поливой, гравировкой и надглазурной росписью, а также красноглиняного кувшина с пластинчатой ручкой и лепная керамика. Много костей животных. В остальных помещениях планировка слабо выявляется. Собранный керамический материал позволяет датировать крепость Пулужай X – нач. XIII вв. В раскопках № VIII, IX–X, были вскрыты остатки жилищ. Раскоп VIII (2012 г.) открыл восьмикомнатный жилой дом. В раскопках IX–X (2014 г.) открыты остатки жилища состоящие из одного и трех помещений. В них присутствуют элементы интерьера золотоордынской эпохи (очаг-кан, суфа, тошна и тандыр). Конструкция жилищ находит аналогию в сельских поселениях левобережной Амударьи, в домах вблизи Айгельды, урочище Дарьялык-куль и в городах Золотой Орды. В целом, необходимо отметить, что открытые дома на Пулужае несколько отличаются от других городских жилищ Южного Приаралья своим отдельным расположением от других построек. Дома неукрепленного поселения памятника, состоят из групп по две-три постройки или отдельно стоящие, разделены интервалами.

В целом, для периферийных городов, такие как Пулужай свойственно особое конструктивное решение постройки домов. На Пулужае жилища горожан и промышленные постройки еще в изначальный период были построены на естественных возвышенностях, выделяющихся на плоскости такыров. Это не позволяли сложению четко спланированных жилых кварталов.

Список литературы

1. Кдырниязов М.-Ш. Городище Пулужай / М.-Ш. Кдырниязов, С.Т. Саипов, О.-Ш. Кдырниязов, А.К. Алимбетов // Вестник КГУ им. Бердаха. – 2015. – №1.
2. Маньлов Ю.П. Средневековые хорезмийские памятники Восточного чинка // Древняя и средневековая культура юго-восточного Устыурта. – Ташкент, 1978.
3. Толстов С.П. По следам древнехорезмийской цивилизации. – М., 1948.
4. Туребеков М.Т. Раскопки городища Бограхан / М.Т. Туребеков, А.К. Алимбетов // АИУ. – Самарканд, 2000.
5. Туребеков М. Работы Кунградского отряда / М. Туребеков, Ж. Хакимниязов, Ф. Утепбергенов // АИУ-2001. – Ташкент, 2002.

Взаимоотношения Тмутаракани
и Восточного Крыма

УДК 9

DOI 10.21661/r-114479

Relations between the
Tmutarakan' and the East Crimea

Аннотация

Ашихмин Алексей Алексеевич – аспирант кафедры исторического регионоведения ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», Россия, Санкт-Петербург.

Данная статья посвящена актуальной проблеме западных границ Тмутараканской земли (и шире – политическом статусе областей Восточного Крыма). В последнее время она стала важной ввиду возросшей опасности идеологического вмешательства в исследовательский процесс. Автор рассмотрены основные аспекты данной темы. Отмечено, что если следовать строгому подходу к источникам, то нет доказательств присутствия русской власти в Крыму. Тем не менее возможно определенное политическое влияние Тмутаракани.

Ключевые слова:

Тмутаракань, Восточный Крым, Сугдея, Боспор, тмутараканские монеты, печати Олега-Михаила.

Keywords:

Tmutarakan', East Crimea, Sougdaia, Bospor, tmutarakan' coins, seals of Oleg-Michael.

Annotation

The article is devoted to the actual problem of the west frontiers of the Tmutarakan' land (and more widely to the political status of the East Crimea). Lately the subject has been important because of a danger of ideological influence on research. In conclusion it is marked that with a strict approach to the sources we have no evidences of presence of Russian power in Crimea. Nevertheless, certain influence of the Tmutarakan' was possible. Kala, Bograhan where given a certificate of residential buildings locations, their areas and building materials, identified as a result of archaeological research.

Ashikhmin Alexey Alexeevich – postgraduate student of the department of Regional Studies, Saint-Petersburg State University, Russia, Saint-Petersburg.

Статья подготовлена в рамках выполнения работ по проекту СПбГУ «Россия – Новороссия – Крым: Исторические закономерности единства» шифр в ИАС НИД СПбГУ 5.38.265.2015.

История Северного Причерноморья привлекала внимание российских исследователей древностей еще с XVIII в. Обнаружение здесь античных памятников подстегнуло интерес к этому региону [20]. Впоследствии он стал предметом исследования ученых с точки зрения отечественной истории. Важной вехой здесь стало обнаружение Тмутараканского камня. И уже тогда были высказаны мысли об идеологической ангажированности этой находки, что отчасти подкрепляло сомнения в подлинности камня [13, с. 132–139].

Самым ярким представителем подобных настроений можно назвать П. П. Свинына. Он отмечал, что обнаружение Тмутараканского камня очень хорошо вписывалось в направление действий российской власти конца XVIII в. Им необходимо было идеологическое обоснование. Обнаружение на Тамани камня с кириллической надписью о князе, измерившем пролив, оправдывало претензии российской власти на эти земли [17, с. 440–467].

В настоящее время вновь возросла опасность влияния идеологии на исследовательский процесс, хотя

увеличились и возможности для изучения этого региона. Примером может случить статья Д.М. Володыхина, предоставляющая аргументы для «исторических прав» на Крым в будущих идеологических баталиях [5].

Автор относительно взвешенно рассматривает предполагаемые свидетельства принадлежности Восточного Крыма к Тмутаракани. Но при этом его тезисы, сопровождающие обзор, бесосновательны, точнее – основаны на очень больших допущениях. Конечные же выводы и вовсе не имеют никакого подтверждения в источниках и отражают лишь представления автора по данной теме (никак не аргументированные) [5, с. 202].

История Тмутаракани XI в. тесно соприкасается с историей Восточного Крыма. Главной проблемой, которую пытаются решить исследователи, являются границы владений Тмутаракани: на какие территории распространялась власть ее правителей, и входил ли западный берег Керченского пролива (и другие земли) в их число.

Соответственно можно разделить исследователей на две группы: тех, кто утверждает, что Восточный Крым входил во владения Тмутаракани (например,

В.А. Захаров, В.В. Майко, В.П. Степаненко) [8; 13; 20], и тех, кто полагает обратное (например, Н.Ф. Котляр, В.Н. Чхаидзе) [9; 24].

Статус сопредельных территорий Тмутаракани интересен не только в связи с ее историей, но также в более широком контексте, так как в течение XI в. основным игроком здесь была Византия. Проблема перехода территорий Северного Причерноморья от империи и обратно к ней также интересует исследователей [16, с. 165–188]. В этом плане Тмутаракань была важным политическим центром, интересующим Византию и пытающимся обрести самостоятельный вес. Поэтому иногда вопрос ставился о причастности какой-либо территории либо Тмутаракани, либо Византии. А для 80–90-х годов XI в. уже о принадлежности самой Тмутаракани к Византии.

Стоит отметить, что свидетельства письменных источников, отражающих положение на берегах Керченского пролива, весьма скудны. Для рассматриваемого периода к ним относят лишь сообщения из Повести временных лет о Ростиславе Владимировиче, не менее туманную историю подавления восстания Георгия Чулы в хронике Иоанна Скилицы. Лучше ситуация с археологическими материалами. Здесь исследователи могут оперировать нумизматическими, сфрагистическими и другими данными, полученными прежде всего в результате раскопок.

Хронологически более раннее известие о присутствии русских властей в Крыму является известие в хронике Иоанна Скилицы о восстании Георгия Чулы. В частности, в сообщении говорится о брате Владимира Святославича Сфенге, пришедшем на помощь императору в подавлении восстания [19, с. 368]. Персонификация этого Сфенга не представляется возможной. Но известие хрониста позволяет некоторым исследователям говорить принадлежности Корчева к Тмутаракани уже в начале XI в. [5, с. 199]. Хотя, например, А.В. Гадло не призвал наличие интересов у Мстислава в Крыму [6, с. 253–254]. Однако глухая отсылка Скилицы к родственнику предводителя русов перекрывает возможный потенциал источника для изучаемой проблемы.

Красной нитью в обсуждениях о границах владений Тмутаракани в Крыму проходит сюжет о крымской Хазарии, своеобразном осколке Хазарского каганата [2, с. 440]. Основным вопросом, обсуждающимся исследователями, является ее локализация. На данный момент представляется наиболее обоснованной точка зрения В.П. Степаненко, который помещает Хазарию в северо-восточном Крыму [19, с. 368–378; 20, с. 50–62]. Хотя в современной историографии представлены и альтернативы [15, с. 338–342].

Подобная локализация позволяет также говорить о возможном распространении власти тмутараканского князя Олега Святославича на территории Восточного Крыма. Известны его печати, в которых он назван в числе прочего архонтом «всей Хазарии» [27, с. 26–29]. Таким образом, Олег мог управлять землями в Восточном Крыму на правах имперского наместника [20, с. 56]. Хотя данное доказательство является лишь косвенным

Свидетельством принадлежности восточно-крымских территорий Тмутаракани также считается сообще-

ние Повести временных лет о том, что Ростислав Владимирович «емлющую дань с касог и у инех стран» [17, с. 72]. Хотя, туманность формулировки не дает убедительности этому аргументу.

Более интересным для исследователей является рассказ о действиях прибывшего из Херсона катепана [17, с. 71]. Красочное описание и захватывающий сюжет привлекали внимание и оставляли широкое поле для всевозможных интерпретаций [6, с. 264–276]. Хотя данный сюжет и не подвергался еще деконструкции, общее недоверие некоторых историков к содержанию летописи вызывает сомнения и в отношении этого эпизода [7].

Если перейти к вещественным источникам, то наиболее знаменитым является Тмутараканский камень. Надпись на нем гласит, что в 1068 г. князь Глеб Святославич измерил пролив между Тмутараканью и Корчевом. Расстояние составило 14 тыс. саженей. Долгая полемика о достоверности данного памятника в целом утихла, хотя и не закончена [3, с. 7–12; 22, с. 277–287]. Также исследователи попытаются определить процедуру измерений [1]. Оригинальность самого мероприятия, а также скудность дополнительной информации мешает убедительно интерпретировать надпись.

Кроме того, неясна мотивация измерения. Многие авторы считают, что необходимость такого мероприятия и его вероятность уже говорит о том, что Корчев входил во владения Глеба. В противном случае у князя не было бы возможности и мотива [5, с. 198; 16, с. 185; 20, с. 54]. Однако, В.Н. Чхаидзе полагает, что имеющиеся данные не дают права говорить о этом. Можно лишь предположить, что измерение было символическим определением расстояния между Европой и Азией [26, с. 254–255]. Сложно согласиться с таким объяснением, так как подобная мотивировка выглядит натянутой. Вряд ли молодого князя интересовали подобные вопросы и представления о Керченском проливе, как границе между континентами.

Более веским доказательством против включенности Восточного Крыма в состав земель Тмутаракани является строительная надпись Льва Алиата, стратига Херсона и Сугдеи, датированная 1059 г. [10, с. 15–19]. Надпись считается свидетельством усиления влияния Византии в Восточном Крыму. В. В. Майко реконструировал историю Сугдеи в XI в. следующим образом. Период номинальной зависимости на рубеже X–XI вв. был прерван восстанием Георгия Чулы, после подавления которого здесь была создана отдельная феода. В середине века она была объединена с фемой Херсона, что означало большую централизацию. Для времени до конца 80-х годов исследователь допускает политическое влияние Тмутаракани на Сугдею, которое прекращается с включением самой Тмутаракани в состав империи [12, с. 285; 13, с. 47].

Хотя при строгом следовании источникам вряд ли возможно уверенно причислить этот восточно-крымский центр к тмутараканским землям [24, с. 319], все же наличие археологических свидетельств древнерусского происхождения может быть косвенным свидетельством определенного влияния Тмутаракани на эту область.

О тесных связях между Крымом и Тмутараканью говорят сфрагистические и нумизматические данные. На территории Крыма были обнаружены два экземпляра печатей «От Ратибора» [27, с. 60–64], которые связывают с известным приближенным князя Всеволода Ярославича – боярином Ратибором. Из летописи известно, что в 1079–81 гг. он был посадником в Тмутаракани [17, с. 87]. Подобные печати, а также монеты и брактеаты имеют широкую топографию, ограниченную прежде всего пределами Руси. Печати Ратибора на полуострове – свидетельство тесных связей Крыма и Тмутаракани.

Кроме того, на территории Сугдеи и Боспора были найдены шесть печатей, соотносимых с Олегом-Михаилом Святославичем [12, с. 284–285]. Необычная легенда на их реверсе («Господи, помоги Михаилу, архонту Матрахи, Зихии и всей Хазарии») породила значительную историографию в ходе которой обсуждаются как наименование Михаила архонтом, так и обозначение его владений [20, с. 54–56; 23, с. 156–157]. На данный момент можно считать общепризнанным, что Олег находился в определенной зависимости от Византии после своего возвращения в 1083 г., а после его ухода Тмутаракань перешла под власть империи [11, с. 289; 20, с. 56].

Наконец, известны тмутараканские монеты, найденные в Крыму [4, с. 21–22, 96]. Относительно недавнее исследование К.В. Бабаева ввело их значительное количество в научный оборот. В основном это подражания византийским милиарисиям, которые выделены

исследователем в три типа: монеты Олега-Михаила, боярина Ратибора, а также подражания милиарисиям Василия II и Константина VIII. Кроме того, ученый выделил три дополнительных типа [4, с. 22].

К.В. Бабаев утверждает, что монеты обнаружены в пределах предполагаемых границ княжества. В том числе, на восточной оконечности Крыма, что говорит о его включенности в княжение. Однако распространение монет в округе Тмутаракани может говорить лишь о торговой связи этого региона с городом [25, с. 201].

Таким образом, если исходить из скептических соображений, на данный момент мы не располагаем убедительными свидетельствами подчинения Восточного Крыма Тмутаракани. Об этом можно говорить лишь гипотетично в отношении Боспора-Корчева. Остальные территории в то или иное время либо были фактически независимыми, либо были включены в состав Византии.

Тем не менее, политическое влияние Тмутаракани все же возможно в определенные моменты. Во всяком случае они входили в единый компактный регион, составные части которого были тесно взаимосвязаны. Поэтому было бы удивительным отсутствие в Крыму находок, происходящих с Тамани. Хотя письменные свидетельства мало говорят о данном регионе, ясно, что Тмутаракань была тесно связана экономически с Крымом и особенно его восточной частью. А с конца XI в. они уже были вместе под властью Константинополья.

Список литературы

1. Агеев Ф.М. Тмутараканский камень // Маркшейдерский вестник. – 2013. – №1. – С. 64–69.
2. Артамонов М.И. История хазар. – Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962. – 523 с.
3. Ашихмин А.А. Отечественная историография о проблеме Тмутараканского камня // Университетский историк. – Вып. 10. – 2012. – С. 5–12.
4. Бабаев К.В. Монеты Тмутараканского княжества. – М.: Древлехрани-лице, 2009. – 101 с.
5. Володихин Д.М. Русский период в истории Восточного Крыма // Проблемы национальной стратегии. – 2016. – №2. – С. 194–205.
6. Гадло А.В. Предыстория Приазовской Руси. Очерки истории русско-го княжения на Северном Кавказе. – СПб.: Изд-во СПб. ун-та. – 462 с.
7. Данилевский И.Н. Повесть временных лет: герменевтические основы источниковедения летописных текстов. – М.: Аспект-Пресс, 2004. – 382 с.
8. Захаров В.А. Заметки о Тмутараканском камне // Сборник Русского исторического общества. – Т. 4: От Тмутороканя до Тамани, IX–XIX вв. – СПб., 2002. – С. 154–178.
9. Котляр Н.Ф. Тмутороканское княжество: реальность или историографический миф? // Древнейшие государства Восточной Европы. 2003: Мнимые реальности в античных и средневековых текстах. – М., 2005. – С. 107–118.
10. Латышев В.В. Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. – СПб.: Имп. Рус. археол. о-во, 1896. – 143 с.
11. Литаврин Г.Г. Византия, Болгария, Древняя Русь (IX – начало XII в.). – СПб.: Алетейя, 2000. – 413 с.
12. Майко В.В. Сугдея второй половины X–XI в. Между Тмутараканью и Византией // Античная древность и средние века. – Вып. 39. – 2009. – С. 272–288.
13. Майко В.В. Тмутаракань и Восточный Крым: Основные этапы этнокультурных связей // Ruthenica. – 2010. – Т. 9. – С. 37–48.
14. Майофис М.Л. Тмутараканский камень в культурном строительстве конца XVIII – начала XIX в. // Фило-софский век. – Вып. 10. – СПб., 1999. – С. 132–139.
15. Могаричев Ю.М. К вопросу о «Хазарии» на Азиатском Боспоре в XI–XII вв. // Боспорский феномен: Греки и варвары на евразийском перекрестке. – СПб., 2013. – С. 338–342.

16. Науменко В.Е. Некоторые ключевые вопросы истории Таврики X–XI в.: Политико-административный аспект // *Античная древность и Средние века*. – Т. 40. – 2011. – С. 165–188.
17. *Повесть временных лет* / Под ред. В.Т. Адриановой-Перетс. – СПб.: Наука, 1996. – 667 с.
18. Свиньин П.П. Обзорение путешествия издателя Отечественных записок по России относительно археологии // *Отечественные записки*. – 1826. – Ч. 25. – №71. – С. 440–467.
19. Степаненко В.П. Еще раз о локализации Хазарии в XI в. // *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*. – Вып. 19. – 2014. – С. 368–378.
20. Степаненко В.П. Тмутаракань и Византия в конце XI в. // *Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и Раннего Нового времени*. – Вып. 12. – 2015. – С. 50–62.
21. Тункина Н.В. Российская наука о классических древностях юга России (XVIII – начало XIX в.). – СПб.: Наука, 2002. – 674 с.
22. Хоруженко О.И. Надписи Тмутараканского камня и вспомогательные исторические дисциплины // *Вопросы эпиграфики*. – Вып. 4. – 2010. – С. 277–287.
23. Чхаидзе В.Н. Тмутаракань (80-е гг. X в. – 90-е гг. XI в.). Очерки историографии // *Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа*. – Вып. 6. – 2006. – С. 139–174.
24. Чхаидзе В.Н. Тмутаракань и Восточный Крым в XI в. // *Восточная Европа в древности и средневековье. Ранние государства Европы и Азии: проблемы политогенеза*. – М., 2011. – С. 314–319.
25. Чхаидзе В.Н. Нумизматика Тмутаракани (по поводу книги К.В. Бабаева «Монеты Тмутараканского княжества») // *Античная древность и средние века*. – Вып. 42. – 2014. – С. 184–205.
26. Чхаидзе В.Н. Тмутаракань – владение Древнерусского государства в 80-е гг. X в. – 90-ые гг. XI в. // *Сугдейский сб.* – Вып. 5. – 2012. – С. 251–270.
27. Янин В.Л. *Актовые печати Древней Руси X–XV вв.*: В 2 т. – Т. 1: Печати X – начала XIII в. – М., 1970. – 326 с.

Спорные вопросы в отечественной историографии, касающиеся зарождения и развития системы подготовки артиллерийских кадров в Санкт-Петербурге в первой половине XVIII в.

УДК 94(47).063

DOI 10.21661/r-114597

Controversial issues in Russian historiography concerning the origin and development of the system of training of artillery personnel in Saint-Petersburg in the first half of the XVIII century

Аннотация

В военно-исторической литературе и других источниках, рассматривающих вопросы основания в Санкт-Петербурге военно-специальных школ, в которых на протяжении первой половины XVIII столетия, велась подготовка кадров для артиллерийского корпуса, присутствуют некоторые расхождения с созданием и функционированием таких школ и с организацией в них учебно-воспитательного процесса. В частности, утверждается, что Санкт-Петербургская артиллерийская школа «для пушкарских детей» была учреждена 20 мая 1730 г. В данной работе автор на основе изученных новых архивных источников уточняет дату учреждения вышеназванной школы. Научная работа также призвана дополнить уже имеющуюся информацию об организации и деятельности артиллерийских военно-специальных школ в Санкт-Петербурге в рассматриваемый период. Помимо этого, в статье впервые вводятся в научный оборот некоторые архивные источники.

Бенда Владимир Николаевич – канд. ист. наук, доцент межфакультетской кафедры истории ГАОУ ВО ЛО «Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина», Россия, Санкт-Петербург, Пушкин.

Ключевые слова:

первая половина XVIII в., Санкт-Петербург, артиллерия, кадры, артиллерийская школа, школьники, учителя, учебный процесс, лекционная табель, денежное жалование.

Keywords:

first half of XVIII century, Saint Petersburg, artillery, personnel, artillery school, students, teachers, educational process, curriculum, salary.

Annotation

There are some discrepancies and inaccuracies in the interpretation of certain events associated with the establishment and operation of schools and the organization of the educational process in them in the military-historical literature and other sources dealing with the military special schools' foundation in St. Petersburg, where the training for the artillery corps had been provided during the first half of the eighteenth century. In particular, it is argued that the Saint-Petersburg artillery school «for Pushkarsk children» was established on May 20, 1730. In this article, the author, based on the study of new archival sources, specifies the date of establishment of this school. Scientific work also aims to complete the existing information about the organization and the activities of the artillery military special schools in St. Petersburg during this period. In addition, for the first time some archival sources are being introduced into scientific circulation.

Benda Vladimir Nikolaevich – candidate of historical sciences, associate professor of the Inter-Faculty History Department SAEI of HE of the Leningrad Region “A.S. Pushkin Leningrad State University”, Russia, Saint-Petersburg, Pushkin.

В ранее опубликованных наших работах, вопросы, связанные с зарождением и развитием артиллерийского и инженерного образования сначала в Москве, а затем и в Санкт-Петербурге в первой четверти XVIII в., уже рассматривались [5–9]. Однако, в

ходе дальнейшего изучения архивных и других источников по теме нашего исследования, нам удалось найти сведения, которые существенно дополняют и конкретизируют уже имеющуюся информацию, касающуюся организации и деятельности в рассматриваемый период в

Санкт-Петербурге артиллерийских военно-специальных школ.

В одной из предыдущих наших работ, мы обратили внимание на тот факт, что, по нашему мнению, целенаправленная подготовка артиллерийский кадров в Санкт-Петербурге начала осуществляться при *Санкт-Петербургской артиллерийской лаборатории начиная с 1717 г.* (здесь и далее полужирный курсив наш – В.Б.) [8, с. 26]. Свидетельством этому служат нижеприведенные примеры.

Как реально существующую в Санкт-Петербурге артиллерийскую школу имел ввиду генерал-фельдцейхмейстер (начальник русской артиллерии и инженерного корпуса – В.Б.) Яков Вилимович Брюс, когда он, отвечая в Москву капитану Брунцу (начальник Московской артиллерийской школы – В.Б.) по вопросу об отпуске на урочное время дворянских школьников в свои деревни, категорически запретил это делать и пригрозил, что «... ежели они и впредь будут проситься то взяты будут сюда (т.е. в Санкт-Петербург) ко учению» [1, д. 217, л. 194]. Для многих дворянских школьников, поместья родителей которых находились в уездах Московской губернии, угроза перевода на учебу в Санкт-Петербург была крайне неприятной перспективой.

Важным свидетельством существования в этот период в Санкт-Петербурге артиллерийской школы является представление в Приказ артиллерии начальника Петербургского артиллерийского гарнизона подполковника Витвера, в котором он ходатайствовал «О назначении окладов артиллерийским ученикам из шляхетских детей и разным чинам соответственно занимаемым должностям...» [1, д. 241, л. 192].

Об этом же свидетельствует и факт перевода сюда из Московской артиллерийской школы учителя предметов математического цикла Петра Мартова. В «...именном списке артиллерии генерального и Полкового штаба обер и унтер-офицерам, рядовым..., находящимся в С.-Петербурге и в Москве» об этом записано следующее: «...учитель артиллерийской школы Петр Зиновьев Мартов... октября 30 дня 1719 года великого государя жалованный оклад учинен по 6 рублей на месяц из окладу умершего фейверкера иноземца Петра Шелонковского...и велено ему а С.-Петербурхе учить учеников, которые здесь есть арифметике и геометрии» [1, д. 230, л. 253 об.].

В экстракте о «Дирекции Главной артиллерии», изданном весной 1720 г. указано, что в ведении главного управления артиллерией были артиллерийские школы, находящиеся в Санкт-Петербурге и в Москве. Ученики обеих школ и их учителя содержались на артиллерийском жаловании. Выпускников этих школ в разных чинах и с разными окладами денежного жалования, зависящими от результатов их обучения, по решению главного органа управления артиллерией назначали для дальнейшего прохождения службы в различные подразделения, подчиненные артиллерийскому ведомству [32, с. 56].

Несомненно то, что базой для подготовки артиллерийских кадров в Санкт-Петербурге была артиллерийская лаборатория или «Лабораторный дом». Эту лабораторию и школу при ней длительное время возглавлял образованный и опытный специалист в области артилле-

рии и инженерного дела упомянутый выше подполковник Матвей Витвер [1, д. 230, л. 116, 124, 164–166, 171].

В одной из наших предыдущих статей, нами уже обращалось внимание на то, что в источниках, ставшими классическими в истории военно-учебных заведений России и в которых освещаются проблемы, связанные с учреждением в Санкт-Петербурге в первой половине XVIII в. артиллерийских военно-специальных школ, в т.ч. и артиллерийской школы при артиллерийской лаборатории, присутствуют некоторые противоречия и неточности [8, с. 27].

Так, например, Н.Н. Мельницкий утверждает, что именным указом от 13 марта 1721 г. Петра I повел: «... чтобы находящиеся в службе артиллеристы могли честь выше стяжать и скорее сделаться достойными повышения, выбрать из артиллерии учеников и обучать их при С.-Петербургском лабораторном доме всему, касающемуся до артиллерии, а также арифметике, геометрии и тригонометрии» [26, с. 4].

Известный русский педагог и писатель Н.Л. Ломан в своей работе пишет, что «В том же году (т.е. в 1721 – В.Б.), высочайшим именованным указом от 13 марта, заведена еще одна школа на 30 человек при С.-Петербургском Лабораторном доме. Учеников в нее Государь повелел выбрать из артиллеристов, состоящих на службе, дабы они «...могли честь выше стяжать и скорей сделаться достойными повышения» [24, с. 8].

М.С. Лалаев и Ф.В. Греков в своих работах придерживаются точки зрения Н.Л. Ломана и про школу при артиллерийской лаборатории упоминает одной фразой о том, что в 1721 г. заведена особая школа при Санкт-Петербургском лабораторном доме, в которой обучались состоящие уже на службе артиллеристы [15, с. 9; 23, с. 9].

Н.П. Жервэ и В.Н. Строев про артиллерийскую школу в Санкт-Петербурге в своем труде также практически ничего не пишут и лишь упоминают, что «...в конце своего царствования император Петр Великий задумал (?) основать новую артиллерийскую школу в Петербурге, но, по-видимому, смерть пресекла его начинания» [19, с. 11].

М.М. Денисьевский говорит о двух артиллерийских школах в Санкт-Петербурге, одна из которых была объединена с инженерной школой под общим начальством капитана Гольцмана [17, с. 1021]. Далее он пишет: «...по штату 10 октября 1735 г. артиллерийская школа, бывшая при Санкт-Петербургской инженерной, была отделена и присоединена к Санкт-Петербургской артиллерийской школе, основанной в 1720 году. Согласно штатному положению в 1720 г. в Петербургской артиллерийской школе обучалось арифметике, геометрии, тригонометрии и артиллерийским чертежам 60 человек, словесной и письменной науке 20 человек [17, с. 1027].

Ю.Е. Манойленко, также несколькими строчками в своей работе упоминает об артиллерийской школе при Санкт-Петербургской артиллерийской школе и без всяких ссылок на какие-либо источники, безапелляционно утверждает, что в 1720 г. (!), помимо действовавшей к тому моменту в Москве артиллерийской школы, в

Санкт-Петербурге при артиллерийской лаборатории была открыта еще одна школа, рассчитанная на 50 учеников [25, с. 419].

В другом исследовании утверждается, что артиллерийская школа в Санкт-Петербурге была учреждена в 1719 г. [21, с. 8].

Из приведенного выше краткого историографического анализа виден разброс мнений, касающихся начала подготовки артиллерийских кадров в Санкт-Петербурге, времени учреждения артиллерийской школы при артиллерийской лаборатории, количества учеников, имевших возможность в ней обучаться.

В ходе исследования данной проблемы, нами были изучены многие архивные источники, на которые ранее исследователи и историки не обращали внимания, позволившие нам не только существенно дополнить и конкретизировать имеющиеся сведения о самой артиллерийской лаборатории и действовавшей при ней артиллерийской школе, но, и *устранить существующие неточности и ошибочные утверждения*, касающиеся деятельности артиллерийской школы при артиллерийской лаборатории, а также основания и деятельности в 30-е гг. XVIII в. в Санкт-Петербурге других артиллерийских школ.

Итак, известно, что *в 20-е гг. XVIII столетия, действовали две артиллерийские школы ведущих подготовку кадров для артиллерийского корпуса: Московская и Санкт-Петербургская (при артиллерийской лаборатории)*.

Заметим, что в опубликованных ранее наших работах, указанных выше, мы уже рассматривали вопросы, связанные с организацией и деятельностью Московской артиллерийской школы. А в одной из прежних наших публикаций, мы кратко проанализировали проблемы связанные организацией и деятельностью артиллерийской школы при Санкт-Петербургской артиллерийской лаборатории, в которой велось обучение школьников, направлявшихся после окончания в ней обучения для дальнейшего прохождения службы в артиллерийские подразделения [10, с. 190–195].

Следует заметить, что какой-либо четкой организационно-штатной структуры артиллерийской школы при Санкт-Петербургском лабораторном доме, а также учебной программы, в соответствии с которой в ней шло обучение школьников, вплоть до 1721 г. не было. Но то, что такой учебный процесс в артиллерийской лаборатории был налажен – факт неопровержимый.

Одним из первых основополагающих документов, определивших организационное начало школе при артиллерийской лаборатории был указ Петра I от 13 марта 1721 г. в соответствии с которым было велено «...при Санкт-Петербурге для лаборатории построить удобный дом, в котором делать и заготовлять всякие огнестрельные вещи как до воинских дел так и потешных фейерверков принадлежащие, и ... прочим артиллерийским делам же и рисованию чертежам обучать учеников по надлежащему...» [4, д. 3363, л. 51].

Интересно, что в документе говорится не об организации школы при артиллерийской лаборатории, как

утверждают некоторые отечественные историки и исследователи, о которых мы упоминали выше, *а об организационно-штатной структуре самой лаборатории и о постройке для неё специального дома.*

Штат самой лаборатории включал 13 человек, включая должность обер-фейерверкмейстера в ранге артиллерийского майора, в обязанности которого входило «... исправление лабораторного и фейерверочного дела и обучение тому делу также чертежам и прочим артиллерийским делам учеников» [4, д. 3363, л. 59]. Годовое денежное содержание 13 лабораторных служащих составляло 779 р. [4, д. 3363, л. 59]. На строительство лабораторного дома, на инструменты и припасы было затрачено 6200 р. 87 к. [4, д. 3363, л. 58].

О месте постройки в Санкт-Петербурге лабораторного дома, архивные и другие источники не дают точного ответа. У нас есть все основания полагать, что он был построен на Литейной улице не далеко от литейного двора. Литейный двор (Пушечный литейный двор) в то время располагался на левом берегу Невы, в районе въезда на современный Литейный мост и начала Литейного проспекта Санкт-Петербурга. На новом пушечном дворе были сооружены кузница, столлярная, слесарная, лафетная, токарная и разного рода другие мастерские, которые располагались на территории современных домов №1 и 3 на Литейном проспекте. Здесь же на территории нового пушечного двора располагалась и Артиллерийская канцелярия. Рядом с литейным двором располагались Пушкарская и Литейная слободы для так называемых «рабочих людей». Готовая продукция литейного двора хранилась на пушечном дворе, располагавшимся тогда на территории, на которой в современное время находится дом №4 по Литейному проспекту.

В некоторых источниках сообщается, что на территории Берг и Мануфактур коллегий, которыми с момента их основания руководил Я.В. Брюс [1, д. 241, л. 15] и располагавшимися не далеко от литейного двора, на участке земли, ранее принадлежащей царице Прасковье (вдова царя Ивана V – В.Б.) в 1720 г. было построено каменное здание для *химической лаборатории*, которая была первой в Российском государстве. В ней проводилось исследование образцов сырья, которым обеспечивались промышленные предприятия новой столицы государства, в том числе и того, которое поступало и на литейный двор [18]. Может быть в данном случае как раз речь идет о «лабораторном доме», а годом постройки химической лаборатории или лабораторного дома, следует считать не 1720, а 1721.

П.Н. Глебов прямо указывают, что артиллерийская лаборатория размещалась на левом берегу Невы недалеко от смольного дворца Елизаветы Петровны [14, с. 629], т.е. в районе литейного двора.

Если учесть все вышеизложенное и тот факт, что строительством литейного двора и всех сопутствующих строений руководил генерал-фельдцейхмейстер Я.В. Брюс, то маловероятно, что лабораторный дом был построен в другом районе, а не в районе литейного двора. Не вызывает сомнения и тот факт, что школа могла находиться при самой лаборатории, т.к. некото-

рые учебные курсы школьников (ракетные составы, снаряжение боеприпасов и подготовка зарядов, фейерверки, лабораторное искусство – В.Б.) могли преподаваться только в лаборатории.

Штат вновь учрежденной школы при Санкт-Петербургской артиллерийской лаборатории, представлен нами в упомянутой выше публикации [10, с. 193]. Лишь только напомним, что в соответствии со штатом, в Санкт-Петербургской артиллерийской школе в ведении обер-фейерверкмейстера (начальника лаборатории) находились один учитель и рисовальный мастер, а также 60 учеников для обучения их артиллерийским чертежам, лабораторным и прочим делам, разделенным на три статьи (в каждой по 20 учеников – В.Б.) [4, д. 3363, л. 72 об.].

После издания указа Петра I о строительстве в Санкт-Петербурге артиллерийской лаборатории и определения организационно-штатной структуры школы при ней, генерал-фельдцейхмейстер Я.В. Брюс поставил перед подполковником М. Витвером, бывшему в то время начальником лаборатории, задачу по организации соответствующего учебного процесса. Обучение учеников во вновь учрежденной школе при артиллерийской лаборатории, должно было вестись в соответствии со специальной инструкцией «Объявление чему в лаборатории обучать учеников подполковнику Витверу», данной генерал-фельдцейхмейстером Я.В. Брюсом подполковнику Витверу [3, д. 783, л. 7–8; 20, с. 592]. В программу обучения в школе входили следующие дисциплины: материальная часть артиллерии, приготовление ракет и ракетных составов, снаряжение боеприпасов и подготовка зарядов, ружейные приемы и приемы действия у орудий, стрельба из пушек, гаубиц и мортир по мишеням.

Указом Петра Великого от 31 декабря 1722 г. в Главную артиллерию, программа обучения школьников «обретающихся при артиллерии артиллерийских школ» была уточнена. В Московской артиллерийской школе обучали словесной и письменной науке, арифметике, геометрии, тригонометрии. Штат Московской артиллерийской школы насчитывал 100 школьников [3, д. 783, л. 9]. В Санкт-Петербургской арифметической (артиллерийской школе при лаборатории – В.Б.) следовало обучать артиллерийским чертежам, фейерверкам «... всякому лабораторному делу... и прочим наукам» [3, д. 783, л. 9 об.].

Этим же указом были определены еще несколько важных моментов по организации деятельности указанной школы.

Во-первых, количество школьников в данной школе было определено в 50 человек «...с окладами жалования по 2 р. на месяц человеку дабы ревностно обучались и к производству себя побуждали» [3, д. 783, л. 9 об.].

Во-вторых, было определено, что «по окончании тригонометрии для обучения артиллерийским чертежам и фейерверков ... и прочих наук из Московской школы оных учеников со временем или когда по нужде будет посылать в Санктпетербурх в арифметическую школу (стиль и орфография документа сохранены – В.Б.)» [3, д. 783, л. 9–9 об.].

Из этого становится очевидным, что *Московская артиллерийская школа* стала выполнять функции подготавливающего учебного заведения, т.к. Санкт-Петербургская артиллерийская школа комплектовалась за счет школьников Московской школы, которые учили геометрию и тригонометрию. В частности, в конце 1721 г. из Московской артиллерийской школы для дальнейшего обучения в Санкт-петербургской артиллерийской школе было направлено 43 школьника [2, д. 30, л. 125].

Санкт-Петербургская артиллерийская школа, на тот момент была как бы высшей ступенью артиллерийского образования. Еще заметим, что в упомянутом выше указе Петра I, *Санкт-Петербургская артиллерийская школа при артиллерийской лаборатории впервые названа как «арифметическая».*

В-третьих, начальником школы назначался обер-фейерверкер мастер «...в ранге артиллерийского майора с надлежащим майорским жалованием», которому вменялось обучать школьников «чертежам артиллерийским и фейерверкам и прочим наукам». Он же исполнял обязанности начальника лаборатории [3, д. 783, л. 10].

Сохранилось очень мало сведений о деятельности артиллерийской школы при Санкт-Петербургской лаборатории в 20-е гг. XVIII столетия. Если какие-либо источники и содержат фрагментарную информацию о деятельности вышеуказанной школы, то она, на наш взгляд, довольно противоречива и не бесспорна.

В частности, упомянутый выше Н.Н. Мельницкий пишет, что на протяжении 1722–1723 гг., генерал-майор инженер Де Кулон помимо руководства Санкт-Петербургской инженерной школой, заведовал еще и артиллерийской школой при Санкт-Петербургском лабораторном доме [26, с. 4]. Это утверждение вызывает явное сомнение, т.к. в соответствии с именованным указом Петра I от 16 марта 1719 г., генерал-фельдцейхмейстеру Я.В. Брюсу поручалось «...при Санкт-Петербурге учинить инженерную роту и быть ей в подчинении полковника инженера Кулона», которая комплектовалась учениками Московской инженерной школы [1, д. 241, л. 144 об.]. В феврале 1721 г. инженер полковнику А. Де Кулону был присвоен чин (воинское звание – В.Б.) генерал-майора [5, д. 5, л. 55]. 25 декабря 1722 г. инженер генерал-майор Де Кулон именованным указом Петра I был назначен директором над всеми российскими крепостями, имея в своем подчинении всех инженеров, а также инженерную и минерную роту [31, д. 598, л. 3]. Тем более, это утверждение не соответствует действительности, так как противоречит именованному указу Петра I от 22 декабря 1722 г. на который мы ссылались ранее и которым начальником школы был определен обер-фейерверкер подполковник Витвер.

Далее Н.Н. Мельницкий пишет, что с 1723 по 1730 г. начальником как артиллерийской школы при лабораторном доме, так и Санкт-Петербургской инженерной школы был инженер капитан Гольцман [26, с. 4], что тоже явно не соответствует действительности. Инженер капитан Гольцман был назначен только начальником Санкт-Петербургской инженерной школы,

что видно из рапорта Гольцмана в *Канцелярию главной артиллерии и фортификации (КГАиФ)* в котором он пишет «...по его царского величества указу повелено мне ведать инженерной школою, учеников обучать фортификации ...» [2, д. 10, л. 1015].

В другой работе сказано, что во времена царствования Петра II, генерал-фельдцейхмейстер Миних «...восстановил артиллерийскую и инженерную школы, слив их в одно учебное заведение» [33, с. 15], что тоже не соответствует действительности.

Достоверно известно, что Санкт-Петербургская артиллерийская школа в конце первой четверти XVIII в. находилась под управлением начальника артиллерийской лаборатории, а какое-то время учителем в ней был известный впоследствии изобретатель в области механики и артиллерийского дела А.К. Нартов [3, д. 161, л. 17].

Другой архивный источник предоставляет нам сведения о том, что в октябре 1728 г. в Санкт-Петербургской артиллерийской школе обучалось всего 20 человек (а по штату должно было быть не менее 60 – *В.Б.*), а учителем был Петр Мартов [2, д. 248, л. 1–2 об.]. В своем донесении вышестоящему руководству, учитель сообщал о результатах изучения этими школьниками тех или иных частей арифметики и сколько каждый из них обучался в лаборатории «лабораторному искусству». К примеру, школьник Осип Грачев, «...был в лаборатории 2 месяца и 28 дней ... изучил арифметические правила «по чину» вплоть до простых дробей. Сейчас учит простые дроби. Надлежит ему доучить простые дроби, десятичные дроби, деление квадратное и кубическое» [2, д. 248, л. 1–2].

С уверенностью также можно сказать, что к концу 20-х гг. XVIII в. начальником Санкт-Петербургской артиллерийской лаборатории, соответственно и артиллерийской школы, был уже не М.М. Витвер. После смерти в начале февраля 1729 г. третьего генерал-фельдцейхмейстера И.Я. Гинтера, в артиллерии оставалось только два генерала: генерал-лейтенант В.И. Де Геннин и генерал-майор М.М. Витвер, который командовал осадной артиллерией в Брянске [32, с. 132].

После смерти И.Я. Гинтера, в течении трех месяцев на должность начальника артиллерийского корпуса никто не был назначен. И только 20 мая 1729 г. император Петр II своим указом из Государственной военной коллегии (ГВК) поручил Б. Х. Миниху «...артиллерией ведать ...и быть при том деле главным» [5, д. 75, л. 2]. Обращаем внимание, что Миних был назначен только «главным», т.е. старшим начальником в артиллерии, но не генерал-фельдцейхмейстером, как это указывается в некоторых источниках. Официально в должности генерал-фельдцейхмейстера, Б.Х. Миних только был утвержден 7 февраля 1731 г. [32, с. 163]. Об этом же пишет и сам Б.Х. Миних в своих «Записках...» [13, с. 44].

Когда И.Я. Гинтер скончался, занимаемый им пост вице-президента Военной коллегии, также перешел к Миниху. С этого момента руководство артиллерийским и инженерным корпусам, в т.ч. и военно-учебными заведениями, было сосредоточено в руках Б.Х. Миниха, человека, по его собственным

словам, далекого от артиллерии [34, с. 231], да и чуждого ей.

После смерти Петра II, и воцарения в феврале 1730 г. на российском престоле Анна Иоанновна [4, д. 3285, л. 1], под руководством Б.Х. Миниха, в период 1730–1731 гг. был проведен ряд реформ, касающихся многих вопросов устройства военной организации российского государства.

С начала 30-х гг. Санкт-Петербург стал постепенно превращаться в научный центр по формированию у обучающихся в различных военно-специальных учебных заведениях системы научных знаний и профессиональных компетенций в различных областях военного дела. Помимо упомянутой выше артиллерийской школы, в указанный период в Санкт-Петербурге действовала военно-инженерная школа, а в начале 30-х гг. XVIII столетия, по инициативе Б.Х. Миниха, здесь же был учрежден Шляхетный кадетский корпус, который, впоследствии, в отличие от Морского кадетского корпуса, был назван Сухопутным. В работах некоторых авторов [27, с. 133–134], в т.ч. и в наших ранее опубликованных трудах [9; 11], уже рассматривались вопросы учреждения и организации деятельности Сухопутного кадетского корпуса в рассматриваемый период. Поэтому, нет необходимости в дальнейшем рассмотрении вопросов, связанных с функционированием Сухопутного шляхетного кадетского корпуса начиная с момента его учреждения и в последующем.

Продолжая рассмотрение вопросов, связанных с развитием системы подготовки артиллерийских кадров в России, еще раз напомним, что в начале 30-х гг. XVIII в., целенаправленная подготовка кадров для артиллерии велась в Московской и Санкт-Петербургской артиллерийских школах.

В начале 30-х гг. XVIII столетия, система подготовки артиллерийских кадров, предназначенных для укомплектования должностей различного профиля и назначения в артиллерийском корпусе и системе его материально-технического обеспечения и обслуживания, получила новый импульс в своем развитии. В Санкт-Петербурге были учреждены новые военно-специальные образовательные учреждения (военно-специальные школы – *В.Б.*), в которых велась подготовка кадров для артиллерии.

В частности, в различных военно-исторических источниках сообщается о том, что одна из таких школ, а именно артиллерийская школа на 60 человек для «пушкарских детей» для подготовки канцелярских и полковых писарей, унтер-офицерских кадров и мастеровых в артиллерию, была учреждена в Санкт-Петербурге 20 мая 1730 г. [22, с. 8–9; 23, с. 12; 24, с. 42; 33, с. 15].

Продолжая изучение данной темы, мы обратили внимание на тот факт, что в работах, посвященных истории создания и развития системы артиллерийского и инженерного образования в России в XVIII в., об учреждении в Санкт-Петербурге в мае 1730 г. артиллерийской школы и ее функционировании, или вообще никак не упоминается [15; 21], или же упоминается вскользь [19, с. 14; 23, с. 12]. Например, Н.П. Жервэ

и В.Н. Строев в своей работе помимо упоминания одной фразой о том, что в Санкт-Петербурге была основана артиллерийская школа (повествование ведется о 30-х гг. XVIII в. – В.Б.), еще ошибочно указывают, что вышеуказанная школа была учреждена в 1731 г. [19, с. 14].

Н.Н. Мельницкий, в своем труде учреждение и начало деятельности в начале 30-х гг. XVIII в. Санкт-Петербургской артиллерийской школы для детей артиллерийских служащих опускает, и начинает повествование о Санкт-Петербургской артиллерийской школе начиная с 1735 г. [26, с. 18]. Такая же примерно ситуация повторяется в работе «История отечественной артиллерии», в которой хронологически начинается повествование о Санкт-Петербургской артиллерийской школе, состоящей «...из 2-х отделений: 1-го «чертежного» и 2-го «арифметических и других наук», с 1735 г. [20, с. 231]. Более детально вопрос об учреждении и организации деятельности Санкт-Петербургской артиллерийской школы для детей артиллерийских и прочих служащих рассмотрел в своей работе известный русский писатель и педагог XIX в. Николай Логинович Ломан [24, с. 42–49].

Н.Л. Ломан и другие исследователи указывает, что основание Санкт-Петербургской артиллерийской школы для детей артиллерийских служащих и мастеровых людей произошло на основании определения КГАиФ от 20 мая 1730 г.

До не давнего времени, такой же точки зрения придерживались и мы. Однако, изученные нами в последнее время дополнительные архивные источники, позволяют нам сомневаться в правдивости утверждений о том, якобы Санкт-Петербургская артиллерийская школа «для пушкарских детей» была учреждена 20 мая 1730 г.

Рассмотрим хронологию исторических событий и документов, связанных с учреждением и организацией деятельности вышеуказанной школы.

Первоначально проанализируем причины, которые, на наш взгляд, побудили КГАиФ принять решения о создании в Санкт-Петербурге отдельной специализированной артиллерийской школы для обучения в ней детей артиллерийских служащих.

Во-первых, Б.Х. Миних все более и более вникая в артиллерийские дела, видя отсутствие системы и порядка в управлении артиллерийским ведомством, не мог с эти мериться, и со свойственной ему энергией стал предпринимать попытки о наведения порядка и укрепления дисциплины в системе управления артиллерийским и инженерным ведомством.

Это видно из того, что в конце июня 1729 г. Минихом на имя императора Петра II было направлено «все-нижайшее представление» о том, чтобы артиллерийская канцелярия была снова переведена из Москвы в Петербург, «которой надлежит быть при нем (т.е. при Минихе – В.Б.)». Благодаря протекции ближайшего друга Миниха – вице-канцлера Остермана, резолюция Петра II на это представление вскоре была получена и в середине июля 1729 г. артиллерийская канцелярия уже по приказу из Военной коллегии начала свой переезд в Петербург.

Далее, в начале декабря 1729 г. генерал фон Миних

представил Петру II доклад, в котором ходатайствовал о возвращении из Сибири генерал-лейтенанта артиллерии В.И. Де Геннина, чтобы тот продолжил исполнять в артиллерийском корпусе обязанности генерал-лейтенанта (после генерал-фельдцейхмейстера второй по значимости чин в организационной структуре ведомства – В.Б.) [5, д. 83, л. 52]. Де Геннин, в соответствии с указанием Петра II и решением ВТС в августе 1728 г. был отправлен в Сибирь для организации производства на железных и медных заводах, хотя и получал жалование из артиллерийской суммы [30, с. 278].

По всей видимости, в ходе инспектирования артиллерийских подразделений после своего назначения «главным в артиллерии», Б.Х. Миних мог столкнуться с большим количеством детей артиллерийских служащих, ничем не занятых и бесцельно слоняющихся. А для Миниха, поборника внешнего порядка, дисциплины и организации это было неприемлемым.

Подтверждением этому служит мотивационная часть приказа КГАиФ от 31 декабря 1729 г., которая говорит о том, что «...обретающейся в Санкт-Петербурге полевой и Санкт-Петербургского гарнизона артиллерийских служащих, также Санкт-Петербургского арсенала и обоих пороховых заводов и разных чинов людей имеется малолетних детей немалое число и пребывают праздно, токмо по улицам шатаются от которых не иной надежды ожидать, но токмо разным мошенничествам и плутовству научиться. А по осмотру канцелярии главной артиллерии и фортификации, оных артиллерийских служащих детей явилось от 5 до 15 лет 60 человек и с оного смотра те 60 человек назначены в школу» [3, д. 783, л. 15–15 об.].

В определении также говорилось, что помимо 60 пушкарских детей, уже зачисленных в школу, на смотр в канцелярию также явились малолетние дети, пока еще не пригодные к зачислению в школу. Они как бы составляли резерв канцелярии и через несколько лет могли быть также зачислены для обучения в школу.

Во-вторых, как раньше, так и в рассматриваемый период считалось, что «наука для артиллерии имеет значение преобладающее» [22, с. 1]. Исходя из этого принципа, следовало комплектовать первичные солдатские должности в артиллерии (канониры, бомбардиры и гантлангеры) кадрами, а также мастерами различного профиля, обладающими, если можно так сказать, базовой подготовкой, т.е. умеющими читать, писать, обученным основам арифметики и геометрии и другим наукам, имеющим отношение к артиллерии. А рекруты из крестьян, которые попадали для дальнейшего прохождения службы в артиллерию, приходилось обучать их воинской специальности или какому-либо ремеслу (мастерству, художеству и т. д. – В.Б.) по несколько лет для того чтобы они могли в полной мере выполнять свои функциональные и служебные обязанности.

В связи с этим, КГАиФ логично рассуждала, что из пушкарских детей, прошедших специальную подготовку в школах, получались уже грамотные и подготовленные к выполнению своих функциональных и служебных обязанностей кадры для укомплектования артиллерии. В этом случае, по мнению канцелярии,

значительно сокращалось время на обучение личного состава артиллерийских подразделений, которым они доукомплектовывались до штатного положения, и отпадала надобность в наборе того или иного количества рекрут [3, д. 783, л. 15 об. 16].

В-третьих, в ноябре 1728 г. контора артиллерийской канцелярии получила указ императора Петра II из Государственной военной коллегии (ГВК) которым предписывалось «...пушкарских детей обучать в гарнизонных школах обще с солдатскими детьми» [3, д. 783, л. 13]. Канцелярии этим же указом предписывалось определить, сколько пушкарских детей обучать в гарнизонных школах с таким условием, чтобы штат гарнизонных школ не увеличивался больше чем по 20 человек. *Канцелярии главной артиллерии* необходимо было выделять необходимые финансовые средства в каждую из гарнизонных школ, где обучались пушкарские дети, «...а ежели артиллерия такого определения не учинит, то содержать их в указанном числе и довольствоваться из гарнизонной суммы». В указе говорилось, что в таком случае «...впредь обученные в гарнизонных школах пушкарские дети в артиллерию отданы не будут» [3, д. 783, л. 13 об.], т.е. артиллерия могла лишиться какой-то части кадров, получивших первоначальную подготовку к службе, и, более того, вынуждена была расставаться с какой-то частью денежных средств («артиллерийской суммы» – В.Б.), выделяемых на содержание артиллерии. А артиллерийское ведомство весьма неохотно расставалось даже с незначительными суммами денежных средств, выделяемых из государственной казны на его содержание, тем более, что их и так постоянно не хватало.

По всей видимости, учитывая вышеизложенные обстоятельства, КГАиФ 31 декабря 1729 г.(!) приказала «...для обучения выше писанных служителей малолетних детей 60 человек учиня на Московской стороне для пушечного двора особливую школу и построить оную у ново строящейся церкви (на Литейной, возле Сергиевской церкви – В.Б.). В указе также говорилось, что до тех пор, пока новое здание школы не будет построено в указанном месте, «...обучать оных малолетних детей и содержать в доме гвардии Преображенского полка поручика Ивана Олова...» которому необходимо было требовать от полицмейстерской канцелярии под ту школу какое-либо пустующее строение или дом [3, д. 783, л. 15 об. 16].

Предполагалось в школе обучать «...словесной грамоте, а потом писать. Также арифметике и геометрии и прочим наукам к артиллерии принадлежащим». Для решения организационных вопросов связанных с учреждением новой школы, а также для «...надзора за всем, что к ней принадлежит и за школьниками» был назначен *сержант артиллерии Воронов* [3, д. 783, л. 16–16 об.]. Также для обучения школьников словесной и письменной науке, следовало найти учителя среди личного состава артиллерии «...или добропорядочного человека из посторонних» [3, д. 783, л. 16 об.].

КГАиФ приказала сержанту Воронову подать необходимые списки зачисленных в школу пушкарских

детей с указанием их возраста и кто какую науку на тот момент изучил [3, д. 783, л. 16 об.]. В приказе канцелярии также было указано, что нормы годового довольствия школьников устанавливались в соответствии с нормами довольствия и снабжения школьников, обучающихся в остзейских и российских гарнизонных школах. Сержанту Воронову необходимо было представить в КГАиФ «роспись», что полагалось в год на содержание самой школы, на обеспечение учебного процесса, т.е. на книги, инструменты и прочие принадлежности необходимые для обучения школьников, а также на пищу школьников, их одежду, обувь и прочие нужды [3, д. 783, л. 16 об.].

20 мая 1730 г. был издан очередной приказ КГАиФ, в котором говорилось, что предыдущим приказом канцелярии от 31 декабря 1729 г. было определено учредить специальную школу на 60 человек для обучения в ней малолетних детей артиллерийских служащих (!) (служителей – В.Б.) [3, д. 783, л. 17].

Выше мы упоминали о том, что сержанту Воронову необходимо было представить в КГАиФ подробную ведомость постатейных расходов на содержание школы, что им и было сделано. В соответствии с ведомостью, составленной Вороновым, на книги, одежду, обувь и другие надобности, а также на жалование учителям и наемным работникам, *требовалось на год не менее 800 р.* КГАиФ приказала, указанную сумму на содержание школы целенаправленно выделять из тех денег, которые выделялись государством на содержание всего артиллерийского корпуса. *Все школьники зачислялись в штат Санкт-Петербургского арсенала* [3, д. 783, л. 17 об.].

В приказе канцелярии еще раз было подтверждено, что до специального указа, надсмотр за организацией деятельности школы и самими школьниками, чтобы те «...обучались без ленности и содержались в добром порядке» поручалось сержанту Воронову. Воронову для организации нормального функционирования школы поручалось закупить все необходимое для этого, а именно «...каменные доски, и книги, и чернила, железную и деревянную посуду, також рубахи и галстуки, и башмаки и челки, одеяла войлочные...» [3, д. 783, л. 17 об.].

Также указывалось, что если что-то из необходимого для закупки не будет найдено уже в готовом виде, то необходимо было закупить необходимые «припасы и оное сделать». На закупку всего необходимого, сержанту Воронову выделялось 192 р., которые необходимо было тратить «без излишества». Все расходующиеся денежные средства, а также купленные припасы должны были заноситься в две специальные книги, которые должны были быть прошнурованы и скреплены канцелярской печатью [3, д. 783, л. 17а].

На покупку продовольственных припасов или «харчевых припасов», на каждую треть года Воронову выделялось по 48 р. и 3 р. на соль. Воронову предписывалось покупать все необходимые припасы в необходимых количествах заблаговременно «...настоящими ценами без передачи» исходя из того правила, чтобы на одного человека в месяц выходило по 20 коп.

[3, д. 783, л. 17а об.]. Помимо закупаемых продуктовых припасов, на питание школьникам на год полагалось покупать «...63 четверти муки» (1 четверть – примерно 7 пудов и 10 фунтов, т.е. примерно 120 кг. – В.Б.). Если перевести на современную систему измерения веса, то получится, что в год на питание школьников расходовалось более 7 тонн муки. Помимо муки полагалось закупать «4 четверти круп и 24 сажени дров [3, д. 783, л. 17а об.] (примерно 9,7 куб.м. – В.Б.)».

Так проходил организационный период начала функционирования Санкт-Петербургской школы для детей артиллерийских служащих (пушкарских детей).

И вот здесь обратит внимание на один важный момент. Определение КГАиФ от 20 мая 1730 г. было издано канцелярией в дополнение к ранее изданному, т.е. от 31 декабря 1729 г., с целью уточнения вопросов материально-технического обеспечения деятельности школы и организации в ней учебного процесса, в т.ч. некоторых организационных вопросов, а также размеров продовольственного и вещевого обеспечения школьников, но, ни как учреждающий документ, положивший начало основанию новой военно-специальной артиллерийской школы.

На основании вышеизложенного можно полагать, что начало учреждению Санкт-Петербургской артиллерийской школы для детей артиллерийских служащих, или «пушкарских детей» положил приказ Канцелярии главной артиллерии и фортификации от 31 декабря 1729 г. А следующее определение КГАиФ от 20 мая 1730 г. было издано канцелярией в дополнение к ранее изданному для уточнения некоторых организационных вопросов.

Что касается организации учебного процесса во вновь учрежденной артиллерийской школе и его результативности, то хотя школьная программа и включала в себя обучение учеников геометрии и тригонометрии, но за время руководства школой сержантом Вороновым, школьники смогли лишь усвоить только начальные основы арифметики. Такое положение дел можно объяснить рядом обстоятельств.

Во-первых, малолетние школьники уставали от большой продолжительности занятий и просто не могли хорошо усваивать изучаемый материал, а, *во-вторых*, сам Воронов не мог постоянно находиться вместе с школьниками и заниматься их обучением т.к. у него, кроме преподавательских обязанностей, были еще и другие не связанные с учебным процессом.

Например, массу времени у Воронова отнимала переписка с КГАиФ по поводу исполнения каждого из её указов, подачи рапортов на выделение необходимого имущества, припасов и т. д. Для наглядности приведем характерный пример. По рапорту уже штык-юнкера Воронова в КГАиФ о выделении на отопление школы необходимого количества дров, 18 января 1733 г. последовал указа императрицы в обер-цейхвартерскую контору Канцелярии главной артиллерии и фортификации об отпуске в артиллерийскую школу из Санкт-Петербургского арсенала 10 сажень дров [4, д. 167, л. 1]. Казалось бы, вопрос должен быть решен без каких-либо затруднений и в скором времени.

Но, не тут-то было. Началась переписка между участвующими в разрешении этой проблемы инстанциями, т.к. в указе императрицы, не было указано какие дрова следует отпускать «поленчатые или трех аршинные». 28 января 1733 г. из арсенала поступил соответствующий рапорт в обер-цейхвартерскую контору Канцелярии главной артиллерии и фортификации с просьбой указать точно «...какие надлежит отпустить дрова поленчатые или трех аршинные» [4, д. 167, л. 2]. Из-за такой бюрократической переписки прошло более двух месяцев, пока эта, на первый взгляд, мелочная проблема была решена и штык-юнкеру Воронову были выделены 10 сажень дров «...записав их в расход с распиской в артиллерийской обер-цейхвартерской конторе» [4, д. 167, л. 1].

В 1733 г. вместо штык-юнкера Воронова, переведенного для дальнейшего прохождения службы в другое место, начальником школы был назначен *учитель Московской артиллерийской школы Михаил Борисов*. К моменту перевода М.Борисова в Санкт-Петербургскую артиллерийскую школу для «пушкарских детей», он уже длительное время преподавал в Московской артиллерийской школе и как учитель, был довольно подготовленным и опытным. На Борисова возлагались такие же обязанности, как и на Воронова, т.е. он должен был преподавать арифметику, геометрию и тригонометрию, следить за поведением школьников и их полноценным продовольственным и вещевым обеспечением. В помощь Борисову для обучения школьников словесной науке (читать и писать – В.Б.), канцелярия назначила писаря Атяева, который обязан был помимо обучения школьников русской грамоте, выполнять еще функции завхоза школы. Ему вменялось вести учет прихода и расхода денежных средств и продовольственных припасов, отпускаемых в школу, отвечать за постельное имущество и кухонную утварь числящиеся за школой [24, с. 45].

Ранее мы упоминали о том, что в это же время в Санкт-Петербурге наряду с артиллерийской школой для «пушкарских» детей должна была действовать артиллерийская школа при лаборатории. По всей видимости, эта школа после смерти Петра I, перестала комплектоваться новыми учениками. Это стало очевидным после того как принц Гессен-Гомбургский, назначенный 28 марта 1735 г. вместо Б.Х. Миниха новым генерал-фельдцейхмейстером [5, д. 112, л. 14], по каким-то причинам обратил свое внимание на эту школу. Оказалось, что в этой школе практически не было учеников.

Напомним, что в артиллерийской школе при лаборатории следовало обучать «...шляхетских и других разных чинов и артиллерийских служителей детей принадлежащих ко артиллерии» [4, д. 3363, л. 72] «... всем огнестрельным вещам и размеру артиллерии с лафетами и прочим артиллерийским чертежам ..., а также из пушек метанию бомб и других снарядов» [3, д. 783, л. 47]. В этой же школе, также мог повышать свой образовательный уровень артиллерийский унтер и обер-офицерский состав, с целью «... честь выше стяжать и скорее сделаться для повышения достойны-

ми» [26, с. 4]. Но, за свое обучение они должны были сами платить начальнику школы (ober-фейерверкеру – В.Б.) соответственно по 25 и 30 р. [3, д. 783, л. 47]. По всей видимости, именно это обстоятельство не способствовало проявлению желания у большого количества артиллерийского унтер и ober-офицерского состава пройти обучение в указанной школе.

Такое положение дел с набором в артиллерийскую школу при лаборатории, не мог поправить даже указ Анны Иоанновны от 23 ноября 1731 г., которым запрещалось производить в унтер-офицеры, а из унтер-офицеров в ober-офицеры соответственно безграмотных солдат и унтер-офицеров «...дабы каждый к обучению грамотному попечение имел неленностное» [28, с. 566]. Комплектование школы учениками из дворянства также было затруднено, т.к. дворянство не очень охотно стремилось отдавать своих детей для обучения в военно-специальные учебные заведения, а оставляли их дома.

Вероятно в силу приведенных нами выше обстоятельств, к 1735 г. Санкт-Петербургская артиллерийская школа при лаборатории не была укомплектована личным составом, который проходил бы обучение в указанной школе.

По предложению нового генерал-фельдцейхмейстера принца Гессен-Гомбургского, 25 июля 1735 г. состоялось определение КГАиФ, в котором говорилось, что для укомплектования артиллерийского штата бомбардирами, унтер-офицерами и ober-офицерами «...назначено в артиллерийской школе (имеется ввиду артиллерийская школа при лаборатории – В.Б.) содержать учеников в Санкт-Петербурге на жаловании 30 человек, в т.ч. первой статьи – 15 человек по 24 р., второй статьи – 15 человек по 18 р. в год. Да в словесной и письменной науках, также в арифметической (подразумевается артиллерийская школа для «пушкарских» детей – В.Б.), в содержании пищей и мундиром на казенной сумме 60 человек. И в то число при том учении есть из детей артиллерийских рядовых служителей» [3, д. 783, л. 18]. Далее говорилось, что в первой школе (т.е. при лаборатории – В.Б.) обучалось лишь только трое недорослей из новгородских дворян.

Заметим, что в то время, как в гарнизонах, так и в осадной и полевой артиллерии не только в ober-офицерском но и в унтер-офицерском составе был большой некомплект и «...состоит в них нужда, а производить почти не из кого» [3, д.783, л.18 об.]. В следствие этого, КГАиФ были в срочном порядке предприняты меры по доукомплектованию артиллерийской школы при лаборатории необходимым количеством учеников. КГАиФ приказала для обучения школьников в артиллерийской школе при лаборатории и последующего их производства в унтер-офицерский чин после окончания обучения «...выбрать из инженерной школы и с первой и второй статей которые получают жалование по 24 р. на год человек 10. К тому же еще требовать чтоб в то число 10 даны были из кадетского корпуса (сухопутного – В.Б.), которые обучались арифметике, геометрии и тригонометрии и знанием или рукой рисовать» [3, д. 783, л. 19]. Оставшиеся 10 человек до

полного комплекта следовало набрать в Московской артиллерийской школы из «...дворянских и офицерских детей, кои учили арифметику, геометрию и тригонометрию» [24, с. 49].

Казалось бы, все было сделано для того, чтобы Санкт-Петербургская артиллерийская школа при лаборатории вновь стала полноценно функционировать. Однако, по каким-то соображениям, на наш взгляд, из-за экономических расчетов, канцелярия изменила свое первое решение и деятельность школы при Санкт-Петербургском лабораторном доме возобновлена не была. А 10 октября 1735 г. был утвержден только штат одной новой школы, формально объединенной с Санкт-Петербургской артиллерийской школой для «пушкарских детей» и территориально располагавшейся на ее базе (!). Вновь созданное военно-учебное заведение, стало существовать под общим названием «Санкт-Петербургская артиллерийская школа», находящейся в ведении КГАиФ.

Для обучения школьников и контроля за учебным процессом и личным составом школы, был назначен поручик артиллерии Гинтер. Ему в помощники был назначен штык-юнкер Фабрициус, который обязан был обучать школьников рисованию, а фортификации – унтер-цейхвартер Толстов [3, д. 783, л. 20]. Для оказания помощи штык-юнкеру Фабрициус в обучении рисованию в той же школе, предписывалось приходить в школу в свободное от работы и дел еще 4 «малярам» [3, д. 783, л. 20].

Для обеспечения учебного процесса во вновь учрежденной школе «...и для лучшего школьниками в тех науках изъяснения и понятия» канцелярия отдала в школу по одному экземпляру имеющихся при ней артиллерийских и инженерных книг каждого автора. А если лишних книг в канцелярии не оказывалось, то следовало «...купить всех авторов на русском языке и на немецком в которых нужда будет. А именно геометрические и тригонометрические, Артиллерия Броуна, Бухнера, Бринкера, французские по две книги фортификации Кугорно, Вобана, рисовальную... механические какие есть на русском языке да на немецком... и к тому сколько потребно и каких инструментов, бумаги, чернил, перьев и прочего тому учинить реестр» [3, д. 783, л. 20].

Этим же указом КГАиФ, т.е. указом от 10 октября 1735 г., были определены размеры денежного, продовольственного и вещевого обеспечения школьников. Так, например, размер годового денежного жалования школьникам устанавливался в зависимости от уровня обучения или изучаемой дисциплины: в арифметической – по 12 р., в геометрии и тригонометрии по 18 р., в чертежной артиллерийской и фортификации – по 24 рубля на год [3, д. 783, л. 21].

Также указывалось, что из денежного жалования школьников, полагалось у них вычитать «на мундир» в месяц по 28 к., а в год по 3 рубля. Школьников за казенный счет обеспечивали мундиром, кафтаном, камзолом, штанами сроком на три года, а нижний мундир и штиблеты школьникам полагалось иметь свои [3, д. 783, л. 21]. Для того чтобы школьники постоян-

но жили при школе, КГАиФ приказала капитану над артиллерийскими мастеровыми Кренизину построить дополнительно на школьном дворе еще «две светлицы... из нового леса или из старого артиллерийского хоромного строения» [3, д. 783, л. 21 об.].

Важно заметить, что так называемая Санкт-Петербургская артиллерийская школа, ставшая существовать под этим именем с октября 1735 г. состояла из двух отделений или точнее, двух отдельных, различных по своему назначению школ. Хотя обе эти школы содержались в одном помещении, но каждая из них имела свой штат, фиксированную годовую сумму, выделяемую на их содержание и отдельно одна от другой предоставляли необходимые отчеты в КГАиФ.

Первое отделение или «Школа для «пушкарских детей» по-прежнему, готовила писарей, мастеровых и унтер-офицерские кадры для артиллерии. Количество учеников в ней составляло 60 человек «пушкарских детей». Учителем в этой школе по-прежнему был Михаил Борисов. Школа для «пушкарских детей» была разделена на три класса: геометрический, арифметический и словесной науки. В этих трех классах ученики не получали жалованья, но обеспечивались питанием

и вещевым имуществом за государственный счет. На содержание указанной школы в год отпускалось 764 р. [24, с. 50].

Во второй вновь учрежденной школе необходимо было содержать на государственном обеспечении 30 учеников, преимущественно из дворянских и офицерских детей. Планировалось учеников в этой школе обучать математическим наукам и артиллерийскому искусству, а потом выпускать унтер-офицерами в артиллерию. Годовое содержание указанной школы обходилось казне в 855 р. [24, с. 50].

Вновь созданная Санкт-Петербургская артиллерийская школа, состоящая из двух отделений (школ), находилась в непосредственном подчинении у генерал-лейтенанта артиллерии В.И. Де Геннина. 7 января 1736 г. за его и военного советника артиллерии Томилова подписью и во вторую школу (второе отделение – В.Б.), которая впоследствии стала называться «чертежной», была направлена лекционная табель (регламент учебного времени – В.Б.), в которой указывалось сколько часов, по какому предмету и в какой день недели обучать школьников (см. таблицу 1).

Таблица 1

Табель лекциям и наукам в артиллерийской императорской школе чему в который день и когда обучать [3, д. 783, л. 22–22 об.]
(стиль и орфография документа сохранены – В.Б.)

Дни недели (в док. Обозначены специальными символами на каждый день)	Часы		Первого артиллерийского класса	Второго геометрического класса	Третьего арифметического класса
	По утру	С 7 до 12 часа			
Понедельник	По утру	С 7 до 12 часа	Основания артиллерии и чертежам артиллерийским	Геометрии и по порядку тригонометрии и геодезии	Арифметике во всех правилах
	По полудни	С 2 до 8	Знаменить и рисовать рукой		Чистописанию
Вторник	По утру	С 7 до 12 часа	Фортификации	Геометрии и по порядку тригонометрии и геодезии	Арифметике во всех правилах
	По полудни	С 2 до 8	Архитектуре и перспективе		Чистописанию
Среда	По утру	С 7 до 12 часа	Основания артиллерии и чертежам артиллерийским	Геометрии и по порядку тригонометрии и геодезии	Арифметике во всех правилах
	По полудни	С 2 до 8	Знаменить и рисовать рукой		Чистописанию
Четверг	По утру	С 7 до 12 часа	Фортификации	Геометрии и по порядку тригонометрии и геодезии	Арифметике во всех правилах
	По полудни	С 2 до 8	Архитектуре и перспективе		Чистописанию
Пятница	По утру	С 7 до 12 часа	Основания артиллерии и чертежам артиллерийским	Геометрии и по порядку тригонометрии и геодезии	Арифметике во всех правилах
	По полудни	С 2 до 8	Ручному рисованию, а когда в лаборатории работа отправляется, то в оной обучать		Чистописанию
Суббота	По утру	С 7 до 12 часа	Читать регламент и артикулы и потом оружейной экзерциции	Читать регламент и артикулы и потом оружейной экзерциции	Читать регламент и артикулы и потом оружейной экзерциции

В табели также указывалось, что как только кто-то из школьников достаточно усвоит все необходимые предметы обучения, то их дальнейшее обучение следует продолжать в лаборатории. «И огнестрельным воинским и потешным делам обучать особое время месяца по два, три, четыре, пять и по шесть кто как постигнуть может повседневно. А после того определены будут по усмотрению каждого действительно в службу по чинам» [3, д. 783, л. 22 об.].

Из вышеизложенного можно заключить, что такой дисциплине как «лабораторное производство или искусство» в школе придавалось особое значение, если только после усвоения, так сказать «лабораторного курса», ученики школы могли быть выпущены из школы.

Из лекционной табели также видно, что значительная часть учебного времени была отведена на черчение и «ручное рисование». Чертили ученики в качестве своей учебной практики, изготавливали и особые чертежи по указаниям канцелярии, которая постоянно требовала составлять необходимые различные ей чертежи, а иногда и копировать их в нескольких десятках экземпляров. Среди этих чертежей были артиллерийские, инженерные и топографические. *Поэтому преобладающему характеру занятий второго отделения школы, она и стала называться «чертежной»,* в отличие от школы для «пушкарских детей», которая получила название «*арифметических и других наук школа*».

Названия эти не были официальными, и придуманы канцелярией уже впоследствии, когда характер каждой из этих школ вполне определился [24, с. 51].

Очевиден и тот факт, что практическая подготовка учеников школы по приобретению навыков стрельбы из артиллерийских орудий и стрелкового оружия была минимальной, если не отсутствовала вообще. В той же «лекционной табели» отсутствуют практические занятия по артиллерийской стрельбе, а обучение «военной экзерциции», в т.ч. и выполнение практических стрельб из стрелкового оружия ограничивалось строевой подготовкой и выполнением строевых приемов с оружием.

Какого-либо определенного срока изучения дисциплин в том или ином классе чертежной школы установлено не было. Перевод из одного класса в другой осуществлялся на основании результатов обучения тем или иным наукам в предыдущем классе и наличия свободных вакансий во втором или третьем классе школы. Часто могло получаться так, что по своим способностям вновь зачисляемый в чертежную школу ученик, мог сразу же начинать обучаться в первом или втором классе чертежной школы. Но за не именем в них свободных мест, он зачислялся в третий класс и соответственно получал меньшее жалование, хотя по своим способностям и умениям куда более был достоин находиться среди учеников первого или второго класса и соответственно получать большее жалование. Переход из одного класса в другой зависел от старания и возможностей школьников вышестоящего класса. Такой порядок распределения по классам, соблюдали и позже.

Порядок школьных экзаменов и выпуска школьников, успешно закончивших курс обучения в Санкт-Петербургской артиллерийской школе был следующим. Указом императрицы Анны Иоанновны, данным в Военную коллегию 24 апреля 1737 г. было установлено проведение экзаменов для шляхетских и офицерских детей, достигших 16-летнего возраста, в том числе в артиллерийской школе, чего ранее в ней не было [29, с. 130–131]. На основании этого указа, генерал-фельдцейхмейстер принц Гессен-Гомбургский, в 1737 г. распорядился произвести из нее первый выпуск учеников на службу. Выполняя это указание, Канцелярия главной артиллерии (ставшая так именоваться вместо КГАиФ с 1736 г.) учредила для экзаменов специальную комиссию, в состав которой вошли: Санкт-Петербургского артиллерийского гарнизона майор Линзей, артиллерии капитан Нотгельфер, сам капитан Я. Гинтер и все артиллерийские офицеры, находящиеся на тот момент в Петербурге. После проведенного экзамена, из чертежного отделения Санкт-Петербургской артиллерийской школы *состоялся первый выпуск 19 школьников,* которые по решению канцелярии были направлены для дальнейшего прохождения службы в полевую и осадную артиллерию в чине сержанта, каптенармуса, фурыера или капрала [24, с. 74].

В том же году (т.е. в 1737 – В.Б.) был произведен выпуск из арифметической и других наук школы: двое лучших учеников переведены в чертежную школу, а несколько человек были назначены в писаря и в арсенальные подмастерья на более высокие оклады жалованья.

Такие выпуски осуществлялись на протяжении всего времени существования школ, с той только разницей, что экзамены проводились с меньшей торжественностью. Как правило, *для учеников арифметической и других наук школы,* экзамены заменялись аттестацией учителя. А школьники, выпускавшиеся из *чертежной школы,* должны были представлять на экзамен в канцелярию или самому генерал-фельдцейхмейстеру свои чертежи и рисунки. Впрочем, с 1744 г., наблюдение за обучением и поведением учеников школы канцелярией было возложено на артиллерию полковника Шульца, который одновременно надзирал и над мастерскими артиллерийского ведомства. Тогда чертежи и рисунки необходимо было представлять уже ему.

Такой порядок подготовки аттестации на выпускников сохранился в последующем, без каких-либо существенных изменений. Для выпусков никогда не назначалось определенного срока, а производились они по мере надобности в унтер-офицерских кадрах в артиллерийских подразделениях. После выпуска освободившиеся в школах вакансии комплектных, т.е. штатных учеников замещались, на сколько это было возможно, сверхкомплектными учениками. По мнению Н.Л. Ломана, после 1737 г., ежегодно на службу из чертежной школы выпускалось, примерно по 7 учеников [24, с. 74–75]. Время пребывания учеников в школе было также разным – от 4 до 6 лет. Впрочем, были случаи, когда наиболее способные школьники переходили из класса в класс быстрее других.

В конце 1737 г. учитель М. Борисов умер и вместо него, по представлению уже капитана артиллерии Я. Гинтера, на должность преподавателя арифметических и других науки школы, канцелярией был назначен окончивший обучение в чертежной школе ученик *Данила Черовский*.

КГАиФ со своей стороны, этому не препятствовала. Тем более, что Гинтер иначе не имел бы времени и возможностей выполнять те поручения и указания, которые возлагались на него канцелярией. Он отвечал за работы по иллюминации, ему предписывалось вести наблюдение за литьем пушек, проводить испытания вновь отлитых или отремонтированных пушек, проводить проверки пороха и т. д. [3, д. 615, л. 3 об.].

Постепенно капитан Гинтер из простого учителя одного из отделений школы, формально стал начальником всей Санкт-Петербургской артиллерийской школы.

Проследим динамику изменения степени укомплектованности чертежной и арифметической школ учащимися на протяжении периода их функционирования. Мы полагаем, что приведенные ниже данные являются яркой характеристикой тех социальных и общественных настроений, существовавших в тот или иной период правления российских императоров(императриц).

Так, в частности, в соответствии с рапортом начальника Санкт-Петербургской артиллерийской чертежной школы (так в архивном источнике – В.Б.) капитана артиллерии Ягана Гинтера от *25 апреля 1738 г.* в канцелярию, о выдаче ученикам соответствующего жалования, в школе в первом классе обучалось 5 человек, во втором 2 человека и в третьем 9 человек [3, д. 138, л. 114–114 об.]. В свою очередь из рапорта учителя Санкт-Петербургской артиллерийской школы (так в архивном источнике – В.Б.) Д. Черовского в Канцелярию главной артиллерии от 14 марта 1739 г., опять же, по вопросам выдачи денежного жалования учителям и школьникам указанной школы видно, что в ней числилось два учителя, включая самого Д. Черовского, а также учителя словесной и письменной науки Семена Иванова и всего *лишь три ученика(!)* [3, д. 138, л. 116–116 об.]. В 1740 г. их было шесть [3, д. 138, л. 119] (вместо полагавшихся 60 – В.Б.). Мы затрудняемся как-либо объяснить такой колоссальный некомплект учащихся этого отделения школы.

По состоянию на *апрель 1740 г.* во всех трех классах чертежной школы обучалось по 10 человек [3, д. 138, л. 125]. Любопытно отметить, что в первом классе этой школы в тот момент проходил обучение будущий преподаватель этой школы и в последующем генерал-поручик артиллерии Матвей Мартынов, много сделавший в последующем для развития артиллерии в России, а во втором классе Василий Данилов [3, д. 138, л. 125], родной брат М.В. Данилова, автора известных «Записок М.В. Данилова, артиллерии майора...» [16].

М.В. Данилов в своих «Записках...» сообщает много любопытной информации о деятельности Санкт-Петербургской артиллерийской школы в начале 40-х гг. XVIII столетия. В частности, он пишет, что его родной брат Василий, в 1740 г. вместе с другими

учениками Московской артиллерийской школы был переведен в Петербургскую артиллерийскую школу. Вскоре из Москвы в Петербургскую артиллерийскую школу был переведен и сам М.В. Данилов. Его брат Василий, вместе с другими учениками вскоре был выпущен из Санкт-Петербургской артиллерийской чертежной школы в чине сержанта. После их выпуска в школе освободились вакантные места, и благодаря помощи своего брата, М.В. Данилов был зачислен сразу в первый класс чертежной школы. М.В. Данилов, был выпущен из чертежной школы в 1743 г. М.В. Данилов пишет, что, готовясь к выпуску, «...приготовил артиллерийские чертежи и многие рисунки на экзамен» [16, с. 39–40]. По выпуску М.В. Данилова из школы в чине фурьера, начальник Санкт-Петербургской артиллерийской школы капитан Я. Гинтер зачислил М.В. Данилова в свою роту в лабораторию «для рисования планов» [16, с. 40].

В Санкт-Петербургской арифметической и других наук школе, по состоянию на *1 мая 1746 г.* уже числилось 70 учеников (напомним, что в 1740 г. числилось только 6 учеников – В.Б.), из которых 10 было «сверх комплекта». Из этих 10 заштатных учеников 3 были на государственном обеспечении, а 7 «на своем коште» [5, д. 571, л. 15–20]. Среди 7 «своекоштных» учеников были 3 капрала, 1 канонир и 2 фузелера. Также среди их был один дворянин – Михаил Кармалин «...лесных дел бывшего комиссара сын» [5, д. 571, л. 19 об.].

В преддверие объединения Санкт-Петербургской артиллерийской и инженерной школ в 1758 г., по состоянию на *июль 1756 г.* штат Санкт-Петербургской чертежной и арифметической школы был следующим [5, д. 968, л. 49]: штат преподавателей для обучения учеников артиллерии, арифметическим и другим наукам, словесной и письменной грамоте, а также рисованию *включал* трех штаб и обер-офицеров артиллерии, одного сержанта и одного подмастерья; в чертежной школе проходили обучение 28 учеников комплектных и 5 школьников «на своем коште», т.е. сверх комплектных; также к чертежной школе для обучения артиллерийским наукам из строевых артиллерийских подразделений были прикомандированы 6 капралов и 1 бомбардир. *Всего обучалось 40 человек.*

Учеников в арифметической школе обучалось 60 человек комплектных и сверх комплекта, но с жалованием еще 49 (всего 109).

Итого в двух школах обучалось *142 ученика*, за исключением прикомандированных капралов и бомбардира.

Мы полагаем, что, также небезынтересно будет ознакомиться с социальным составом *учеников «чертежной» школы* и теми характеристиками, которые были даны некоторым из них учителями школы (см. таблицу 2) (стиль и орфография документа сохранены – В.Б.) [5, д. 571, л. 15–23].

Характеризуя социальный состав учеников чертежной школы, отметим, что хотя чертежная школа и создавалась для обучения в ней преимущественно дворянских и офицерских детей – *но в ней учились дети практически всех сословий, за исключением де-*

Таблица 2

Характеристика некоторых из учеников чертежного отделения
Санкт-Петербургской артиллерийской школы
(по состоянию на май 1746 г. – В.Б.)

Имена учеников	Вступление их в школу	Кто, что учит
Иван Жеребцов, дворянский сын, 22 лет, к науке понятность имеет	Вступил в школу ради обучения наук прошлого 1741 г. 24 апреля. И с того числа обучен арифметике, геометрии, тригонометрии и часть геодезии, артиллерии и ручному рисованию. Оной был отпущен в дом прошлого 744 года с 15 марта и явился сего 746 года 22 января.	Ныне обучается артиллерии
Алексей Беляев, майорский сын, 19 лет, к науке понятность имеет среднюю.	Вступил в школу ради обучения наук прошлого 1741 г. 6 мая. И с того числа обучен арифметике, геометрии, тригонометрии и часть геодезии, артиллерии и фортификации и ручному рисованию. Також пушечной, мортирной и оружейной эскерции.	Ныне обучается артиллерии и фортификации.
Василий Козлянинов, лейб-гвардии Преображенского полка отставного каптенармуса сын, 19 лет, к науке понятность имеет.	Вступил в школу ради обучения наук прошлого 1743 г. 11 мая. И с того числа обучен арифметике, геометрии, тригонометрии и часть геодезии, артиллерии и фортификации и ручному рисованию. Також пушечной, мортирной и оружейной эскерции.	Ныне обучается артиллерии и фортификации.
Кузьма Мягкой, прапорщиков сын, 25 лет, к науке не гораздо понятен.	Вступил в школу ради обучения наук прошлого 1743 г. 21 марта. И с того числа обучил словесной грамоте, читать и писать, також пушечной, мортирной и ружейной эскерции,	Ныне обучает арифметику

тей крестьян. Например, в чертежной школе наряду с дворянскими и офицерскими детьми проходили обучение «...отставного каптенармуса лейб-гвардии Преображенского полка сын» [5, д. 571, л. 15–23], «...из города Гданьска солдатский сын», «слесарский сын», «канцеляристов сын» и т. д. [5, д. 571, л. 21–23 об.]. Возрастной диапазон этих учеников, был также разным – от 19 до 25 лет. Интеллектуальные способности и отношение учеников к учебе, преподаватели школы характеризовали, например, так «...к науке понятность имеет», «...к науке понятность имеет среднюю» или «к науке не гораздо понятен» [5, д. 571, л. 15–23].

Любопытны некоторые характеристики отдельных учеников школы для «пушкарских детей» представленные нами в таблице 3 (стиль и орфография документа сохранены – В.Б.) [5, д. 571, л. 15–20].

Важно отметить и тот факт, что организация учебно-воспитательного процесса и внутреннего порядка в Санкт-Петербургской артиллерийской школе были значительно лучше, чем в Санкт-Петербургской инженерной школе. По этому поводу Н.Л. Ломан пишет, что в 1744 г. КГАиФ, выказывала в адрес инженерной школы большое количество замечаний и нареканий по поводу организации её деятельности и настоятельно рекомендо-

Таблица 3

Характеристики некоторых учеников школы для «пушкарских детей»
(по состоянию на май 1746 г. – В.Б.)

Имена учеников	Вступление их в школу	Кто, что учит
Иван Фирсов, ... гарнизона канонирский сын, 16 лет, к науке понятность имеет среднюю.	Вступил в школу ради обучения наук прошлого 1741 г. 6 октября. И с того числа выучил словесну. Письменную науку, арифметик, геометрию и солдатскую эскерцию. Ныне в окончании тригонометрии.	В окончании тригонометрии
Иван Савельев, канцелярии главной артиллерии и фортификации счетчиков сын, 14 лет, к науке понятность имеет среднюю.	Вступил в школу ради обучения наук прошлого 1740 г. 26 апреля. И с того числа выучил словесну. Письменную науку, арифметику и солдатскую эскерцию. Ныне пишет геометрию.	Пишет геометрию
Александр Константинов, Санкт-петербургского порохового завода пороховщика сын, 13 лет, к науке понятность имеет среднюю.	Вступил в школу ради обучения наук прошлого 1741 г. 4 июля. И с того числа выучил азбуку, букварь и псалтырь и солдатскую эскерцию. Ныне пишет слова. Болен был 1 неделю и 4 дня.	Пишет слова

вала организовать в ней учебный процесс и внутренний порядок, аналогичный тому, который соблюдался в артиллерийской школе. Более того, КГАиФ направила учителем в Московскую артиллерийскую школу помощника Я. Гинтера, чтобы тот установил там порядок по образцу Санкт-Петербургской артиллерийской школы» [24, с. 68].

Более успешному положению дел в Санкт-Петербургской артиллерийской школе, в первую очередь

способствовала хорошая подготовка и старательность учителей артиллерийской школы. И Я. Гинтер, и М. Мартынов пользовались как среди учеников, так и у вышестоящего руководства большим авторитетом и уважением, обладая высоким уровнем образованности и знаний в области артиллерийского науки и дела. Почет и уважение они ко всему прочему заслужили своей исключительной добросовестностью при выполнении обязанностей учителей этой школы.

Признавая достоинства и заслуги Я. Гинтера и М. Мартынова и доверяя им, Канцелярия главной артиллерии и фортификации предоставляла возможность им самим находить кандидатуры новых учителей школы и проверять их знания и подготовку [24, с. 69]. Как правило, учителями в артиллерийскую школу назначались лучшие ученики этой же школы, с отличием окончившие в ней обучение. Для поощрения учителей к добросовестному выполнению своих обязанностей, КГАиФ поощряла их за успешное обучение школьников, в зависимости от успехов учеников в обучении. Такое поощрение, как например, «повышение в чине», применялось без лишней волокиты и задержек. Каждый новый учитель, пришедший на вакантное место учителя артиллерийской школы, стремился отличиться и добросовестно выполнять свои обязанности, зная о том, что за усердие и старание его ждет определенное повышение в чине.

Существенные изменения к лучшему в организации практических занятий для учеников чертежной школы, произошли после назначения в ноябре 1745 г. генерал-фельдцейхмейстером В.А. Репнина [5, д. 573, л. 116]. В первый же год своего начальствования, он приказал обучать пушечной и ружейной экзерциции «...всех артиллерийских служителей», а вместе с этим «...показывать артиллерийскую практику» и ученикам второго (чертежного) отделения школы. О важности, которую придавал В.А. Репнин этим практическим занятиям, говорит тот факт, что ученики артиллерийской чертежной школы, которые отпрашивались в отпуска на лето – домой не отпускались, получая от Репнина ответ «...пообождать до зимы», так как летнее время было отведено для практических занятий. Эти занятия было приказано проводить с высокой организацией и пунктуальностью, и каждую неделю представлять генерал-фельдцейхмейстеру подробный журнал с результатами и замечаниями выполнения практических стрельб, который подписывался лицами, присутствующими при проведении практических занятий.

Генерал-лейтенант артиллерии В.И. Де Геннин, в подчинении которого находилась Санкт-Петербургская артиллерийская школа лично докладывал генерал-фельдцейхмейстеру В.А. Репнину о результатах практических занятий «... по силе ордера Вашего сиятельства, артиллерии капитана Гинтера о обучении Санктпетербургской артиллерийской чертежной школы учеников пушечной, мортирной и гаубичной экзерциции, истреблением рекошей, журнал с примечаниями и чертеж я в получении имею оные вашему сиятельству оригинально при сем покорно приобщаю» [5, д. 573, л. 9]. В данном списке были указаны результаты 20 учеников чертежной школы.

Можно предположить, что при генерал-фельдцейхмейстере В.А. Репнине и непосредственном кураторе Санкт-Петербургской артиллерийской школы генерал-лейтенанте В. Де Геннине, вникавших во все подробности управления школой и внимательно следивших за ходом преподавания в ней, совершенствование и улучшение организации учебного процесса шло бы и дальше. Но, к сожалению, этого не произошло, т.к. артиллерийская школа не долгое время нахо-

дилась в их подчинении. В 1748 г. внезапно скончался генерал-фельдцейхмейстер В.А. Репнин, а 12 апреля 1750 г. умер и Де Геннин.

Для русской артиллерии наступил тяжелый так называемый период «межфельдцейхмейстерства», закончившийся только в 1756 г. назначением на должность генерал-фельдцейхмейстера П.И. Шувалова.

Итак, подведем итоги вышеизложенному. Очевидно, что к середине 30-х гг. XVIII в. в Санкт-Петербурге действовали артиллерийская школа для детей артиллерийских служащих (или школа для «пушкарских детей» – В.Б.) и артиллерийская школа при артиллерийской лаборатории, деятельность которой осенью 1735 г. была прекращена.

Как уже отмечалось ранее, какой-либо четкой организационно-штатной структуры артиллерийской школы при Санкт-Петербургском лабораторном доме (артиллерийской лаборатории – В.Б.), а также учебной программы, в соответствии с которой в ней шло обучение школьников, вплоть до 1721 г. не было. Основопологающим документом, определившим организационное устройство школы при артиллерийской лаборатории, был указ Петра I от 13 марта 1721 г., который, по нашему мнению, формально завершил организационный период создания и функционирования артиллерийской школы при Санкт-Петербургской артиллерийской лаборатории, но никак не мог служить началом процесса учреждения названной школы.

10 октября 1735 г. был утвержден только штат одной новой школы, на базе Санкт-Петербургской артиллерийской школы для «пушкарских детей» (!). Вновь созданное военно-учебное заведение, стало существовать под общим названием «Санкт-Петербургская артиллерийская школа», находившейся в ведении КГАиФ и состояла из двух отделений или точнее, двух отдельных, различных по своему назначению школ, о которых речь шла выше.

Что касается истинной даты учреждения Санкт-Петербургской артиллерийской школы для детей артиллерийских служащих, то у нас есть все основания полагать, что началом учреждения Санкт-Петербургской артиллерийской школы для детей артиллерийских служащих (пушкарских детей) послужил приказ Канцелярии главной артиллерии и фортификации от 31 декабря 1729 г. А следующее определение КГАиФ от 20 мая 1730 г. было издано канцелярией в дополнение к ранее изданному, с целью уточнения некоторых организационных вопросов материально-технического обеспечения деятельности школы, организации в ней учебного процесса, определения размеров продовольственного и вещевого обеспечения школьников.

В заключение отметим, что приведенная выше «лекционная табель» довольно часто упоминалась в военно-исторической литературе и в работах исследователей, касающихся истории военно-специального артиллерийского и инженерного образования на протяжении XVIII в., но, ни в одном из источников она приведена не была! И мы впервые публикуем её в том виде, в каком она направлена в артиллерийскую школу.

Список литературы

1. Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (Архив ВИМАИВ и ВС). Ф. 2. Оп. 1 (Приказ артиллерии).
2. Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. 2.
3. Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. Арсенальная.
4. Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. Сборная.
5. Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. ШГФ (Штаб генерал-фельдцейхмейстера).
6. Бенда В.Н. К вопросу о деятельности инженерно-артиллерийской школы при бомбардирской роте Преображенского полка // КЛИО. Журнал для ученых. – 2004. – №1 (24). – С. 177–182.
7. Бенда В.Н. Создание и деятельность Московской инженерной школы в начале XVIII в. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История. Выпуск 2. – 2008. – С. 29–35.
8. Бенда В.Н. Первые Российские артиллерийские и инженерные школы в конце XVII – первой четверти XVIII века // Военно-исторический журнал. – 2009. – №9. – С. 23–28.
9. Бенда В.Н. Особенности организации учебного процесса в Сухопутном кадетском корпусе в первой половине XVIII в. // КЛИО. Журнал для ученых. – 2009. – №4 (47). – С. 123–127.
10. Бенда В.Н. Артиллерийская школа при Санкт-Петербургском лабораторном доме (1721–1730 гг.) // Общественные науки. Всероссийский научный журнал. – 2012. – №5. – С. 190–195.
11. Бенда В.Н. Военно-учебные заведения России во второй половине XVIII века: Монография. – Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co. KG, 2013. – 529 с.
12. Бенда В.Н. К вопросу о зарождении военно-инженерного образования в России в начале XVIII в. // КЛИО. Журнал для ученых. – №6 (90). – 2014. – С. 111–117.
13. Брикнер А.Г. Записки иностранцев о России в XVIII столетии. Т. II. Записки фельдмаршала графа Миниха. – СПб.: в типографии В. Безобразова и Комп., 1874. – XXIX и 406 с.
14. Глебов П.Н. Артиллерийская школа в царствование императрицы Анны Иоанновны 1730–1740 // Артиллерийский журнал. – 1862. – №11. – С. 620–643.
15. Греков Ф.В. Краткий исторический очерк военно-учебных заведений. 1700–1910 гг. – М.: Тип-я Вильде, 1910. – 192 с.
16. Данилов М.В. Записки М.В. Данилова, артиллерии майора, написанные им в 1771 году (1722–1762). – Казань: Электическая типография Л.П. Антонова, 1913. – 83 с.
17. Денисьевский М.М. Специальная школа «инженерная и артиллерийская» // Инженерный журнал. – 1904. – №6–7. – С. 1013–1040.
18. Дома членов царской фамилии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.citywalls.ru/house14761.html>
19. Жервэ Н.П. Исторический очерк 2-го кадетского корпуса 1712–1912 гг.: В 2-х т. Т. I / Н.П. Жервэ, В.Н. Строев. – СПб.: Тип-я Тренке и Фюсно, 1912. – 647 с.
20. История Отечественной артиллерии. Т. 1. Кн. 2: Артиллерия русской армии в период укрепления абсолютизма (XVIII в.). – М.: Воениздат, 1960. – 696 с.
21. Кадетский корпус, 2-й. Петербург. Юбилейная памятка 2-го Кадетского императора Петра Великого корпуса. 1712–16/1-1912 гг. – СПб.: Тип. Арт. деп. Воен. мин-ва., 1912. – 57 с.
22. Кирпичев Л.Л. Артиллерийское образование в России до 1820 г. Введение: Исторический очерк образования и развития Артиллерийского училища 1820–1870. – СПб.: Тип. Второе отделение собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1870. – 405 с.
23. Лалаев М.С. Исторический очерк военно-учебных заведений, подведомственных Главному их управлению, от основания в России военной школы до исхода первого 25-летия благополучного царствования государя императора Александра Николаевича (1700–1880): Ч. 1–2. Ч. 1. 1700–1825 гг. – СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1880. – 465 с.
24. Ломан Н.Л. Историческое обозрение 2-го кадетского корпуса. – СПб.: Тип-я Тов-а «Обществ. Польза», 1862. – 201 с.
25. Манойленко Ю.Е. Обучение офицерского и рядового личного состава русской артиллерии в первой трети XVIII века // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – №58 (2008). – С. 417–422.
26. Мельницкий Н.Н. Сборник сведений о военно-учебных заведениях в России (сухопутного ведомства): В 4-х т. Т. 1. В 6 ч. Ч. 1. – СПб.: Тип. Гл. штаба его имп. величества по воен.-учеб. завед., 1857. – 140 с.
27. Петрухинцев Н.Н. Становление Кадетского корпуса при Анне Иоанновне. 1731–1740 гг. // Труды государственного Эрмитажа. – Т. XXXVII: Первый кадетский корпус во дворце Меншикова: К 275-летию основания: Материалы научной конференции. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2007. – 204 с.
28. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Собр.1. – Т. VIII. (1728–1732). – СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – 1014 с.
29. ПСЗ. Собр.1. – Т. X (1737–1739). – СПб.: Типография II отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1830. – 995 с.

30. Протоколы, журналы и указы Верховного тайного совета. 1728. Т. VI. (июль-декабрь 1728 г.) // Сборник императорского русского исторического общества. – Т. 84. – СПб: Типография И.Н. Скороходова, 1893. – 745 с.
31. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 826. Оп. 2.
32. Столетие военного министерства. 1802–1902. Главное артиллерийское управление. Исторический очерк. – СПб.: Тип. М.О. Вольф, 1902. – 574 с.
33. Столетие военного министерства. 1802–1902. Главное управление военно-учебных заведений. Исторический очерк. Кн. 1. – СПб.: Тип. М.О. Вольф, 1902. – 370 с.
34. Хмыров М.Д. Фельдцейхмейстерство графа Миниха: Записки иностранцев о России в XVIII столетии. Записки фельдмаршала графа Миниха. – СПб.: Типография В. Безобпазова и Комп., 1874. – 406 с.

Цивилизационные взаимоотношения между Россией и Украиной в XX веке: анализ геополитической конъюнктуры

УДК 930

DOI 10.21661/r-114443



Данильченко Сергей Леонидович – д-р ист. наук, профессор, академик РАН, РАМН, РАН, руководитель научно-методического центра развития образования, советник директора Филиала ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова» в г. Севастополе, Россия, Севастополь.

Russia-Ukraine civilizational relations in the 20th century: the analysis of geopolitical conjuncture

Аннотация

Автор статьи отмечает, что современное цивилизационное противостояние на территориях бывшего СССР свидетельствует об исторической несостоятельности современной геополитической стратегии США, подрывающей основы сложившегося мироустройства. В этой связи приобретает особую актуальность историко-философское осмысление советского сообщества народов, национальных приоритетов и исторических перспектив национально-государственного развития СССР в период между двумя мировыми войнами.

Ключевые слова:

самоопределение, цивилизационное взаимодействие, геополитика, национально-государственная политика, коренизация, межнациональные локальные конфликты, сепаратизм, национал-уклонизм.

Keywords:

self-determination, civilizational interaction, geopolitics, national-public policy, indigenization, international local conflicts, separatism, national deviationism.

Annotation

The author of the article points out, that modern civilizational confrontation in the territories of the Former Soviet Union testifies to the historical insolvency of the United States current geopolitical strategy, undermining the foundations of current world order. In this regard, the historical and philosophical understanding of the Soviet community, national priorities and historical perspectives of the national-public development of the USSR in the period between the two world wars is particularly relevant.

Danilchenko Sergey Leonidovich – doctor of historical sciences, professor, academic of Russian Academy of Natural Sciences, Russian Academy of Medical and Technical Sciences, Russian Academy of Natural History, head of Research Guidance Center of Education Development, Deputy Director of the Branch FSFEI of HE “M.V. Lomonosov Moscow State University” in Sevastopol, Russia, Sevastopol.

Не менее важным, чем полное и окончательное прекращение огня в Сирии, стало бы восстановление сложившихся на протяжении столетий цивилизационных взаимоотношений между русскими и украинцами. История этих взаимоотношений была разной, наши исторические связи в результате геополитической конъюнктуры переживали немало испытаний, вызванных не столько политическими амбициями царей, гетманов и президентов, сколько отсутствием у многих из них геополитического мышления.

Подъем национально-освободительного движения накануне и в ходе трех российских революций, рост национального самосознания привели к возникновению многочисленных национальных государственных образований. Происходило постепенное, но не бесконфликтное становление федеративного государства, народы начали обретать статус субъектов национальной политики. Свержение самодержавия и образование Временного правительства в 1917 году привели к изменению правовой основы российского государства. Спустя полгода Россия была провозглашена де-

мократической республикой. Территориально страна признавалась единой и неделимой. Центральная рада провозгласила автономию Украины и самостоятельно избрала правительство – Генеральный секретариат. Украинская рада критически оценивала политическое и экономическое состояние России. На Украине в апреле 1918 года провозглашена Украинская держава во главе с гетманом П. Скоропадским, а в декабре 1918 года власть переходит к Директории, образованной лидерами Украинского национального союза. В феврале ее председателем становится С. Петлюра. Вновь была воссоздана Украинская народная республика, объявившая войну Советской России.

Российские историки не замечают роль украинской Центральной Рады – органа, практически самоназначенного, но с первых дней своего существования потребовавшего наряду с государственным суверенитетом Украины переформирования действующей армии путем выделения из нее частей, состоящих из украинцев и главной ставке не подчиненных. При этом из исторической памяти вымараны следующие исторические факты: в результате сепаратистских действий

Центральной Рады военное положение немцев и их австро-венгерских союзников на Восточном фронте существенно улучшилось; масштабы одних только продовольственных поставок из Украины немцам и австрийцам резко возросли; Россия лишилась всяких шансов на справедливый мир без аннексий и контрибуций.

На волне «возрождения национальных культур и традиций» уже в первые годы Советской власти в ряде республик создавались так называемые терминологические комиссии, активно занявшиеся искусственной заменой русских «угнетательских» слов и выражений плодами либо местного словотворчества, либо, как в Украине, насаждением германизмов и полонизмов. А были и такие деятели культуры, как профессор М. Грушевский, во время Первой мировой войны, осужденный как агент Австро-Венгрии, но затем возглавивший Центральную Раду, а в советское время ставший академиком, автором монографий, в которых писал о славной Киевской Руси, избавлявшейся от асоциальных элементов, ставших в дальнейшем русскими. В западной историографии постоянно поднимается тема о великорусской империи и планомерной политике русификации народов в Российской Империи и СССР. Русские имели двойное государственное самоопределение – республиканское и общесоюзное, что было закреплено в Конституции 1924 года. Создание национальных республик и автономных областей не было правовым ограничением для представителей многонационального населения, в том числе русского как самого многочисленного. Борьба с колониальным наследием в национальных районах не может рассматриваться как целенаправленная политика игнорирования национальных интересов русских, что не подтверждается исторической практикой. Частью национально-государственной политики большевиков была политика коренизации, которая должна была включить народы республики в систему административно-государственного управления. Нельзя отрицать сложившиеся диспропорции между правовым положением населения на национальных окраинах и центре дореволюционной России. Попытки Советской власти приблизить народы национальных окраин к участию в управлении были легитимными и справедливыми. На практике при проведении коренизации допускались ошибки, увольнялись квалифицированные сотрудники местного аппарата управления, среди которых были представители разных народов, что не являлось целенаправленной политикой национальной дискриминации некоренных народов на национальных окраинах. Советская правовая система была единой по всей стране и не имела национальной направленности. Ликвидация кулачества как политико-социальное явление осуществлялась в соответствии с правовыми актами того времени. Данная политика Советского правительства не является национальным геноцидом, так как репрессиям подвергалась зажиточная часть крестьянства, включавшая представителей всех народов нашей страны. Складывалось новое многонациональное общество на интернациональных принципах, где каждый народ

стал субъектом публичного права в составе федерации. Советское государство способствовало правовой институционализации этничности как политической категории, фиксируя ее в паспортах, а территории – за крупными этносами и этническими элитами. Последние стремились обрести более высокий политический статус, подталкивая этнополитические общности к реализации легитимного права на собственную государственность.

Ценой невероятных усилий и огромных жертв российская государственность была спасена и стала развиваться в 1917–1921 годах в совершенно ином историческом качестве. Механизм этой политической борьбы И.В. Сталин обнародовал в 1929 году в беседе с группой украинских писателей: «...когда Ленин говорил об отделении национальностей вплоть до образования самостоятельного государства, он отчетливо формулировал так: «разъединиться для объединения» – это и есть марксистский подход... Ленин не стоял вовсе за то, чтобы все государства раздробились. Он стоял за то, чтобы они, государства, раздробившись, дали возможность создать почву для взаимного доверия рабочих и крестьян и потом поставить практически вопрос об объединении» [1].

Под влиянием таких настроений и появилась в ноябре 1917 года знаменитая «Декларация прав народов России» за подписью Ленина и Сталина, где четко говорилось о том, что народы России имеют полное право «на свободное самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства» [2]. Неприятность постигла Ленина в отношениях с Украиной, где местные националисты начали потворствовать антибольшевистскому движению А.М. Каледина с целью как можно дальше отодвинуться от России. И в дальнейшем, когда Центральную Раду сменил прогерманский режим П. П. Скоропадского, и при господстве С.В. Петлюры проводилась та же линия. Это было очень опасно и для большевиков, и для России, так как именно на Украине были сосредоточены основные запасы зерна и угля, без которых центрально-европейская часть России просто не могла развиваться, так как с Сибирью она была связана только транссибирской магистралью, которая постоянно блокировалась враждебными большевиками силами. Конфликт с Украинской Радой заставил большевиков внести серьезные коррективы в свою национально-государственную политику. 14 декабря 1917 года, выступая на заседании ВЦИК, Сталин недвусмысленно пригрозил украинским националистам: «Совет Народных Комиссаров не остановится перед решительной борьбой против Рады» [3].

В начале апреля 1918 года жители нескольких сел Мелитопольского, Днепровского и Бердянского уездов обратились в Москву с протестом против их насильственного присоединения к Украине, где правила тогда марионеточная прогерманская Рада и хозяйничала немецкая администрация. 6 апреля 1918 года И.В. Сталин откликнулся на этот протест следующим образом: «...если верно заявление о желании всего населения упомянутых трех уездов остаться в составе Россий-

ской Советской федерации между тем, как немцы и Киевская Рада хотят их насильственно присоединить к Украине, ... пусть жители этих уездов немедленно созывают уездные съезды делегатов от волостей и ставят там вопрос, хотят ли делегаты и их избиратели присоединиться к Украине или остаться в составе Российской Федерации. Если выяснится после такого опроса, что уезды эти не хотят присоединяться к Украине, пусть президиум съезда отправит по телеграфу соответствующее решение уездов Киевской Раде и Совету Народных Комиссаров в Москве, требуя от первой отказаться от насильственного присоединения упомянутых уездов к Украине и предлагая Совету Народных Комиссаров принять уезды в состав Российской Федерации, зачислив их к Крымской и Донской Областям» [4].

Уже имевшийся опыт самоуправления Украины показал, что односторонняя суверенизация национальных окраин оборачивается против новой России. В начале 1918 года после признания большевиками националистического правительства Украины стремительно начали развиваться центробежные тенденции, усиленные многочисленными национал-сепаратистскими течениями.

17 ноября 1919 года принимается решение отложить вопрос о назначении дня проведения совместного заседания Политбюро и Оргбюро ЦК по поводу Украины «ввиду того, что товарищ Сталин на этом заседании присутствовать не может» [5], так как он в это время находился в Харькове в качестве члена РВС Южного фронта и председателя Украинского Совета Трудовой армии. Летом 1920 года И.В. Сталин сыграл немалую роль в первоначально успешном продвижении на западноукраинские земли, которые поляки вновь решили колонизировать. В ходе советско-польской войны на Западной Украине член РВС Юго-Западного фронта Сталин достаточно умело разыграл антипольскую карту. С XVII века русские люди, как отмечал известный историк Русской Православной Церкви А. В. Карташов, не желали быть уничтоженными и образовали на Галичине «особый национальный тип, упорно отстоявший себя от колонизации», что заставило польские власти начать «открытое, легальное» гонение на православие с целью его полного истребления» [6]. Подогревая антипольские настроения на западноукраинских землях, И.В. Сталин определил правильный вектор движения к завоеванию симпатий местного населения. 17 июня 1920 года он передал в 1-ю Конную Армию директиву «О поведении в занятых селениях и городах бойцов Конноармии», где указал, в частности, на необходимость того, чтобы «в каждом городе, в каждом местечке по пути следования конноармии» польских помещиков и интеллигентов «надо арестовывать и направлять в концентрационный лагерь, если его нет в вашей районе, должен быть создан обязательно». По отношению к украинцам Галиции Сталин предлагал применять совершенно иную политику: «Относитесь бережно к военнопленным украинцам из Галиции (русины) – (так в тексте – С.Д.), не только к крестьянам, но и к интеллигенции, внушите им, что если угнетаемые Польшей галицийские украинцы поддержат нас,

мы пойдем на Львов для того, чтобы освободить его и отдать галицийским украинцам, выгнать оттуда поляков и помочь угнетенным украинцам-галицийцам создать свое независимое государство, пусть даже не советское, но... благожелательное, дружественное к РСФСР. Это поднимет революционный дух галицийских крестьян в тылу у поляков и подорвет силы Польши, что нам выгодно, как знаете это сами» [7]. По сути дела, И.В. Сталин предлагает не просто определенную тактику в отношении украинцев Галиции, но и выдвигает идею образования на западных границах России буферного антипольского государства, что для новой российской государственности было жизненно необходимо, так как Польша была достаточно сильна для очередной экспансии украинских земель. На Западной Украине большевиков встречали как избавителей от польского ига. Председатель Галицийского ревкома Владимир Петрович Затонский в своем отчете ЦК РКП (б) от 15 сентября 1920 года сообщал о том, что «украинская часть населения Восточной Галиции на первых порах, не исключая даже интеллигенции и попов, принимают нас восторженно как избавителей от польского ига... Национализм заметно спадает. Ореол национальных вождей интеллигентов после опыта хозяйничанья Голубовичей, Петрушевичей, Петлюр, после их очевидных измен даже национальному делу померк... Революционным ферментом являются галичане, прошедшие школу русской революции, а также «американцы». Почти в каждом селе можно отыскать такого «американца», вернувшегося из американской эмиграции, или индустриального рабочего, либо шахтера, побывавшего в Саксонии или Вене» [8]. К своему отчету Затонский приложил любопытный документ – письмо заведующего юридически-квалификационным отделом Галицийского ревкома некоего Федора Конара на имя Владимира Кирилловича Винниченко от 10 июля 1920 года. Конар был изобличен местными чекистами как внедрившийся в ревком националист. Из его письма следует, что «крестьянство на Правобережье после очередного налета, неузнаваемо. Всюду идут «академические» дебаты про устройство, про власть. Отношение к России настолько невероятно хорошее, что даже ужас берет... В петлюровской армии страшное дезертирство, более всего дезертируют все те же «проклятые» галичане. Те галичане, которые были в Красной Армии и захвачены поляками или добровольно перешли на их сторону, помещены в концентрационные лагеря. Думаю, что это рациональный способ вылечить галичан от мессианизма и галициомании. После некоторой отсидки в лагере выйдут порядочными людьми» [9]. Идеи украинские националисты из лагеря Винниченко-Петлюры враждебно относились к «мессианизму» и «галициомании» своих единоплеменников из Западной Украины, что являлось для большевиков и лично для Сталина весомым аргументом в пользу образования буферного антипольского государства.

В 1921 году большевики контролировали основную часть территории бывшей Российской Империи, что послужило началом объединения советских республик в единое государство. Наиболее сложным был поиск новой формы объединения между РСФСР и Украиной. Необходимость преодоления центробежных тенденций для

укрепления Советской власти очень ясно обрисовал в своем выступлении на X съезде РКП (б) в 1921 году один из лидеров украинских коммунистов В.Г. Затонский: «У товарища Сталина в его тезисах имеется намек, что невозможно существование отдельных независимых республик ввиду угрозы их существованию. Больше того, сама сущность Советской власти вызывает теснейшее объединение, и даже если бы и не было военной угрозы, все время, поскольку мы имели бы дело с советскими республиками, они должны были бы объединяться экономически. Это совершенно естественно и необходимо, и этого на партийном съезде особенно доказывать не приходится. Совершенно естественно, если бы мы в ущерб окраинам укрепляли центр, то мы поступили бы правильно, и если бы нам нужно было для укрепления его даже ограбить окраину, –...то мы пошли бы и на это» [10]. Подобные взгляды были свойственны партийному большинству. Изоляционистские и сепаратистские настроения господствовали в гораздо большей степени у отдельных национал-коммунистических руководителей, нежели у рядовых коммунистов-националов. Однако «болезнь» национализма, как это нередко бывает в истории, легко распространяется среди народов, если их власти умело ведут националистическую агитацию и играют на болевых национальных чувствах и проблемах, что и происходит в современной Украине.

На конференции в Генуе украинская делегация проигнорировала «единый дипломатический фронт» с РСФСР. Без всяких консультаций и согласований с российской стороной, украинская делегация пыталась заключить соглашение между Украиной и Германией, ставящее под удар российско-германский договор в Раппало от 16 апреля 1922 года. Вопреки тому, что и Россия, и Германия предали полному забвению вопросы о долгах и о возмещении друг другу ущерба, причиненного в годы Первой мировой войны, посол УССР в Германии Владимир Христианович Ауссем потребовал, чтобы при заключении договора с Украиной немецкая сторона обязалась платить ей 400 миллионов марок, числящихся за ней со времен оккупации. Этот демарш был осуществлен по указке председателя Совнаркома Украины Христиана Георгиевича Раковского, который считал, что в основу экономического сотрудничества между УССР и Германией должны быть положены «денежные суммы, причитающиеся с Германии за оккупацию и реквизиции на Украине в 1918 году». К счастью, эту инициативу Ленин и НКВД быстро пресекли, но сам факт ее неожиданного появления был для Москвы крайне неприятен [11].

«Игра» в независимость стала слишком опасной из-за сильных изоляционистских и националистических настроений в компартии Украины. 29 сентября 1922 года лидер украинских национал – коммунистов Х.Г. Раковский предписывает секретарю ЦК КП Украины Д.З. Мануильскому сообщить Г.И. Петровскому и М.В. Фрунзе, чтобы по приезду в Москву они отстаивали «нашу точку зрения», сформулированную Раковским достаточно откровенно: «Более всего для нашего революционного воздействия на границу имеет значение сохранение независимости Украины. Около десяти миллионов украинцев Польши, Галиции, Прикарпатской Руси, Буковины и Бессарабии

ориентируются, и будут ориентироваться больше и больше на Советскую Украину» [12]. Это указание политического руководства Украины было быстро принято к сведению. 3 октября 1922 года Политбюро ЦК КП Украины постановило «категорически высказаться за принятую последним Пленумом ЦК КПУ резолюцию о взаимоотношениях между РСФСР и УССР, признавшую необходимость сохранения независимости УССР» с оговоркой на предмет того, что «если ЦК РКП примет, однако, необходимость вхождения УССР в состав РСФСР, не настаивать на сохранении формальных признаков политической самостоятельности УССР, а определить отношения на основе практической целесообразности» [13]. Столь половинчатое решение отражало реальный расклад сил в партийной верхушке Украины. Сепаратистские позиции отстаивали помимо самого Раковского М.В. Фрунзе – заместитель предсовнаркома Украины и командующий ее вооруженными силами и управляющий делами СНК УССР П. Солодуб. Остальные руководители республики легко могли отступить (и отступали в дальнейшем) от «самостийных» позиций под давлением Москвы. Со стороны украинских национал-коммунистов существование Советского Союза как федерации было поставлено под сомнение. В декабре 1922 года управляющий делами СНК УССР П. Солодуб попытался юридически обосновать необходимость устройства СССР по конфедеративному принципу в своей статье «Новое в советском строительстве», публикацию которой запретил И.В. Сталин. В данной статье Солодуб пытался доказать, что СССР содержит 3 юридических признака конфедерации: право добровольного вступления в состав СССР и выхода из него; субъекты за собой все права суверенного государства вплоть до участия в органах технического руководства, что делает их частью верховного органа союза государств; за союзными республиками остается часть прав международной политики – участие их представителей в заграничных представительствах Наркомата иностранных дел и Наркомата внешней торговли. «Все эти положения, – писал Солодуб, говорят о том, что будущий союз республик будет ничем иным, как конфедерацией стран, ибо субъектами союза являются не области и автономные республики, а суверенные государства, как Россия с ее областями и автономными республиками, конфедерация кавказских республик, Украина и Белоруссия, то есть что в видах более мощного выявления воли народов будущего союза они передают часть своих суверенных прав конфедеральному органу, но с условием, если кому-либо из субъектов будет невыгодно, права выхода из состава конфедерации». Исходя из такого видения СССР, Солодуб предложил разместить конфедеративный ЦИК в Петрограде или Нижнем Новгороде, а также четко определить его функции. По Солодубу конфедеративный ЦИК должен был весть: изменениями в Конституции; вопросами войны и мира; договорами с иностранными государствами «конфедеративного значения»; внешней торговлей «в части регулирования». Наркомат путей сообщения, почт и телеграфов, финансов Солодуб предложил «децентрализовать», то есть создать такие же наркоматы во всех республиках, призвав к тому же лишить эти наркоматы «права законодательства по своим отраслям» и предложив ввести так называемый принцип императивных

директив, согласно которому все декреты вышеназванных наркоматов обнародовались от имени законодательных органов союзных республик с тем, чтобы каждый такой декрет являлся «по существу законом республики, а не ведомства» [14].

24 февраля 1923 года М.В. Фрунзе предложил Пленуму ЦК РКП (б) под видом практического осуществления решений 1-го съезда Советов СССР «признать необходимым пересмотр статей союзного договора в части, касающейся финансов (бюджет, займы) в направлении расширения бюджетных прав союзных республик в форме предоставления им права финансовой инициативы и заключения займов» и настаивал на расширении прав союзных республик в деле заключения концессионных договоров [15]. Добиваясь от Москвы подобных уступок, украинские национал-коммунисты стремились к максимальной экономической независимости Украины от России. При этом украинская сторона всячески игнорировала интересы общесоюзных структур, стремясь переложить на федеральный центр все проблемы, связанные с финансированием этих структур. Показателен в этом плане следующий факт. В августе 1922 года Пленум ЦК РКП (б) обсуждал вопрос о финансировании частей Красной Армии, размещенных в союзных республиках за счет средств местного бюджета. Пленум принял решение, обязывающее республики «производить расходы по квартирному довольствию... за счет местных средств и не допускать никаких уклонений от этой обязанности». Выдача дотаций республикам оговаривалась «фактическим выполнением местными органами власти, возложенных на них части забот по Красной армии». При обсуждении этого вопроса Раковский заявил о том, что «без соответствующего увеличения дотационного фонда Украины, мы не в состоянии покрыть расходы на расквартирование армии» [16]. Подобные отговорки были следствием усиливающихся центробежных тенденций на Украине. Когда Раковский начал активно выступать за сохранение в республиках наркоматов иностранных дел и внешней торговли, он не жаловался на отсутствие на Украине средств на содержание этих наркоматов. На 12-м съезде РКП (б) обсуждение национальных проблем было столь острым и основательным, что съезду пришлось создать специальную секцию по национальному вопросу. Эта секция была создана под давлением делегатов с мест, поставивших перед центральной властью ряд серьезных требований о расширении властных полномочий местных органов власти. Наибольшую активность проявил Раковский. Он ультимативно потребовал «отнять от союзных комиссариатов 9/10 их прав и передать их национальным республикам», мотивируя это требование тем обстоятельством, что «центральные синдикаты, тресты стараются уничтожить развитие местных предприятий и кооперативов... идет борьба за сосредоточение богатств всех республик в руках центральных органов» [17; 18]. Между украинской и грузинской делегациями возникла размолвка. Украинских национал-коммунистов не устраивал умеренный план реорганизации СССР, который предложил Мдивани. М.В. Фрунзе заявил о том, что план Мдивани грешит «игнорированием разнообразия экономических и других условий, в которых живут различные националь-

ности. Получается шаблонно-бюрократический подход, о недопустимости которого говорил товарищ Ленин» [19]. Разногласия между украинскими и грузинскими национал-коммунистами по вопросу об образовании СССР, поддержка Каменева и Зиновьева, а также поддержка ряда партийных руководителей с мест, например, Микояна и Орджоникидзе, позволили И.В. Сталину укрепить свои позиции. Сталин поддержал два предложения М.В. Фрунзе. В первом предложении речь шла о необходимости решительной борьбы с разговорами «о неизбежности победы более высокой русской культуры над культурами более отсталых народов»; второе предложение касалось проблемы создания на окраинах промышленных очагов и кадров местного пролетариата» [20]. Подобное гибкое поведение позволило И.В. Сталину без особого труда провести свои предложения по созданию палаты национальностей в ЦИКе, против чего активно выступал Раковский и его соратники. М.В. Фрунзе заявил, что поскольку в палате национальностей РСФСР будет занимать больше всего мест, «Белоруссия и Украина будут в невыгодном положении», особенно при распределении материальных средств, надо обеспечить равное количество мест в палате для субъектов СССР. Раковский предложил, чтобы в палате национальностей «ни одно из государственных образований» не имело «больше 2/6 голосов» [21]. Критикуя эти предложения, Сталин умело играл на самолюбии функционеров российских автономий, заявляя, что «Раковский предлагает построить вторую палату так, чтобы туда входили представители государственных объединений. Он считает, что Украина есть государственное объединение, а Башкирия нет. Почему? Ведь мы совнаркомы в республиках не уничтожаем. Разве ЦИК башкирский не есть государственное учреждение?» [22]. Нейтрализация всех предложений Раковского на съезде была достигнута Сталиным благодаря тому, что он сумел в негативном ключе представить особую роль Украины в мировом революционном процессе. Раковский намеревался сохранить независимость Украины для усиления ее «революционного воздействия на границу». Напомнив делегатам съезда, что «мы под Варшавой потерпели неудачу», И.В. Сталин убедил собравшихся в том, что «восточные народы, органически связанные с Китаем, с Индией, ... важны для революции, прежде всего. Удельный вес этих маленьких народностей стоит гораздо выше, чем удельный вес Украины» и поэтому всякие призывы Раковского повернуться лицом не только к Востоку, но и Западу безосновательны [23].

СССР как государственное образование находился в юридически неопределенном и политически нестабильном состоянии, будучи, по существу, продекларированным, а не реальным государством. Данной ситуацией стремились воспользоваться украинские национал-коммунисты во главе с Раковским. Проинформировав 4-е совещание ЦК с ответственными работниками национальных республик и областей о том, что ЦК КП Украины приняло решение «добиваться расширения прав отдельных республик», Раковский огласил украинский вариант устройства СССР, согласно которому наркоматы иностранных дел и внешней торговли из союзных переводились в союзно-республиканские, а наркоматы продовольствия, труда и Рабоче-крестьянской Инспекции из союзно-республиканских

в республиканские [24]. Факт изъятия внешней политики и внешней торговли из сферы общесоюзного правительства убедительно свидетельствует о конфедералистских взглядах Раковского. Данное убеждение сформировалось не только на основании вышеприведенного факта, а при сравнительно-сопоставительном анализе последнего с действиями украинской делегации на Генуэзской конференции, со статьей управляющего делами СНК УССР П. Солодуба, письмом самого Раковского к Д.З.Мануильскому, т.е. со всеми теми фактами, которые безапелляционно свидетельствовали о твердом намерении группы Раковского сделать Советскую Украину независимым от России государством. В этом Сталину без особого труда удалось убедить участников совещания: «Где же тут единое государство, если у каждой республики остается свой НКВД и НКВД? Чем это не конфедерация? [25]. 4-е совещание ЦК с ответственными работниками национальных республик и областей отклонило предложения Раковского и его сторонников. Вышеуказанное обстоятельство не деморализовало группу Раковского. Более того, украинские национал-коммунисты даже сумели добиться от Сталина уступки в вопросе о союзном гражданстве. Этот вопрос обсуждался 14 июня 1923 года на заседании расширенной комиссии ЦИКа СССР по выработке Конституции СССР. И.В. Сталин выступал за единое союзное гражданство, против введения двойного гражданства – союзного и республиканского. Необходимость введения единого союзного гражданства Сталин мотивировал тем, что «когда говорят об установлении гражданства, то хотят установить отношения работника с внешним миром... ..Допустим, что украинский гражданин попадает в Чехословакию или Америку. Считается ли он гражданином и Союза республик и, вместе с тем, гражданином Украины? Ведь украинского аппарата во внешних сношениях нет, кто его защищает?» [26]. Требование Сталина о введении единого союзного гражданства было разумным при государственном устройстве, которое формировалось в те годы. Для такой федерации как СССР, введение двойного гражданства могло создать и создавало благоприятную почву для подавления нацменьшинств, не имеющих своего гражданства. Чтобы предотвратить подобные беззакония в отношении к нетитульным нациям союзных республик, необходимо было вводить единое гражданство. Но этого не произошло. Нормой Конституции СССР стало двойное гражданство, которое активно защищал украинский национал-коммунист Николай Алексеевич Скрыпник, настаивавший на том, чтобы «отдельного гражданина» могли «за жабры взять и отдельная республика, и Союз» [27]. Последнюю отчаянную попытку получить у Москвы политические уступки группа Раковского предприняла 24 июня 1923 года на заседании Комиссии ЦК РКП (б) по выработке юридических предложений о СССР. При обсуждении количества общесоюзных наркоматов Раковский вновь предложил перевести из общесоюзных в союзно-республиканские наркоматы иностранных дел и внешней торговли, но проголосовал за данную резолюцию только он сам. Словно предчувствуя такой поворот событий, Фрунзе предложил перевести из общесоюзных в союзно-республиканские наркоматы путей сообщения, почт и телеграфов, что было также отклонено комиссией

против голосов Раковского и Фрунзе. В итоге комиссия приняла предложение И.В. Сталина считать общесоюзными наркоматы иностранных дел, внешней торговли, военных и морских дел, путей сообщения, почт и телеграфов. Раковский еще пытался добиться перевода наркоматов продовольствия и Рабоче-крестьянской Инспекции из союзно-республиканских в республиканские, а также выступил против совмещения функций наркомов СССР с функциями наркоматов республик, но и эти предложения были также отклонены [28].

Тактическая победа над радикалами и самостийниками в 1922–1923 годах еще не означала, что новая российская государственность в форме СССР стратегически застрахована от изоляционистских и сепаратистских тенденций. Вспышки «самостийности» на Украине серьезно угрожали территориальной целостности СССР, но сталинская модернизация почти полностью их уничтожила. К концу 1920-х годов началось превращение СССР в унитарное государство. Партия большевиков исходила из приоритета классового начала над национальным, в результате чего СССР, будучи формально федеративным государством, де-факто стал унитарным. Перед Российской Империей и СССР всегда стояли непреодолимые препятствия, способствующие развитию центробежных сил и развалу. Постоянное территориальное расширение делало хрупкой конструкцию государства. Страна на различных хронологических этапах включала огромные фрагменты иных цивилизаций и культур различных этносов, жизненных укладов, религий, часть из которых принадлежала к традиционным доиндустриальным цивилизациям, которые необходимо было реструктуризировать и модернизировать. Особенно остро решение этих задач встало перед СССР в условиях приближающейся Второй мировой войны. Для сталинской модели модернизации необходимы были национальные кадры. После разоблачения культа личности И.В. Сталина в индустриальных регионах Левобережной Украины и на модернизированной Сталиным Правобережной Украине сложились условия для развития национализма. Высокий рост населения в УССР, политика социального равенства привели к возникновению в республике регионов-доноров и дотационных, к замедлению темпов экономического развития, усложнению межнациональных отношений, росту правовых нарушений и коррупции, укреплению этничности как критерия политической стратификации. Все это произойдет позже, после смерти Сталина. Данные сюжеты весьма актуальны в свете современных проблем взаимоотношений Российской Федерации с Украиной, политически «патронируемой» США и Евросоюзом. Для понимания современной российской геополитики необходимо объективно рассмотреть причины сепаратистских процессов 1920-х годов, при анализе которых Сталин и формировал свою геополитическую стратегию. При всех противоречиях НЭПа несогласованность действий центральной и республиканских властей при проведении модернизационных преобразований в национальных окраинах способствовала неуклонному падению политического влияния Москвы. Добиться окончательного устранения причин ослабления властных полномочий союзного центра Сталин настойчиво стремился все 1920-е и отчасти

1930-е годы. Национально-территориальное размежевание не являлось «спланированной злонамеренной акцией Сталина», а было вызвано объективными историческими причинами. В ряде случаев Сталин проявлял опасения из-за частой перемены границ внутри СССР, а также стремился к защите интересов русских. 12 февраля 1929 года И.В. Сталин встретился с группой украинских писателей. Главной темой беседы было обсуждение пьесы Михаила Афанасьевича Булгакова «Дни Турбиных», которую украинские писатели требовали снять с репертуаров театров, как разжигающую антиукраинские настроения. В ходе беседы украинская делегация неожиданно стала выражать территориальные претензии Украины на части Курской, Воронежской губерний и Кубани, в которых проживало много этнических украинцев. На это Сталин ответил следующее: «Мы слишком часто меняем границы – это производит плохое впечатление и внутри страны, и вне страны. Миллюков даже писал за границей: Что такое СССР? Нет никаких границ. Любая республика может выйти из состава СССР, когда она захочет. Есть ли это государство или нет? 140 млн населения сегодня, а завтра 100 млн населения. Внутри мы относимся осторожнее к этому вопросу, потому что у некоторых русских это вызывает большой отпор. С этим надо считаться. С точки зрения национальной культуры и с точки зрения развития диктатуры пролетариата и с точки зрения развития основных вопросов нашей политики и работы, конечно, не имеет сколько-нибудь серьезного значения, куда входит один из уездов Украины и РСФСР. У нас каждый раз, когда такой вопрос ставится, начинают рычать: а как миллионы русских на Украине угнетаются, не дают на родном языке развиваться, хотят насильственно украинизировать и так далее ... Этот вопрос чисто практический. Он раза два у нас стоял. Мы его отклонили – очень часто меняются границы. Белоруссия ставит сейчас вопрос о том, чтобы часть Смоленской губернии присоединилась к ним. Я думаю, что такой вопрос надо решать осторожно, не слишком забегая вперед, чтобы не развивать отрицательного отпора со стороны той или другой части населения. Это внизу тоже имеется. Я не знаю, как население этих губерний хочет присоединиться к Украине? (Голоса: хочет). А у нас есть сведения, что не хочет...» [29]. Этот фрагмент беседы И.В. Сталина с украинскими писателями достаточно красноречиво свидетельствует о том, что частые перемены границ внутри СССР были для него не только нежелательны, но и опасны, прежде всего, из-за бесконечного ущемления прав русского населения. Многие современные исследователи считают Сталина русофилом, но, несмотря на противоречивость общественного мнения о роли личности И.В. Сталина в исторической судьбе России, с уверенностью можно утверждать, что он не был русофобом, несмотря на громогласные обвинения «великорусского шовинизма». Как и во многих других вопросах, так и в «русском вопросе», И.В. Сталин был чистым прагматиком, о чем свидетельствует его политика по отношению к Русской Православной Церкви в годы Великой Отечественной войны. Сталин считался с интересами русского народа – самого многочисленного в СССР. Известно, что в феврале 1923 года Политбюро ЦК РКП (б) не приняло предложение И.В. Сталина о предоставлении населению

«русских губерний» права представительства в Совете Национальностей ЦИК СССР наравне с населением союзных республик и автономий РСФСР [30]. В 1937 году именно Сталин был инициатором введения обязательно изучения русского языка в школах национальных республик. В сентябре 1937 года на Пленуме ЦК ВКП (б) И.В. Сталин был докладчиком по этому вопросу, но в стенографическом отчете этого Пленума, хранящегося в РГАСПИ, текст сталинского выступления, к сожалению, отсутствует [31]. Это решение объективно препятствовало дискриминации русского населения в национальных республиках. При создании некоторых национальных автономных единиц И.В. Сталин преследовал исключительно геополитические цели. Это подтверждается намерением Сталина предоставить автономию Галиции во время советско-польской войны 1920 года. Сталинская политика национально-территориального размежевания служила укреплению СССР – народы Советского Союза изживали сепаратистские настроения, межнациональные отношения постепенно выравнивались.

Национально-государственная политика Сталина в 1920-е и 1930-е годы смогла обеспечить единство Советского Союза, столь необходимое в силу постоянной внешней угрозы, она была направлена на выравнивание экономического уровня отсталых республик, поэтому была связана с проблемой деколонизации. Но ей предшествовала культурная революция, которая принесла всем народам ликвидацию безграмотности, создание алфавитов и письменности для тех народов, у которых не было письменности, массовое получение квалифицированных, в том числе технических профессий. В национальных регионах сформировалась система здравоохранения, были побеждены эпидемии чумы, холеры, туберкулеза, трахомы. И только в период индустриализации страны И.В. Сталин поставил вопрос о выравнивании экономического уровня отсталых республик. Нельзя утверждать, что происходила искусственная перекачка средств и ресурсов из центра в бывшие колониальные окраины, неготовые к технологическим новациям. Действительно, началось повсеместное строительство промышленных предприятий. В отдельных регионах это было связано с наличием богатейших залежей полезных ископаемых, без которых не могли работать традиционные промышленные районы Европейской России и Украины. Поэтому сталинскую модернизацию нельзя связывать только с идеологическими аспектами, требовавшими формирования однородной социальной структуры общества. Неравномерное финансирование из государственного бюджета национальных республик дало возможность И.В. Сталину создать мощную индустриальную базу на востоке страны. Это позволило во время Великой Отечественной войны, опираясь на созданный в предвоенные пятилетки экономический потенциал, добиться победы над фашистской Германией. Часть национальных республик оставалась дотационной, так как социокультурные традиции населения тормозили развитие модернизации в национальных районах. Это была традиционная схема развития для большого многонационального государства, в которой просматриваются диспропорции север-юг, запад-восток. Сталинская политика в области индустриализации имела историческую

перспективу, была легитимна, но имела и свои негативные последствия, в частности, было ослаблено развитие нечерноземных областей центральной России. Население этих исконных российских районов в результате миграций направлялось на строительство промышленных гигантов и электростанций на востоке страны, осваивало новые месторождения, создавало нефтегазовый комплекс и транспортную инфраструктуру, поднимало целинные и залежные земли. Складывалось новое многонациональное общество на интернациональных принципах, где каждый народ стал субъектом публичного права в составе федерации. Сталинская национально-государственная политика в ее геополитическом аспекте способствовала расцвету наций, форсировала их консолидацию, связывая этничность с властью и территорией. Советское го-

сударство при И.В. Сталине способствовало правовой институционализации этничности как политической категории, фиксируя ее в паспортах, а территории – за крупными этносами и этническими элитами. Последние стремились обрести более высокий политический статус, подталкивая этнополитические общности к реализации легитимного права на собственную государственность. Сталин был глубоко убежден в том, что народы должны быть полноправными субъектами национальной политики. Сталинская мысль по-прежнему актуальна, особенно по отношению к тем народам, которые, во-первых, имеют свои национально-государственные и национально-территориальные образования, во-вторых, их властные элиты не стали политическими марионетками в геостратегии мировой закулисы.

Список литературы

1. РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 4490. Л. 6.
2. Несостоявшийся юбилей. Почему СССР не отпраздновал своего 70-летия. М., 1992. – С. 72.
3. Сталин И.В. Соч. Т. 4. – С. 17.
4. РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 145. Л. 1–2.
5. Деятельность Центрального Комитета партии в документах (события и факты). 15 ноября – 4 декабря 1919 г. // Известия ЦК КПСС. – 1990. – №6. – С. 176.
6. Карташов А.В. Очерки по истории Русской Церкви. Т. 2. – М., 1991. – С. 268.
7. РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 1737. Л. 1–2.
8. РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 1969. – Л. 1–2.
9. РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Л. 14–15.
10. Десятый съезд РКП (б). Март 1921 года. Стенографический отчет. – М., 1963. – С. 203–204.
11. Конт Ф. Революция и дипломатия. Х. Раковский. – М., 1991. – С. 73.
12. Несостоявшийся юбилей. Почему СССР не отпраздновал своего 70-летия. – М., 1992. – С. 120.
13. Из истории образования СССР. Документы и материалы о работе комиссии Оргбюро ЦК РКП (б) по подготовке вопроса «О взаимоотношениях РСФСР и независимых республик» к Пленуму Центрального Комитета партии (6 октября 1922 г.) // Известия ЦК КПСС. – 1989. – №9. – С. 214.
14. Несостоявшийся юбилей. Почему СССР не отпраздновал своего 70-летия. – М., 1992. – С. 145, 147–149.
15. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 93. Л. 3.
16. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 82. Л. 3–6.
17. Двенадцатый съезд РКП (б) 17–25 апреля 1923 года. Стенографический отчет. – М., 1968; Из истории образования СССР.
18. Стенограмма заседаний секции XII съезда РКП (б) по национальному вопросу 25 апреля 1923 г. // Известия ЦК КПСС. – 1991. – №3. – С. 172.
19. Из истории образования СССР. Стенограмма заседания секции XII съезда РКП (б) по национальному вопросу 25 апреля 1923 г. // Известия ЦК КПСС. – 1991. – №3. – С. 178.
20. Из истории образования СССР. Стенограмма заседания секции XII съезда РКП (б) по национальному вопросу 25 апреля 1923 г. // Известия ЦК КПСС. – 1991. – №5. – С. 159–162.
21. Из истории образования СССР. Стенограмма заседания секции XII съезда РКП (б) по национальному вопросу 25 апреля 1923 г. // Известия ЦК КПСС. – 1991. – №5. – С. 169–170.
22. Сталин И.В. Соч. – Т. 5. – С. 277.
23. Сталин И.В. Соч. – Т. 5. – С. 236–237, 276–278.
24. Тайны национальной политики ЦК РКП. Четвертое совещание ЦК РКП с ответственными работниками национальных республик и областей в г. Москве 9–12 июня 1923 г. Стенографический отчет. – М., 1992. – С. 108.
25. Тайны национальной политики ЦК РКП. Четвертое совещание ЦК РКП с ответственными работниками национальных республик и областей в г. Москве 9–12 июня 1923 г. Стенографический отчет. – М., 1992. – С. 264.
26. РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 3478. Л. 33.
27. РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 3478. Л. 34.
28. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 683. Л. 12–14.
29. РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 4490. Л. 19.
30. Наше Отечество. Опыт политической истории. Т. 2. – М., 1991. – С. 154–155.
31. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 627. Л. 1.

Элевсинские мистерии в нарративной традиции

УДК 94

DOI 10.21661/r-116201



Кныжова Зарина Закиевна – канд. полит. наук, старший преподаватель кафедры истории, социологии политики и сервиса ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», Россия, Саратов.

Ключевые слова:

Элевсинские мистерии, мистерия, религия, античная религия, религиозность, античная литература, мифология, мистериальный культ.

The Eleusinian Mysteries in narrative tradition

Аннотация

Статья посвящена Элевсинским мистериям и их роли в античной литературе. Исследователь анализирует тексты античных авторов, раскрывающих сюжет мифа о похищении Персефоны Аидом и поиском Деметры дочери. Помимо мифа, Элевсинские мистерии часто фигурируют в античной литературе разнообразных жанров – от комедий до философских трактатов – в качестве обстоятельств действия или контекста религиозно-экзистенциальных вопросов.

Keywords:

Eleusinian Mysteries, mystery, religion, ancient religion, religious, ancient literature, mythology, mystery cults.

Annotation

The article is devoted to the Eleusinian Mysteries and their roles in ancient literature. The researcher analyzes texts of ancient authors, revealing the myth's plot about the Persephone kidnaping by Hades and Demeter's search for her daughter. In addition to the myth, the Eleusinian Mysteries appear in ancient literature of various genres very often – from comedy to philosophical treatises – as the circumstances of the action or context of religious and existential issues.

Knyzhova Zarina Zakievna – candidate of political sciences, of the Department of History, Sociology of Politics and Service FSBEI of HE “Saratov State Academy of Law”, Russia, Saratov.

Элевсинские мистерии присутствуют в культурном контексте античного мира на протяжении всего его периода существования, начиная с произведений Гомера, и продолжают существовать за хронологическими пределами античной цивилизации, как в работах христианских богословов, так и экзальтированных практиков XIX в.

Мистериальные практики были широко распространены в античном мире. Существовали самофракийские, орфические, египетские и прочие мистерии. Но среди достаточного многообразия закрытых мистериальных практик, Элевсинские мистерии всегда считались уникальными. В период расцвета данного культа их регламентируют посредством нормативного инструмента (официальный запрет на распространение ритуала), к ним допускается довольно широкий круг лиц (в том числе рабы), а также нельзя не отметить их крайне высокий духовный смысл.

Элевсинские мистерии проводились дважды в год предположительно с минойской эпохи, и были широко известны в эллинском мире вплоть до конца IV века, когда их официально запрещает римский император, а спустя несколько лет элевсинское святилище будет разрушено варварскими племенами.

Традиционным источником, раскрывающим основное сюжетное поле элевсинских мистерий является

гимн «К Деметре» (*Hom. ad Dem.*), авторство которого приписывается Гомеру. Сюжет гимна обращается к похищению Кору, описанию страданий Деметры, ее приход в Элевсин, встречу с царем Келеем и его семьей, пребывание в Элевсине, и, наконец, возвращение Персефоны к матери. Выделяются два направления сюжета: собственно мифологический, связанный с похищением Кору-Персефоны, и социальный. Для понимания социального ракурса Элевсинских мистерий, необходимо обратить внимание на линию «Деметра в Элевсине». Гимн легитимирует пребывание потомков Келея на жреческих должностях. Также в заключении указывается запрет на свободное распространение содержания обряда («Об них ни расспросов / Делать не должен никто, ни ответа давать на расспросы: / В благоговенье великом к бессмертным уста замолкуют»).

Мифологический ракурс из сюжета гимна Гомера встречается у Гесиода, относящийся примерно к тому же историческому периоду VIII–VII вв. до н.э. В «Теогонии» кратко упоминается похищение «белолокотной» Персефоны (*Hesiod. Theog. 910–920*). Подробнее элементы гомеровского гимна раскрываются в орфических гимнах VI в. до н.э. Гимн «К Плутону» (*Orph. ad P.; 10–15*) содержит обращение к Плутону: «Ты прекрасное чадо священной Деметры / В жены

похитил, схватив на лугу, и понес через море/Вдаль на четверке коней прямо в Аттику, в край Элевсинский».

Еврипид (V в. до н.э.) в двух трагедиях обращается к сюжету похищения Персефоны. В трагедии «Елена» (*E. Hel. 1310–1320*) автор добавляет подробностей о самом похищении – колесницу Аида пытаются остановить Артемида и Афина. Страдания Деметры, ее поиски дочери и передача знаний Триптолему (сыну Келея) в своей версии гимна «К Деметре» описывает поэт III в. до н.э. Каллимах (*Callym. Ad Dem. 20–25*). В сочинении античного писателя II в. до н.э. Аполлодора Афинского упоминается исторический период, в который Деметра пришла в Элевсин – «когда Эрихтоний умер и был погребен на священном участке храма богини Афины, царем Афин стал Пандион, при котором в Аттику прибыли Деметра и Дионис. Деметру радушно принял в Элевсине Келей» (*Apollod. III. 14. 7*). Историк Дионисий Галикарнасский в I в. до н.э., ссылаясь на Софокла, кратко обращается к моменту передачи знаний Деметры Триптолему (*Dionys. Hall. I.12*). Другой историк Диодор Сицилийский в этот же период в книге «Разбор мифов. Время и генеалогия героев» (*Diod. IV. 14*) помимо уже известных фактов добавляет о законодательной функции Деметры, даровавшей людям справедливые законы.

Римскую традицию в изложении мифологической части сюжета закладывает Овидий. В 5ой книге «Метаморфоз» автор подробно описывает сцену похищения Прозерпины, страдания Деметры, которой вторит природа – «Отдых вкушавшей ее не видала Аврора с власами / Влажными, Геспер не зрел. В обеих руках запалила / Ветви горючей сосны, на Этне возросшей, богиня / И леденящую тьмой пронесла, не зная покоя. / Снова, лишь радостный день погасил созвездия ночи» (*Ovid., Met. V. 390–495*). Овидий прописывает еще ряд общеизвестных сейчас фактов, которых ранее не фигурировали – роль гранатового зерна, как условия возвращения Прозерпины и срок пребывания в подземном и надземном мире («Ныне – равно двух царств божество – проводит богиня / Месяцев столько ж в году при матери, сколько при муже»). Подробности поиска дочери содержатся в «Деяниях Диониса» Нонн Панополитанский (*Nonn. VI*). В данном произведении есть диалог между Деметрой и Астреем, который помогает богине с поиском дочери.

В ряде источников упоминается место, где вернулась драматическая история похищения Керы. Диодор Сицилийский подробно обосновывает, что мифический луг Энно находится на Сицилии, а место сокрытия колесницы Плутона – рядом с Сиракузами. После в поисках дочери Деметра зажигала факелы от кратеров Этны (*D.S. V. 3.5*). Упоминание этих фактов также встречается у Овидия («В обеих руках запалила Ветви горючей сосны, на Этне возросшей, богиня») (*Ovid. Met. V. 438–452*); и Апулея («Заклинаю тебя твоей десницей плодоносной, крылатой упряжьей драконов, твоих прислужников, бороздою почвы сицилийской») (*Apul. Met. VI. 2*). Хотя у Павсания встречается альтернативный вариант – это Пелопонесский полуостров, Лерно у реки Химарру (*Paus. II, XXXVII. 6*).

Мифологический пласт не ограничивается сюжетом, связанным напрямую с Элевсинскими мистериями, к примеру в «Метаморфозах» Апулея (*Apul. Met. VI. 2*) можно встретить рассказ о встрече Цереры (Деметры) и Психеи, в котором есть следующее упоминание – «колесницей хищной, цепкой землю, к бессолнечному браку Прозерпины схождением, солнечным обретенной дочери возвращением и прочим, что скрыто в святилище Элевсина аттического».

Одним из наиболее популярных вариантов развития мифологии мистерий является сюжет о посвящении Геракла в элевсинский обряд. Перед тем, как спуститься в Аид за Цербером, Геракл принял участие в Элевсинских мистериях. В одноименной трагедии Еврипида (*Eur. Her. 600–620*) Геракл пребывает в подземном мире и встрече с Аидом и Персефоной, откуда он привел Цербера. Подробнее данный эпизод встречается у Аполлодора (*Apollod. II; 5. 12*). Помимо известных обстоятельств, связанных с двенадцатым подвигом, указывается, что «В те времена чужестранцев еще не посвящали в Элевсинские мистерии, и Геракл добивался посвящения в качестве приемного сына Пилия», последний факт является не самым распространенным в биографии античного героя.

Диодор Сицилийский в I в. до н.э. пишет «Чтобы подвиг его увенчался успехом, Геракл отправился в Афины и принял там участие в Элевсинских мистериях, обряды же в то время совершались там под руководством Мусея, сына Орфея» (*Dion. IV. 25*). Также автор указывает, что помимо Геракла посвящение приняли Ясон, Орфей и братья Диоскуры (*Dion. V. 48–49*).

На рубеже I–II в. н.э. Дион Хрисостом (*Dion. Chrys.; XXXI. 92*) указывает, что в Фивах есть статуя, которая предположительно посвящена Гераклу, прошедшему обряд мистерий. Плутарх из Херонеи в описании судьбы Тесея пишет, что «что Геракл был посвящен в таинства заботами Тесея и его же заботами очищен накануне посвящения от невольных грехов» (*Plu. Thes; 30*).

Эпизоды мифа, связанные с периодом пребывания Деметры в Элевсине, менее популярны в массовой культуре, но имеют непосредственное отношение к пониманию места мистерий античной культуре и их социально-обрядовой структуры. Ранее уже у Гомера, Еврипида и Дионисия Галикарнасского мы встречали упоминание, как Деметра передала сыну Келея, Триптолему, знания о возделывании зерна. Павсаний предлагает помимо общеизвестной версии о происхождении Триптолема (афинская версия), еще варианты: аргивский – Триптолем является сыном Трохила; орфический гимн – сыном Дисавла. У Павсания есть намек на критские корни обряда, т.к. у входа в храм Триптолема стоит статуя быка (*Paus.; I, XIV-3*). Далее автор ссылается на Памфа (*Paus.; I, XXXIX-1*), у которого в поэме есть обозначение места, где располагается колодец, рядом с которым находилась Деметра после похищения дочери.

Из локальных эпизодов можно отметить про то, как Деметра в Элевсине приручила змея Кихрид, по словам Гесиода, сделала своим служителем (*Hes. Frag. 226*).

Разглашение обряда Элевсинских мистерий было

законодательно запрещено. В сочинениях античных авторов встречаются, как правило общеизвестные моменты (последовательность всего мистерияльного обряда, наименования статусов участников). К примеру, Афиней (II–III в. н.э.) упоминает проработанный сценический костюм основных действующих лиц – иерофанта и факелоносцев (*Athen. Deip. I. 39*). Кроме них есть еще и символические действующие лица – боги и проводники их воли: Иакх – священный ребенок, по некоторым версиям супруг Деметры, воплощение Диониса, «демон-предводитель» у Страбона (*Strab. X. 3.10*). В произведении «Ион» Еврипид от имени одного из героев просит Иакха укрыть от чужих глаз обрядовую часть в честь Деметры и Персефоны.

Упоминаемые в работах древнегреческих авторов отдельные части Элевсинских мистерий, позволяют выстроить следующую фабулу.

Элевсинские мистерии проводились ежегодно. Но по сообщению Павсания (*Paus. 14*), в местности Келея проводились обряды, очень похожие на элевсинские. Отличия состояли в периодичности – каждые четыре года, а также выборность Иерофанта.

Процессия в Элевсин начиналась от ворот Дипилона В Афинах, где на краю колодца, по сообщению Прокла, была надпись «*О Пан, мужчины, пребывайте в хорошем настроении, прекрасные нимфы, дождь, зачатие, переполнение*» (*Procl. 293*).

Теон Смирский сообщает, что у Элевсинских мистерий есть пять этапов инициации (*Theon Smyrn.*). Первая стадия заключается в очищении будущего участника, второй этап – прохождение через обряд, третий – эпоптейя, на четвертом также эпоптейя, включающая также общение с другими посвященными, пятый этап – кульминация мистического опыта (ощущение счастья, общение с божествами).

Перед началом мистерий будущий участник должен очиститься в море, поскольку только оно смывает грехи (*E.IT.; 1190–1200*).

Перед входом на священную территорию мисты снимают одежды, что означает их готовность оставить все чуждое мистерияльному опыту (*Plot.; 1.6–7*).

Мисты смотрят на небо, кричат «дождь», потом на землю с возгласом «зачатие» (*Procl. 293*).

Иерофант вызывает Кору по имени, одновременно ударяя в гонг (*Apollod. Frag. 36*).

Иерофант остается вдвоем с жрицей, факелы гасятся, далее от их действий зависит будущее спасение (души?), заложенное в обряд. (*Aster.Amas. 311–312*)

Мист в процессе обряда соприкасается с миром мертвых, его тело в процессе пребывает в двух состояниях – мертвого и спящего тела (*Heraclit. F21*)

В процессе исполнения ритуала в жертву приносился поросенок, это отражено в комедии Аристофана (*Ar.Pax. 370*), где герой просит три драхмы для покупки жертвенного животного, чтобы перед смертью принять участие в мистериях. Ритуал завершается, как только Деметра находит свою дочь Персефону, после чего мисты выбрасывают факелы и благодарят друг друга (*Lact. Div.Inst. 23*).

Павсаний, рассказывая про появление мистерий указывает еще на ряд элементов (*Paus. 8–25*). Священ-

ные тексты хранились под двумя камнями, которые каждые два года вынимались из хранилища и зачитывались в процессе обряда. Также в качестве атрибута упоминается маска Деметры. Алтарь оформлен изображениями Деметры и Великой Матери, а также безымянной богини, названной «госпожа». Деметра и «госпожа» восседают на троне, в правой руке Деметра держит факел, другая на «госпоже» «Госпожа» держит в руке скипетр, на коленях стоит корзина (*Paus. 8–37*).

Прокл указывает, что участники испытывали мистических страх в процессе инициации (*Procl III.*). Иоанн Стобей, пересказывая несохранившийся отрывок Плутарха (*Ioan. Stob.4–107*), так же указывает на страх участников, который далее уходил под воздействием звуков и «чудесного» света. После инициации, в процессе которой душа соединяется с телом, мисты символически смотрят сверху вниз на непосвященных, чьи души пребывают в тумане.

Порфирий в III в н.э. описывает ряд подробности элевсинских мистерий. На территорию храма мисты входили с завязанными глазами, омывались в священной воде. Далее иерофант читает проповедь. Порфирий подчеркивает уместность этих речей именно в данной обстановке, при других обстоятельствах подобные слова могли быть восприняты несерьезно. Автор указывает на мистические переживания (Деметра видит все происходящее сверху, поля Элизума. В конце ритуала иерофант произносил фразу «*Konx Om Pax*» (*Porph.: Eusebius: Praep. ev. III. 12,3*). Ритуал, который описывает Порфирий по сюжету и религиозному наполнению очень напоминает восприятие христианских обрядов, хотя его считают критиком христианства. Также можно предположить, что это описание одной из ступеней посвящения в мистерии.

Раннехристианский автор св. Ипполит Римский в этот же период также описывает элементы ритуала. Он пишет про проращивание зерна в тишине. От этих зерен возникает свет (*Hippol. V. 3*). Плутарх (*Plu. Isid. et Osir:70*) в работе о мистериях раскрывает роль зерна, как дара богов, благодаря которому люди перестали жить дико и звероподобно. Автор прослеживает аналогию засеивания зерна с обрядом похорон.

Атрибутика обряда встречается в книгах Афиней. Жрец совершает священный обряд, выносит предметы из святилища и раздает тем, кто обносит вокруг свои kernels (глиняные чашки) (*Athen. Deip. XI. 57*). Другой сосуд – котолиск/ племохой, используется в последний день мистерий, после чего две два из них опрокидывают, один – встав лицом на восток, другой – на запад, и приговаривая магические слова (*Athen. Deip. XI. 93*).

Климент Александрийский осуждающие отзывается о мистериях, ставя в упрек распитие кикеона (мятно-ячменный напиток), подражание страданиям Деметры, демонстрация Иакха (священного ребенка, проводника между богинями и людьми) во чреве дочери Келея. (*Clem.Alex. II. 18*).

Эмоциональный эффект от обряда Элевсинских мистерий уже частично описывался – страх, благоговение, радость. Геродот приводит сравнение нескольких мистерий (египетские, элевсинские), где ключевым элементом являются «страсти бога» (*Hdt. II, 169–174*).

Кринагорас в одной из эпиграмм пишет, что если человек прошел через Элевсинские мистерии, ему не страшно умереть (*Crin.35*). У Платона продолжается эта же мысль – «очистившиеся и принявшие посвящение, отойдя в Аид, поселятся среди богов» (*Plat. Phaed.; 69cd*). Аристид описывает эффект от ритуала как смесь страха и просветления, в процессе соперничают зрение и слух, но по окончании прошедшие обряд испытывают истинную радость (*Aristid Eleus. I. 421*).

Плутарх подробно раскрывает мистическое значение Элевсинских мистерий (*Plu. Frag. 28*). Ощущения сводятся к иррациональному и аффективному свойствам, в основе есть душа, разум и тело. Они являются источником удовольствия, боли и порока. Каждой из компонент соответствует земля (тело), луна (душа), солнце (разум). Земля – сфера Деметры, а луна – Персефоны. Деметра отделяет душу от тела, а Персефона разум от души. Души расплачиваются за прегрешения, находясь на лугах Аида. Вот этими душами и являются мисты, испытывающие радость, заблуждение, волнение. В другом сочинении Плутарх добавляет ажиотаж, восклицание, изумление (*Plu. Virt. 81e*). Риторика о роли тела, души и разума продолжает Плотин в «Энеадах» (*Plot. IV-27, 28*), где Деметра – воплощение божественной природы, а душа и ум наиболее подвергаются воздействию божественного начала.

Идею мистерий довольно точно выразил римский философ Сенека Младший (*Sen. De Nat. VII. 30.6*). По его мнению, элевсинские мистерии, состоящие из нескольких этапов, позволяют лишь поверхностно приобщиться к тайнам мироздания, главный сакральный смысл так и остается сокрытым. У Платона в диалоге «Горгий» (*Plat. Gorg. 497c*) Сократ удивляется, как можно пройти Великие мистерии прежде Малых. Принять участие в мистериях стремятся только чистые душой (*Plat. Phaed.; 250–251*), эмоциональный пласт мистерий имеет природу высшего порядка, не животную, примитивную. Софокл в драме «Эдип в Колоне» указывает на «вечных тайн нестуют людям цвет святой могучие богини» и предостерегает от разглашения даже самым близким (*Soph. Oid. K.; 1050, 1520*).

Цицерон в «О природе богов» (*Cic. Nat. Deor. I. 52*) сравнивает элевсинские и самофракийские, где Элевсин «высокочтим» и в них посвящают самые «отдаленные племена». Цицерон пишет о мистериях, рассуждая о явлении смертности богов и процессе их погребения, что снова контекстно указывает на идею смерти-возрождения в элевсинском обряде. Духовную идею он раскрывает в сочинении «О законах» (*Cic. Thusc. II. XIV. 36*), где в диалоге указывается на дарование божественного, «самое лучшее – те мистерии, благодаря которым мы, дикие и жестокие люди, были перевоспитаны в духе человечности и мягкости, были допущены, как говорится, к таинствам и поистине познали основы жизни и научились не только жить с радостью, но и умирать с надеждой на лучшее». О влиянии на внутреннее самосовершенствование человека пишет Диодор Сицилийский, посвященные становятся благочестивыми, справедливыми и лучшими

во всех отношениях (*Diod. V. 49–6*). Представитель неоплатонической школы Ямвлих отмечает, те, кто еще не приобщился к мистериям «не освободили душу от сна» (*Iamb. VP. XVII. 75*), а само участие в мистериях требует значительных душевных отдач.

Эпиктет указывает (*Epict. III. 21*), как элевсинские мистерии заложили образец социального поведения: просьба о помощи у Деметры, необходимость очищения перед обрядом, осуждение за осмеяние мистерий. в связи с чем непозволительно распространяться о содержании мистерии. В одной из од Квинт Гораций Флакк отмечается высокое общественное уважение к элевсинским мистериям, где герой не потерпит под одной крышей того, кто нарушил тайны (*Hor. Carm. III. 2*). Также проблемная линия о неуважении мистерий ярко раскрыта у Лукиана из Самосаты (*Luc. Pisc. 33*). Герой его комедии спрашивает, насколько его поведение будет предосудительным, если он осудит тех, кто предаст огласке сюжет обряда, в свою правоту он приводит аргумент о том, плохим актерам, играющих верховных богов достается общественное осуждение.

Исократ в Панегирике (*Isoc. Paneg. 28–29*) указывает, каким образом Деметра и появившиеся обряды повлияли на развитие античной цивилизации и выработку социальных норм. Люди, благодаря богине научились обрабатывать злаки и приобщились к таинствам, которые порождают надежду. Жители Элевсина делились своими знаниями, за что к нему были благосклонны боги. Города отдавали часть урожая, а Дельфийский оракул через предсказания поддерживал исполнение традиций. В трагедии «Просительницы» у Еврипида богини, Деметра и Кора, соперничают матерям, помогают молящих их о помощи (*E. Supp. 30*).

В исторических сочинениях Элевсинские мистерии часто упоминаются в качестве точки или периода описываемых событий. Геродот (*Herod. IX. 65*) о битве при Платеях 479 г. до н.э. между лакедемонянами и персами указывает, что ранее персы сожгли Элевсин, а в данном случае – ни один перс не осквернил (не умер и не ступил) роши Деметры. В диалоге между Дикеем и Демаратом, отмечается столбы пыли, сопровождающие процессию мистов. Дикей предупреждает, что звуки хора – это голос божества, который сулит несчастье вражескому флоту Ксеркса (*Herod. VIII. 65*). Малые Элевсинские мистерии фигурируют при описании конфликта Афин с Филиппом Македонским у Эсхина, в период их проведения заключали перемирие (*Aeschin. De falsa legation. 133–138*). Тит Ливий дополняет этот сюжет новыми обстоятельствами. Один из конфликтов между афинянами и македонцами был спровоцирован недолжным посещением мистерий двумя непосвященными юношами-македонцами, в результате чего они были убиты (*Liv. XXXI. 6–9*). Плутарх в жизнеописании Фемистокла (*Plu. Them. 15*) пишет о битве, которая была приостановлена процессией мистов, их было настолько много, что создалось впечатление тучи, которая спустилась с небес, другим же показалось, что это подоспел отряд призраков вооруженных людей.

Плутарх в «Фабий Максим» (*Plu. Fab.25–27*) указывает, что строй мистов, который нес изображение Иакха в Элевсин был нарушен македонцами. Если же раньше в подобных случаях звучали таинственные голоса и являлись таинственные образы, то сейчас наблюдается очевидный упадок, поскольку никто не придает значения нарушению обряда.

Другой внутренний конфликт между Афинами и Лакедомоном у Ксенофонта содержит миролюбивую коннотацию и осуждение конфликта («*наш предок Триптолем открыл сокровенные дары Деметры и Коры из всех иностранцев прежде всего вашему родоначальнику Гераклу и вашим согражданам Диоскурам*») (*X. HG. VI. 4–6*). В романе «Жизнь Аполлония Тианского» Флавий Филострат помещает пребывание Аполлония в Афинах в период Элевсинских мистерий (*Philostr. VA. IV. 17*).

Урбанистические детали города Элевсина встречаются у географа Павсания и в комедии Аристофана. Павсаний в «Описании Эллады» рассказывает о местоположении храма Деметры, жертвенника Зефиру, дом, где Фитал принял у себя Деметру, за что богиня одарила его ветвью смоковницы (*Paus.37.2*). В комедии Аристофана «Лягушки» (*Ar. Ran. 380–450*) главные герои пребывают в Элевсин, где мисты просят «божественного юношу» Иакха препроводить их к дому Деметры. При этом часть диалога происходит при входе в храм Плутона.

Элевсинские мистерии фигурируют в качестве повода для известного, во многом политического дела против Алкивиада. В период Пелопонесских войн полководец Алкивиад был обвинен в осквернении священных столбов – герм, а также участии в пародиях на мистерии. По этому же делу другим обвиняемым был Андокид, у которого сохранился текст речи «О мистериях» (*And. De myst.*), которая была произнесена в суде.

У Плутарха есть еще один эпизод, связывающий фигуру Алкивиада и мистерии (*Plu 34–35*). В период, когда дорога (священный путь) из Афин в Элевсин оказалась захвачена, мисты были вынуждены передвигаться на кораблях что нарушало красоту обряд – «*жертвоприношения, хороводы и многие другие обряды, которыми сопровождается шествие с изображением Иакха, пришлось, по необходимости, опустить*». Полководец организовал вооруженную охрану мистам, что увеличило его славу. В другом жизнеописании – «Аристид» – Плутарх пишет о том, что дельфийский оракул предсказал афинянам победу, если они примут бой на собственной земле, а точнее на равнине Деметры Элевсинской и Персефоны (*Plu. 11–12*). В жизнеописаниях Светония в главе, посвященной Нерону (*Suet. Ner. 34–4*) указано, что он не принял участия в элевсинских таинствах, поскольку на нем смерть матери.

Еще один судебный процесс представлен у Демосфена в речи «Против Неэры». Ссылаясь на третий судебный процесс, указывается запрет принесения жертвы в элевсинском храме в праздник урожая. При этом жертву может приносить только жрица (*D.59;116–117*).

Аристотель в «Афинской демократии»

(*Arist.Ath. XIV-2*) приводит ряд правовых норм, регулирующих права жителей Элевсина и Афин. Жители Элевсина могли прибыть в Афины только в период мистерий, тоже самое касалось и афинян. Регламентировался уже давно известная традиция жречества: о храмах заботятся семьи Кериков и Эвмолпидов, которые монополизировали ритуальные функции. Упоминание другой привилегии мы встречаем и у Павсания (*Paus.38.1*) только жрецам элевсинского культа разрешалось ловить рыбу в пограничной с Афинами области Рит.

Нарративный дискурс в греческой и римской традиции довольно однороден. Это сюжет мистерий, их место в античной религии, описание психологического эффекта мистерий. Часто мистерии становятся фоновым эпизодом как в художественных произведениях, так и в документальных работах. Римские авторы чуть более подробно пишут подробности мистерияльного обряда. Христианские авторы представляют две позиции – либо неоднозначно оценивают, либо также отмечают значительную роль мистерий, которые затрагивают экзистенциальные вопросы существования души и ее взаимодействия с божественным миром. Присутствует осуждение некоторых элементов ритуала, которые не допускает формирующаяся христианская мораль. Но все подтверждают цивилизационно образующий аспект мистерий: Деметра обучила земледелию – появление культурного опыта обработки земли, духовный аспект – спасение души, обращение к гуманистическим мотивам.

Жанровое разнообразие, где фигурируют элевсинские мистерии довольно велико. Это и социально-политические трактаты, документальные работы географического и исторического характера, жизнеописания, литературные произведения, как серьезного жанра – комедии и трагедии, так и эпиграммы. Поскольку мистерии являются серьезным событием в общественной жизни, их упоминание часто можно встретить в речах ораторов на судебных тяжбах и в качестве элемента политических событий.

Практически все авторы отмечают уникальность элевсинских мистерий. Идейную и обрядовую часть, которая отмечают в сочинениях, можно свести к трем дискурсам. Первый напрямую связан с земледельческими культами. По мнению ряда исследователей мистерии пришли в Аттику из Минойской цивилизации. В формате мистерий можно усомниться, но ритуалы, посвященные богине плодородия, несомненно являются их фундаментом. У античных авторов часто не разделяются рядовые прославления Деметры, другие крупные празднества, посвященные ей и Коре (например, фесмофории) и сами мистерии. Элевсинские мистерии же подробно в ритуализированной форме раскрывают обретение людьми способностей обработки земли. В версии мифа и мистерий, которые его реконструировали, Деметра передавала знания о возделывании земли и зерна сыновьям царя Элевсина, что приведет к формированию закрытого жреческого социального слоя.

Другим не менее буквальным мотивом является сюжет о потере Деметрой дочери Коры. Эта часть

также, согласно источникам, являлась обязательной в мистериальной практике Элевсина. Страдания матери, у которой Аид похитил дочь, откликались проекцией чувств и переживаний участников мистерий. Несмотря на то, что в античной религии зачастую встречается неперсонифицированный образ Великой матери, образ Деметры, согласно контексту произведений был именно той, к кому ищущие утешения обращали свои молитвы.

Третий дискурс находит свое проявление в исключительно мистериальном поле. Значительная часть мистерий в культурах разных цивилизаций была посвящена сюжету, связанному со смертью главного героя и его последующим воскрешением. В случае с элевсинскими мистериями интересна параллель между природными циклами – наступление весны и увядание в зимний период. Другая аналогия прослеживается с жизненным циклом зерна, которое помещают в землю, что понимается как смерть, и его всходы – возрождение нового. Предполагается, что подобная судьба ожидает и человеческую душу. Отсюда все восторженно описываемые ощущения радости, надежды и очищения.

Плоскость репрезентации элевсинских мистерий в виде обстоятельств, времени, места очень часто встречается в античных сочинениях. Мистерии были заметным общественным событием и их популярность растет вместе с развитием Афинского полиса. Регулярность, с которой проводились мистерии – дважды

в год, и их идейная сущность позволяли также делить хронометраж восприятия года, указывая на понятные каждому жителю, отрезки. Популярность также контекстуально считается посредством эпитетов, какими авторы награждают данное событие – великие, священные и т. д. Также в результате анализа комплекса античных работ можно сделать вывод о динамике популярности Элевсинских мистерий. К периоду расцвета Македонского царства духовное влияние мистерий чуть снижается, центр политических событий переносится на север Эллады, наблюдаются процессы секуляризации общественного сознания. В период же Римской империи можно наблюдать увеличение популярности, во многом базирующуюся на востребованности в синкретичности римской религии, а далее с началом кризиса государства и поиске духовных основ.

Работ, где элевсинские мистерии являлись бы непосредственным объектом для осмысления нет. Как правило это трактаты, посвященные духовным вопросам, написанные уже в начале первого тысячелетия христианскими авторами. На тот момент, мистерии еще не были под запретом, а христианство еще не обрело статус официальной религии. С позиции адептов новой религии раскрыть ряд подробностей считалось обоснованным. При этом риторика текстов не всегда критическая, как правило происходил опыт осмысления традиционных ритуальных практик с формирующимися христианскими.

История создания Ставропольского музея
наглядных пособийУДК 9
DOI 10.21661/r-115991The history of Stavropol museum visual
aids development

Аннотация

Кривцова Татьяна Геннадьевна – младший научный сотрудник ГБУК СК «Ставропольский государственный историко-культурный и природно-ландшафтный музей-заповедник им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе», Россия, Ставрополь.

Ключевые слова: музей, Ставрополь, Северный Кавказ, коллекции, собрания, предметы.

В статье представлены материалы, связанные с созданием и деятельностью музея наглядных пособий им. Г.К. Пправе. Автором отмечается, что музей был создан в начале XX века и пережил такие серьезные потрясения, как революция, война и процесс объединения.

Keywords: museum, Stavropol, North Caucasus, collections, compendiums, subjects.

Annotation

The article describes the materials, representing the G.K. Prave museum visual aids development and activity. The author points out, that the museum was established in the beginning of the XX century and experienced such events as revolution, war and the process of reunion.

Krivicova Tatyana Gennadevna – junior research fellow of Stavropol Territory State Budgetary Institution of Culture “G.N. Prozritelev and G.K. Prave Stavropol State Historical-Cultural Nature and Landscape Museum-Preserve”, Russia, Stavropol.

Во все времена музеи считались учреждениями, которое занимались хранением, и изучением исторически и культурно значимых предметов, отражающих профиль коллекций и экспозиции самих музеев. За последнее столетие изменилось понимание этих учреждений. Однако фундаментальное значение музея, которое состоит в сохранение главных достижений и ценностей прошлого не изменилось. Отсюда вполне интересно обращение к истории создания музеев не только губернского, но и городского уровня.

16 декабря 1904 года в городское управление г. Ставрополя обратился общественный деятель, нотариус, а также гласный городской думы Георгий Константинович Пправе (1862–1925) с просьбой принять в собственность города разнообразные естественнонаучные коллекции и довольно богатую научную библиотеку для основания городского подвижного музея учебных пособий. Дар был принят 3 декабря 1904 года, кроме того, были ассигнованные средства на его содержания в размере 500 рублей. Г.К. Пправе сам определяет свое книжное собрание как научную библиотеку. В ее основу была положена частная коллекция, состоящая из двух тысяч книг, по разным отраслям науки. Самую многочисленную составили естественнонаучные произведения [1, с. 2]. Музей получил название Городского музея Учебных Пособий и должен был стать чисто школьным музеем, представляющим из себя собрание наглядных пособий. Такое довольно узкое понимание задач никогда не разделялось его основателем, сам Г.К. Пправе считал, что музей должен был стать

научно-исследовательским учреждением. Кроме того, по его мнению, он должен был вести просветительскую работу в широких слоях городского населения. С 1906 г. музей получил официальный статус. Благодаря старанием Георгия Константиновича Пправе, музей к началу Первой мировой войны располагал уникальными коллекциями по учебным предметам, сельскому хозяйству, множество гербария, этнографические и другие коллекции.

Создание музея и комплектования коллекций в его фондах, потребовали от Г.К. Пправе огромных сил, материальных затрат, в том числе и личных. Георгий Константинович сумел привлечь к работе довольно много помощников, в том числе из местной интеллигенции. К тем людям, которые не остались в стороне и помогли начинающему тогда музею относится, зоолог Н.Я. Динник, который внес огромный вклад в изучения млекопитающих животных на Северном Кавказе. Кроме того, Николай Яковлевич прекрасно разбирался в полевой зоологии, о чем говорит значительно количество работ, посвящённая наблюдению за животными в их естественной среде обитания. Он интересовался систематикой таких животных, как рыси, медведи, кабаны, именно Н.Я. Динник первым описал предкавказскую косулю [2, с. 18].

Еще одним человеком, который помогал Г.К. Пправе в его музейной деятельности был ботаник А.П. Норман, значительный вклад в развитие музея внесли такие ученые как энтомолог В.Н. Лучник, историк и археолог Г.Н. Прозрителев. Нельзя не упоминать и семью

Г.К. Пправе, которая всячески поддерживала все его начинания. Жена Г.К. Пправе, сын и четыре дочери работали сотрудниками музея на добровольных началах, то есть бесплатно [1, с. 2].

Первоначально музей имел довольно скромные объемы, так что по решению местных властей, для него было отведено всего две комнаты в двухэтажном здании на улице Гимназической (сегодня это улица Морозова) при бесплатной библиотеке. Однако его собрание довольно быстро расширялось, поэтому был принято решение о перенесении музея в 1908 году другое здание при гимназиях [3, с. 40]. В 1911 году Г.К. Пправе отправляется путешествовать по странам Европы. Он побывал в Германии, Чехии. Соответственно бывая в разного профиля музеях странах Европы Георгий Константинович знакомится с особенностями экспозиционной деятельности, приобретает бесценный опыт по комплектованию фондов, проникается идеями, которые к тому времени охвачены все западные музеи, одна из которых состоит в привязанностях к естественной истории. Исходя из того представления, человек, согласно науке начала XX века прежде всего зоологическая единица. Именно на средства выделенные местными властями Г.К. Пправе приобретает в Европе коллекции по многим разделам естественной истории [3, с. 40].

В 1912 году под музей было выделено новое здание на Александровской площади. В этом здании располагались торговые ряды, а музею было отведено крыло на втором этаже. Еще одним событием городского значения стало открытие в 1914 году постоянной экспозиции приборов, макетов, разнообразных таблиц по физике, зоологии, химии, географии [1, с. 2]. Кроме того, экспозицию обогатила коллекция минералов, разнообразный гербарий собранный ботаником А.П. Норманом, представленный тысячами видов растений. Судя, по статистическим данным в год открытия экспозиции музей посетили около 54 тысяч человек. В сравнении даже с современностью это довольно большая цифра. На том момент времени это был настоящий успех, который в свою очередь говорит о большом интересе у населения к музею. Такой интерес был вызван и выгодным расположением здания. Оно располагалось в центральной части базарной площади, где собиралось большое количество населения губернии.

В том же 1914 году фондохранилище музея пополнились довольно ценными образцами старинного огнестрельного и холодного оружия. Вся эта коллекция поступила из военно-исторического музея 83-го Самурского пехотного полка, который ушел из Ставрополя на германский фронт [1, с. 2].

В годы Первой мировой войны Г.К. Пправе пытался бороться с повышением цен, выступал как нотариус с предложением введение «сухого закона», который был поддержан в городской думе и введен осенью 1914 года. В 1916 году Ставропольская Городская дума присоединилась к протоколу Губернского земского собрания о преобразовании Ставропольского городского музея в Земско-городской музей им М.В. Пправе, которая являлась женой Г.К. Пправе [1, с. 2]. По его иници-

ативе музею было присвоено ее имя. Нужно отметить, что по законам того времени присвоение имени музею или просто какой-либо организации являлось частным делом и местными властями официально никак не фиксировалось.

Жизнь в революционное время, для музейщиков тоже было непростым испытанием, учитывая, то факт, что везде по стране к ним стали относиться не очень хорошо. Тем не менее, в 1918 году музею имени М.В. Пправе было выдана охранная грамота командованием Таманской армии [3, с. 42]. Музей в это непростое время работал, хотя посетителей в нем стало заметно меньше. В основном в музей ходили военные люди. Фонды музея так же пополнялись бойцами Красной армии, отдавалось все то, что было изъято у зажиточной прослойки. Именно в это время в 1920 году в музей был открыт художественный отдел. В экспозиции были представлена, разнообразная антикварная мебель, картины и скульптуры известных мастеров, которые были изъяты у купцов и зажиточных граждан. Позже появились и полотна, которые были привезены из Эрмитажа, который по мнению новой власти должен был делиться с местными музеями.

Пополнялись коллекции музея самыми разнообразными путями. Так еще 1890 году, коллекции, собранные в Ставрополе, были направлены в Тифлис, где впоследствии был организован Кавказский музей. Затем был создан еще один музей в Тифлисе, который получил названия «Храм Славы». Позже, а именно в 1914 году коллекции этого музея были эвакуированные в Ставрополь [1, с. 2]. Это решение было принято в связи с открытием турецкого фронта. Про коллекции забыли в связи с революционными событиями, а затем нашли их в особняке Венецианова, который располагался по Николаевскому проспекту. Об этом узнал Г.К. Пправе и отправился туда, то, что он увидел там, потрясло музейщика. Коллекции находились в плохом состоянии, часть была разграблена, предметы хранились в сыром помещении в ящиках. Г.К. Пправе добился того, что вечером того же дня все предметы были переданы в музей, для транспортировки было выделено 2250 рублей [3, с. 43].

С весны 1920 по 1924 год музей стал именоваться Ставропольским губернским центральным народным музеем им. М.В. Пправе [1, с. 2]. В эти годы В.Г. Гниловской, будучи еще подростком, знакомится с Г.К. Пправе. Именно это знакомство и определило то, чем, занимался потом В.Г. Гниловской, который стал выдающимся ученым, краеведом Северного Кавказа.

Несмотря на то, что музей был расширен в годы Гражданской войны, тем не менее, положение его было не из легких. Учреждение снимают с бюджетного финансирования, уменьшают зарплату. Именно в эти тяжелые годы Г.К. Пправе, было нелегко справиться со всем этим, поэтому он пишет свой «Меморандум», который адресует местным властям. В нем Георгий Константинович делает попытку объяснить, что такое музей, какие цели преследует и что хочет донести. Уже в это время идут разговоры о слиянии двух музейщиков – М.В. Пправе и музея Северного Кавказа основанным Г.Н. Прозрителевым.

С 1924 года по 1930 музей стал называться Ставропольским Центральным народным. 25 августа 1925 года умирает Г.К. Пправе. После его смерти директором музея становится талантливый ученый, энтомолог, друг Г.К. Пправе – Виктор Николаевич Лучник.

В 1925 году в городе создается специальная комиссия, которая занимается вопросами объединения двух музеев. Здание, где располагался музей Северного Кавказа, было решено отдать под квартиры. В 1927 экспонаты музея, без согласия с Г.Н. Прозрителевым были

перевезены в здание городского музея. Это решение обосновывалось тем, что в музее Пправе были свободные площади для хранения коллекций. Само по себе объединение музеев, по мнению городских властей не должно было проходить в спешке. Однако, на практике, такого не произошло. Музеи были объединены, а сами коллекции двух этих музеев, хранятся и по ныне в фондах Ставропольского государственного историко-культурного и природно-ландшафтного музея-заповедника им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе.

Список литературы

1. СГМЗ.Ф. – №2. Опись. – №2. – С. 2–3.
2. Хе В.Х. Николай Яковлевич Динник – основоположник идей рационального природопользования, экологии и охраны млекопитающих Кавказа // Современные проблемы науки и образования (Биологические науки) / Ставропольский государственный университет. – 2008. – №6. – С. 18.
3. Ставропольский государственный краеведческий музей им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе: Роман о музее. – Ставрополь, 2005. – С. 40–43.

Сексизм в современном американском обществе

УДК 8
DOI 10.21661/r-114806

Sexism in modern American society

Аннотация

Ибраева Баян Мукушевна – канд. филол. наук, профессор, заведующая кафедрой ЧУ Академия «Болашак», Республика Казахстан, Караганда.

Калижанова Анна Николаевна – преподаватель английского языка ЧУ Академия «Болашак», Республика Казахстан, Караганда.

Авторы статьи утверждают, что современная жизнь все еще полна различных стереотипов. В данной работе рассмотрен один из самых противоречивых вопросов – это проблема дискриминации женщин в современном американском обществе, хотя в это сложно поверить, так как страна претендует на роль главного гаранта прав и свобод человека.

Ключевые слова:

американское общество, стереотипы, сексизм, дискриминация по половому признаку, предвзвешенность, мужской сексизм, женский сексизм.

Keywords:

American society, stereotypes, sexism, gender discrimination, bias, female sexism, male sexism.

Annotation

The authors of the article consider that modern life is still full of various stereotypes. One of the most controversial questions in this article is the issue of discrimination against women in contemporary American society, and it is hard to believe, because this country claims to be a main guarantor of the human rights and freedoms.

Ibraeva Bayan Mukushevna – candidate of philological sciences, professor, head of the Department of Private Institution “Bolashak” Academy, the Republic of Kazakhstan, Karaganda.

Kalizhanova Anna Nikolaevna – English teacher of Private Institution “Bolashak” Academy, the Republic of Kazakhstan, Karaganda.

Sexism, or sexual discrimination, is present in every culture and every country. The term appeared in the U.S. in the 1960s together with the rise of Western feminist movement. Historically, sexism is considered as an issue provoked by patriarchy, where men have advantages over women. For instance, it perpetuates misconceptions about women’s poor driving skills and limits their social roles to those of a housewife and a mother. Conversely, the stereotype of men as breadwinners is widely spread in the contemporary society despite a significant proportion of female employees. However, it does not matter how many women have succeeded in business or science if men keep considering women as weak, helpless, and unable to maintain good performance at the same level with men in all spheres of life. American society is still full of biases and prejudices against both genders that should be resolved as soon as possible. Otherwise, the U.S. can discredit its image of a guarantor of justice and freedom for all regardless of gender, race, age, or ethnicity.

There are several reasons why gender discrimination entered human lives. Firstly, religion is still one of the several key factors oppressing the interests of women. America is one of the most religious nations with the prevailed number of male ministers who teach girls to be faithful wives and recognize husbands as family heads. Also, the traditional prejudices are rooted in the long history of gender discrimination. In fact, the role of women was confined to their fertility and housework before the World War Second. Furthermore, Western educational institutes did not admit women until the middle of the

twentieth century. In particular, the participants of the Solvay Conference in Brussels were mainly men except for Marie Curie.

From childhood, boys are restricted to offend girls and forbidden to cry, whereas girls are instructed how to clean, cook and sew. However, the most significant reason for sexism in the U.S. is a warped understanding of the problem of diversity [2, p. 405]. Alternatively, more accurately, equal opportunities for all employees cannot solve the problem of gender inequality at work. For instance, even if a woman is a leader in a company, the corporate culture does not provide the professional growth for her. Moreover, women do not believe in their initiatives that could help work their way [2, p. 405]. Furthermore, female employees have learned to get satisfaction from their work and even turn sexism at work into the weapon against men [2, p. 405].

Many people fail to notice that sexism is a two-edged sword and that gender discrimination against men is rampant too. In his book *The Second Sexism: Discrimination against Men and Boys*, Benatar states that more men drop out of educational institutes compared to women. The author declares that fewer men earn the recognition of achievement, diplomas of higher education, and scholar degrees. At the same time, according to Benatar, the male mortality rate is higher than the female one. The writer summarizes that the discrimination against men is a poorly understood issue due to the modern society’s fear to speak about it [1, p. 2]. Furthermore, according to Warren Farrell, an American fighter for the rights of men, «the glass cellar» is the phenomenon of the second sexism existence [3].

Farrell does not deny the possibility of «the glass cellar» in the first sexism. However, he names 24 out of 25 of the least prestigious professions, such as sanitation worker, a sewage worker, a welder, and a roofer, that involve male persons but not otherwise.

Another argument for anti-male sexism is a number of working hours. Statistically, male employees spend at work 39 hours a week against 34 hours of female participation in business [3]. Moreover, boys' reading skills are poorer than girls' ones in all developed countries, according to the statistical data of 2009 [3]. Furthermore, men suffer from heart diseases ten times more than women. At the same time, a likelihood of suicide among men is about three times higher than among their female peers. Last but not least, men often become the objects for mocking in various advertisements. For example, the clip about cleaning ovens uses a slogan «So easy that even a man manages to do it!» [3].

Benatar admits the difficulty to reveal the degree of male discrimination. However, more tolerant attitude to any violence toward men is evident. In fact, men more often become victims of murder or robbery entailing physical injuries. However, criminal cases with male victims are never highlighted in the mass media as broadly as when the victim is a woman. In 1997, 2, 460 boys and 1, 672 girls died being hit by a car while crossing the road. The ratio if higher male youngsters were explained as a tendency of men to take risks and trust to luck. However, feminists were not satisfied by such explanation and immediately initiated the debates about gender stereotypes in mass media.

Not only mass media but all social, educational and political institutes publicly indulge biases against male and female sexism. As for gender discrimination in science, it starts when children go to separate schools. Scientists think that segregated education legalizes sexism at the constitutional level. Statistically, men are recognized as more respected and credible scholars,

whereas women's researches and studies are often called superficial. Moreover, articles authored by men are cited more frequently compared to women's ones [4, p. 603]. A majority of scientific journals and science-oriented TV programs prefer to deal with male scholars and ignore female ones. As for business, any female CEO is often recognized as a person who worked her way, having received adequate support from a wealthy male benefactor. Speaking about politics, the ratio of men to women in supreme courts and other legal bodies speaks for itself.

At the same time, women have more opportunities to defend their rights and point out the fact of sexual discrimination, whereas men should rely only on their knowledge and experience. Also, a female career path can be boosted after the complaints about gender discrimination at work, and, consequently, men will be the first candidates to be fired. Furthermore, in modern politics, women have more chances to gain popularity thanks to belonging to a minority. For instance, Hillary Clinton has one distinct advantage over Donald Trump: the U.S. has never had a female president, and it provides an additional merit to Clinton's presidential campaign. No matter, if Clinton wins, she has already won millions of hearts as the first American female candidate for the U.S. presidency.

Unfortunately, modern life is penetrated with various prejudices and stereotypes. Promoting the principles of liberalization and democratic freedoms, the U.S. is struggling with asymmetry and inequality of personal social issues. I believe that awareness of intercultural and interpersonal communication will deal with intolerance and non-acceptance of outsiders and unique people. I think that the contemporary society should get rid of any biases and prejudices against both women and men due to the global tendencies of different forms of equality. It is entirely unacceptable to believe in stereotypes, especially if they can be used as a weapon against any opponents in all spheres of life.

References

1. Benatar, David. *The Second Sexism: Discrimination against Men and Boys*. – Wiley-Blackwell, 2012. – 600 p.
2. Cohen A.R. *The Portable MBA in Management*. – J. Wiley, 1993.
3. Day, Elizabeth. *Lagging at School, the Butt of Cruel Jokes: Are Males the New Second Sex? The Guardian* [Electronic resource]. – Access mode: www.theguardian.com/society/2012/may/13/men-victims-new-oppression (date of access: 13.10.2016).
4. Knobloch-Westerwick, Silvia et al. *The Matilda Effect in Science Communication: An Experiment on Gender Bias in Publication Quality Perceptions and Collaboration Interest*. *Science Communication*. – Vol. 35. – №5. – 2013. – P. 603–625. Sage, doi: 10.1177/1075547012472684.

Общественное сознание работников во Вьетнаме

УДК 31
DOI 10.21661/r-115576

Public consciousness of Vietnam workers

Аннотация

Нгуен Тху Ха – преподаватель Института профсоюзного движения Всеобщей конфедерации Вьетнама, Социалистическая Республика Вьетнам, Ханой; аспирант ФГАОУ ВО «Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России», Россия, Москва.

Одним из важнейших показателей при изучении условий жизни работников является их общественное сознание. Какова степень общественного сознания работников и как повысить их сознание в целях участия в строительстве более обеспеченной жизни для работников во Вьетнаме – этому посвящена данная статья.

Ключевые слова:
общественное сознание, работники, трудящиеся, Вьетнам.

Keywords:
social consciousness, workers, labors, Vietnam.

Annotation

One of the most important indicators in the study of the living conditions of workers in Vietnam is their social consciousness. What is the degree of social consciousness of workers and how to raise their consciousness in order to take part in building a more secure life for workers in Vietnam - the subject of this article.

Nguyen Thu Ha – lecturer at the Institute of Trade Union Movement of Universal Vietnam Confederation, the Socialist Republic of Vietnam, Hanoi; postgraduate FSAEI of HE “Moscow State Institute of International Relations (university) of MFA of Russia”, Russia, Moscow.

Общественное сознание работников представляет собой отражение условий и устава жизни работников, предпосылки формирования нравственных норм и манеры поведения и общения. Общественное сознание работников подвергается влиянию социальных отношений, степени грамотности и профессионализма, образа мышления и работоспособности, степени удовлетворения материальных и духовных потребностей работников и т. д. Изучение общественного сознания работников во Вьетнаме способствует выяснению настоящего положения их жизни в условиях модернизации экономики.

1. Нынешнее состояние общественного сознания работников во Вьетнаме

Общественное сознание трудящихся представляет собой результат осознанной деятельности в разных аспектах: осознание работников своих жизненных целей; осознание устава, идеи жизни; осознание своего социального положения в обществе; осознание роли Коммунистической партии Вьетнама, роли профсоюзов и их ответственность перед обществом и трудящимися; осознание работников о влиянии мировой интеграции на социальную экономику Вьетнама, о влиянии экономики рыночной ориентации и процесса индустриализации и модернизации; осознание об осуществлении социальной политики, законов, особенно закона о труде; а также осознание национальных традиций и обычаев и т. д.

После окончания VI съезда Коммунистической партии Вьетнама, проведенного в декабре 1986 года, экономика перешла с административно-командной на рыночную экономику социальной ориентации. Такой переход экономики создаёт сильный скачок в социально-эконо-

мическом развитии, тем самым создаёт благоприятные условия для принятия мировых культурных ценностей, в том числе западной идеологии и культуры, включая и прагматизм, тотемизм, склонность к деньгам и т. д. Эти воздействия оказывают так положительные, как и отрицательные влияния на моральную жизнь и сознание части работников. Одним словом, развитие рыночной экономики приносит вьетнамской экономике процветание, но также приводит к сильной социальной дифференциации; к большой разнице профессий; к возникновению социальных конфликтов. Под влиянием отрицательных сторон рыночной экономики усиливается процесс дегуманизации и ухудшается образ жизни. Рыночная экономика порождает и развивает тенденцию абсолютизации материальной жизни, абсолютизации материальных средств. Такая точка зрения на жизнь определяет образ жизни немалых людей, в том числе работников.

Большинство работников осознают, что самое важное – их собственная жизнь и успехи, счастье их детей (с этим мнением согласны 77,8%) [1]. Жизненные цели работников в основном просты; подавляющая часть трудящихся не считает важнейшей задачей большой заработок, приобретение огромного имущества или достижение высокой должности; для многих из них важно здоровое развитие их детей и уют, мир в семье. В ходе проведенного опроса о состоянии жизни трудящимися были предложены 5 факторов, определяющих их образ мышления в условиях индустриализации экономики: прогресс человечества, мир и независимость государства, здоровый образ жизни, общественная деятельность и достижение вершин знания; то подавляющая часть работников выбирает главную цель их жизни прогресс че-

ловечества и обеспечение суверенитета страны (57,7%); считают важным также участие в политико-социальной деятельности общества и непрерывное повышение своей квалификации (72,2%); осознают также, что им необходимо укрепить здоровье и физические способности ради качественной жизни [1].

Говоря о нравственных нормах и манере поведения, 57,3% работников считают необходимым быть вежливым (вьет. поговорка «уважать старших, уступать младшим»), снисходительным к окружающим и заботливым к своим родителям. Многие из них считают, что у каждого должна быть любовь к Родине, умение жертвовать ради других, готовность оказывать помощь другим и желание трудиться (69,7%), одна из важных ценностей жизни для них – жить экономно, не «размахивая рукой» (56,8%) [1].

Хорошо осознавая ценности жизни, 60% работников считают важным в жизни соблюдение законов государства; увлечение работой, стремление к творчеству, порядочно и научно жить, работать (57,6%); говорят также о солидарности, о желании постоянно повысить квалификацию, профессионализм, о необходимости избегать провокации с разных сторон (59,1%) [1].

1. Усиливающая индустриализация, модернизация и мировая интеграция приводит к кардинальному, всестороннему изменению производительской и экономико-управленческой, социальной деятельности; к переходу ручного труда к машинному с прогрессивными технологиями и способами производства, основанными на научно-техническом прогрессе, тем самым повысить трудовую производительность. Индустриализация и модернизация также сильно оказывают воздействие на сознание, манеры поведения, жизненную деятельность, трудовую деятельность, таким образом влияют на образ жизни работников. Многие работники отлично осознают, что индустриализация представляет собой стратегическую задачу переходного периода; что между индустриализацией, модернизацией и рыночной экономикой существуют тесная взаимосвязь (59,1% работников считают, что индустриализация, модернизация – это и есть процесс изменения способа труда с ручного на машинный). Многие из них выражают свою гордость, будучи трудящимся, работающим ради рабочего класса, идущего первым в деле индустриализации, модернизации, являющегося главной рабочей силой в производстве. Однако свою историческую миссию, руководящую роль и важность своего класса в экономике страны и в объединяющем блоке трудящиеся – крестьяне – интеллигенты осознают лишь 11,8% работников [1].

Индустриализация, модернизация и развитие рыночной экономики также предлагают ряд требований к техническим рабочим и быстрому применению научно-технических достижений в производстве, чтобы повысить производительность труда, увеличить количество производимых продуктов, соответственно сократить время на производство и увеличить заработную плату, повысить качество жизни работников. При увеличении заработной платы свободное время работников становится больше, у них появятся новые материальные и духовные потребности. Если раньше потребности состоят только в том, чтобы отвечать самым элементарным требованиям: еда,

питание, отдых; то теперь, когда у них средств больше, появятся также духовные потребности, потребности развиваться. Применяя научно-технические достижения в производстве, производительность и количество продукции увеличиваются – это основа развития и совершенствования системы социальных благ для жителей, в том числе трудящихся. Это непосредственные предпосылки для предоставления трудящимся социальных благ, созданных ими; это необходимые условия, с помощью которых культурная, духовная жизнь и мышление работников становится богаче.

Под влиянием индустриализации и модернизации экономика Вьетнама заметно развивается. Улучшается жизнь рабочих, трудящихся и рабочая среда; повышается квалификация и профессионализм трудящихся, системе по обеспечению социальных благ уделяется больше внимания. Это положительные воздействия индустриализации и модернизации. Однако индустриализация и модернизация также создают огромные препятствия для государственной экономики: угроза безработицы, непостоянная система работ, большая нагрузка для трудящихся; идеологии и культурная жизнь других стран могут оказать отрицательные влияния на привычки, обычаи и образ жизни рабочих.

2. Тенденция глобализации, мировой интеграции создают благоприятные условия для взаимобмена экономик, что приводит к взаимному проникновению и отсюда могут обмениваться мнениями об образе жизни, о культуре и хороших традициях другого народа. Благодаря этому вьетнамские трудящиеся имеют шанс приблизиться к прогрессивным культурным ценностям мира, чтобы дополнить и разнообразить свой существовавший образ жизни. Глобализация создаёт вьетнамским рабочим шанс и условия ознакомиться с мировыми прогрессивными научно-техническими достижениями; обмениваться опытом и получить опыт по организационной, управленческой деятельности в бизнесе у экономико развитых стран; тем самым укрепляется сотрудничество вьетнамского рабочего класса с мировым. 53,7% [1] работников осознают, что мировая интеграция означает «исчерпание границ» [3, с. 16] между стран, соответственно сближает страны мира.

Наряду с положительными воздействиями, глобализация также приводит к разделению на богатых и бедных, к разделению на классы в самом рабочем классе. В то же время глобализация также способствует принятию и обмену культур, среди которых имеются и нездоровые культуры, буржуазные идеи, прагматичный образ жизни, что ухудшает и разрушает национальные культурные ценности, ослабляет социалистическую идеологию и исчерпывает цели и идеи рабочего класса. В качестве инвесторов многие провоцируют и создают среди рабочего класса группу оппортунистов. Новые организации, профсоюзы появляются, их владельцам и начальникам оплачивают огромную заработную плату, таким образом они всеми усилиями работают для реакционной организации, выступая против интересов рабочего класса. Глобализация и интеграция также являются поводом, по которому эти люди с помощью денег

пользуются молодыми трудящимися, чтобы изменить образ жизни и мышления этой группы рабочего класса [2, с. 19].

Самый важный фактор, непосредственно влияет на сознание работников – это их уровень грамотности и профессионализма. Однако на практике количество необученных трудящихся составляет 8,8%; обученных на предприятиях – 48,0% работников, имеющих среднее профессиональное образование – 17,9%; трудящихся, окончивших колледжи – 6,6%; работников, имеющих высшее образование – 17,4% [1].

Отношение к политике – одно из последствий осознания социальной политики. Большинство работников понимают, что рабочий класс является центральным звеном в блоке национального единства; что Коммунистическая партия играет руководящую роль в борьбе за освобождение народа, в защите страны и руководстве страной на пути к социализму. Количество работников, которые высоко оценивают деятельность и политическая способность профсоюзных сотрудников (70,8%). Однако, остаётся не мало работников, равнодушных к политическому положению и государственным вопросам (23,1%), у некоторых ограниченное знание о политике, о деятельности партии, о рабочем классе и профсоюзной организации; большинство из них не имеет достаточное знание о законах и государственной политике, слабое практическое знание и осознание ответственности. Количество трудящихся, ежегодно вступающих в Партию остаётся низким (8% в общем количестве новых вступающих в Партию) [1]. Это показатель доказывает, что многие трудящиеся не заинтересованы в стремлении вступить в Партию и что деятельность по повышению знания работников о Партии ограничена [2, с. 29].

3. Средства массовой информации активно способствуют принятию информации, повышению всестороннего сознания. В настоящее время, вьетнамцы активно пользуются мобильными телефонами и телефонными услугами. Почти у каждого, кем бы это не был: начальником, чиновником, работником; имеется мобильный телефон (95% трудящихся имеют мобильный телефон, в том числе 50% смартфонов, с помощью которых могут слушать музыку, получить доступ к Интернету). Благодаря мобильным телефонам трудящиеся могут не только быстро получать информацию о политике, культуре, обществе в стране и в мире, на месте проживания и работы, но и могут обмениваться информацией, опытом с коллегами, друзьями, родственниками. Однако, несмотря на удобства, телефоны также приносят и необъективную информацию о движущемся окружающем мире.

II. Пути повышения сознания в целях формирования здорового образа жизни работников во Вьетнаме

Чтобы повысить общественное сознание, формировать и развивать образ жизни вьетнамских работников в соответствии с условиями развития рыночной экономики с целью продвижения процесса индустриализации, модернизации и мировой интеграции, нужно:

Во-первых, развивать культуру, образование, науку и технику; обеспечивать и укреплять права человека, гражданские права; постоянно повышать качество промышленных рабочих; улучшать материальную и духов-

ную жизнь работников на основе развития и расширения производства, обновления политической системы, составления и совершенствования социальной политики; формировать и совершенствовать системы традиционных и гуманистических ценностей в условиях индустриализации, модернизации и мировой интеграции; пропагандировать среди трудящихся кампанию строительства имиджа вьетнамского человека в период индустриализации по следующим критериям: гражданские ответственности, желание и стремление обучаться, получить знание; воспитывать у себя хорошее отношение к работе, работоспособность и самообладание; культурно, гуманно жить и жить с целью.

Необходимо усвоить инокультурные элементы с отбором, чётко понимать истинные ценности национальной традиции и народа. Народные обычаи (включая праздничные мероприятия, традиционные наряды, свадебные и траурные мероприятия...) и многие народные игры, носящие фольклорные особенности каждой местности, района..., которые так или иначе оказывают влияния на людей, проживающих в них. Такие обычаи, как праздничные и свадебные мероприятия, точки зрения на брак и семью и т. д. Но степень сознания и влияния на людей зависит от их уровня образования. Поэтому, необходимо пропагандировать и восстановить хорошие, добрые народные обычаи, в то же время устранять отсталые, негативно влияющие на общественное сознание работников.

Во-вторых, необходимо строить и серьезно соблюдать систему государственных политик, законов в целях обеспечения законных прав и интересов работников. Продвигать на первый план осознание ответственности, самостоятельности работодателей и трудящихся при осуществлении политики и соблюдении законов государства.

Обнародованные политики за последние 30 лет после перестройки (с 1986 года) создают благоприятные условия для получения профессионального образования и повышения квалификации, профессионализма, правосознания а также общественного сознания в целом. Это произошло благодаря улучшению жизненных условий, поэтому трудящиеся получают доступ к информации, качественно и количественно увеличиваются многие деятельности властных органов, социально-политических организаций, общественных организаций... Особенно, проживая в городских условиях и получая от этого удобства, часть молодых трудящихся понимают, что им нужно изменять образ жизни и мышления. В основном система политики по отношению к трудящимся создаёт прочную правовую основу, чтобы защитить основные права трудящихся. Несмотря на положительные стороны, система также имеет некоторые ограничения, при наличии которых права трудящиеся нарушены. Эти ограничения записаны в правовых документах Национального собрания, Правительства, министерств и властных органов разных уровней. Некоторые политики носит формальный характер, не соответствующие практике и, особенно, для них неопределены объекты, на которые они ориентированы и никто за них не отвечает. Например: проблема с проживанием работников в про-

мышленных зонах; деятельности пропаганды и распространения трудовых законов; вопросы профессионального обучения, повышения квалификации трудящихся; политика и социальном страховании. Это ограничения, нуждающихся в мерах их устранения.

Во-третьих, нужно повышать качество руководства разных органов Партии и качество деятельности профсоюзных организаций, комсомольской организации имени Хо Ши Мина в пропаганде и распространении политики среди трудящихся. Властные органы разных уровней и социально-политические организации должны заинтересованы в обучении, подготовке и повышении знания о политике, осознания роли своего класса и национальной гордости, солидарности рабочего класса. Необходимо также повышать эффективность профсоюзных движений в выполнении представительной роли, роли защитника законных прав и интересов для работников. Нужно укреплять роль и авторитет профсоюзной организации среди трудящихся. Местные профсоюзы должны стать надёжной опорой, куда трудящиеся могут обращаться со своими требованиями и желаниями.

Работодатели должны готовить для себя оптимальные, подходящие меры в распоряжении рабочим временем, развлекательными и оздоровительными мероприятиями для работников; они также обязуются инвестировать и удовлетворять требования трудящихся в осуществлении культурно-художественных, спортивных мероприятиях, освободить работников от работы, чтобы они могли участвовать в таких мероприятиях. Поощрять и создать условия для тех работников, желающих самостоятельно повысить свою квалификацию; уделять финансовые средства и достаточное время для организации обучения и переподготовки работников.

Правительство должно руководствовать властными органами разных уровней в повышении качества медицинских услуг, системы социальных благосостояний; укреплять физические возможности для трудящихся, обеспечивать их здоровье, чтобы повысить производительность труда и зарплату трудящимся; активно участвовать в улучшении их материальной и духовной жизни.

В-четвертых, нужно вести активную борьбу против моральной деградации, ухудшения идеологической системы и образа жизни; развивать хорошие культурные ценности, интеллектуальные способности и нравы среди работников. Сохранять и укреплять народные традиции вьетнамского народа, тем самым создавать прочный и надёжный фундамент для сохранения и развития культур-

ных ценностей в обществе. Обеспечивать эффективное и правильное использование средств массовой информации в целях повысить сознание работников. Газеты, журналы, радио- и телепередачи являются полезными средствами, помогающим трудящимся в получении нужного знания, благодаря которому формируется их мировоззрение, научное восприятие и активность. Эти средства массовой информации также способствуют формированию массового политического сознания. С помощью многочисленных источников информации (газеты, журналы, радио, телевидение, интернет...) трудящиеся могут получить многостороннюю информацию, отражающую политическую, социальную жизнь страны. Эти средства помогают трудящимся всесторонне повысить свое знание. Поэтому, трудящимся нужно постоянно читать газеты, журналы, слушать и смотреть новости по радио или телевизору; в промышленных зонах, в жилых помещениях трудящихся должны обеспечены условия для развития духовной жизни своих жителей.

В-пятых, нужно воспитать способности оценивать, воспринимать культурные ценности народов мира, чтобы предотвратить отрицательные воздействия чужой культуры и их влияния на культурную и духовную жизнь трудящихся.

Наряду с бурным развитием средств массовой информации, некоторые трудящиеся могут колебаться, сомневаться в достоверности и правдивости полученной информации; а также из-за избыточности информации, трудящиеся могут попадать в ловушки оппортунистов и реакционных организаций. Поэтому нужно четко определить подлинные культурные ценности и ориентировать часть молодых трудящихся на их осознание, когда они живут, забывая свои обязанности перед работой, своей жизнью и обществом.

Средства массовой информации создают благоприятные условия для трудящихся в расширении своего кругозора, в развитии интеллектуальных способностей, в повышении квалификации и профессионализма. Но следует заметить, что за этим процессом кроются и угрозы для трудящихся. Поэтому вся информация, полученная через все средства массовой информации, всегда одновременно имеет и позитивные и негативные последствия, а выбор остаётся за их получателем. Оттуда и важность сознания трудящихся. В этом необходима заинтересованность всей политической системы, всего общества, в том числе и ответственность и обязанность рабочих.

Список литературы

1. Институт рабочих и профсоюзов. Результаты опроса о жизни трудящихся, проведенного в августе 2015 года. Институт рабочих и профсоюзов Всеобщей конфедерации Вьетнама. Сох. в институте.
2. Ле Т.Х. Подготовка и обучение новых членов Партии в предприятиях. – Ханой: Труд, 2014. – 78 с.
3. Институт рабочих и профсоюзов. Профсоюзные движения и движения трудящихся во Вьетнаме (2010–2015). – Ханой: Труд, 2016. – 195 с.
4. Данг Н.Т. Строительство и развитие вьетнамского рабочего класса периода 2011–2020. – Ханой: Труд, 2010. – 80 с.
5. Нгуен В.Н. Формирование и становление классовой культуры вьетнамского рабочего класса. Несколько теоретических и практических вопросов. – Ханой: Общественные науки, 2014. – 159 с.

Лексикографические словари по экономике в немецком, русском и татарском языках

УДК 1751

DOI 10.21661/r-115487

Linguistic dictionaries of economics in the German, Russian and Tatar languages

Аннотация

Зарипова Альфия Наилевна – канд. филол. наук, доцент кафедры теории и практики перевода Института управления, экономики и финансов ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», Россия, Казань.
Садыкова Диляра Марсовна – ассистент кафедры теории и практики перевода ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», Россия, Казань.

Как известно, степень исследовательности того или иного профессионального языка характеризуется наличием специализированных одноязычных и многоязычных словарей. В данной статье речь идет о существующих словарях, имеющих зафиксированную экономическую лексику немецкого, русского и татарского языков. Русские и немецкие языки относятся к языкам, в которых экономическая лексика хорошо систематизирована и представлена большим количеством справочных, энциклопедических и многоязычных по данному направлению словарей. В татарском языке ситуация с экономическими словарями выглядит иначе. Словари по данной тематике издавались периодически, в последнее время язык экономики современного татарского языка фиксируется электронными словарями.

Ключевые слова:
терминологическая система, лексикография, экономика, электронный словарь.

Keywords:
terminological system, lexicography, economics, electronic dictionary.

Annotation

As is known, the degree of one or another professional language research is characterized by the specialized monolingual and multilingual dictionaries. This article describes the existing dictionaries with recorded German, Russian and Tatar economic vocabulary. The Russian and German languages belong to the languages that have well systematized economic vocabulary and it is presented by the large number of the linguistic, encyclopedic and multilingual dictionaries regarding this field. The situation with the dictionaries of economics in the Tatar language looks different. Dictionaries on this subject have been published periodically and economic vocabulary of the modern Tatar language is recorded by the electronic dictionaries in recent times.

Zaripova Alfiya Nailevna – candidate of philological sciences, associate professor of the Department of Translation Studies of Institute of Management, Economics and Finance FSAEI of HE “Kazan (Privolzhskiy) Federal University”, Russia, Kazan.
Sadykova Dilyara Marsovna – teaching assistant of the Department of Translation Studies FSAEI of HE “Kazan (Privolzhskiy) Federal University”, Russia, Kazan.

Формирование терминологической системы характеризуется и практической направленностью, каковой является создание словарей специальной лексики.

Экономическая терминология немецкого и русского языков в этом смысле относится к хорошо исследованной. В русском и немецком языках существует большое количество одноязычных специализированных толковых словарей, в том числе электронных, ориентированных в первую очередь на носителей языка.

Среди справочной литературы по экономике немецкого языка следует выделить шеститомный терминологический экономический словарь Т. Габлера, содержащий подробную справочную информацию по 18 тысячам терминов из областей: экономики предприятия, народного хозяйства, экономики права и налогообложения и т. д. Этот словарь вышел в свет впервые в 1956 году и пережил свое 18-е издание и в настоящее время имеет онлайн-версию.

Наряду с одноязычными словарями по экономике в немецком и русском языках имеются многочисленные двуязычные словари. В паре «немецкий и русский языки» выделяется, прежде всего, экономический словарь 1996 года издания под редакцией Г. Мёхеля, содержащий 66000 терминов. Этот словарь отличается тем, что он дает пометы о сфере употребления того или иного термина, содержит термины основных экономических теорий: политэкономии и экономики рыночных отношений. Кроме того, словарь охватывает теоретическую и практическую экономику, разнообразные области финансов: бюджет, налоги, кредитное дело, рекламу, страхование, рынок ценных бумаг, организацию и экономику производства, экономические и валютные отношения. На настоящий момент репутацией более точного и полного словаря пользуется первое оригинальное издание издательства «Betriebswirtschaftlicher Verlag Dr. Th. Gabler GmbH» «Новый русско-немецкий экономический словарь» 1998 года издания, содержащий

щий 30000 терминов, и «Новый немецко-русский экономический словарь» 2000 года выпуска с 35000 терминами. Достоинством этих словарей является то, что они содержат наиболее употребительные и актуальные термины с богатой глагольной сочетаемостью по таким разделам экономики, как банковско-биржевое дело, экономика предприятия, народное хозяйство, статистика, социология. Хотелось бы также отметить особо удобный, на наш взгляд, принцип «гнездового» построения словарей немецкого языка, типичный не только для экономических справочников. Предлагаемый словарь содержит около 50 000 терминов и в настоящий момент является самым полным из имеющихся немецко-русских словарей по экономической тематике. В 2007 году издательство Abbyu Press выпустило «Большой немецко-русский словарь», который включает термины и терминологические сочетания, охватывающие теоретическую и прикладную экономику, разные области финансов (бюджет, налоги, кредитное дело, ценные бумаги, страхование), международные экономические и валютные отношения, практику делового общения, организацию производства.

Составителями даны несколько вариантов перевода, а также пояснения и указания на сферу применения термина. Кроме того, в объем словаря включены английские термины и сокращения, наиболее широко употребляемые в современной немецкой экономической литературе.

В 2009 году появляется «Новый немецко-русский и русско-немецкий экономический словарь» Г. Мейендорф и Ю.Э. Дроздовой, содержащий свыше 100000 терминов, сочетаний, эквивалентов и значений.

Из электронных словарей, содержащих экономические термины, следует назвать словарь «Polyglossum», выпущенный при поддержке Российского государственного фонда содействия и развития малых форм предприятий в научно-технической сфере впервые в 1996 году. В настоящее время он представляет собой второе, существенно переработанное и обновленное издание Большого Немецко-русского и Русско-немецкого словаря по экономике и финансам. Объем обновленного издания немецко-русского и русско-немецкого экономического словаря составляет около 298900 поисковых терминов по двум языкам.

Работа в лексикографическом направлении в области экономики татарского языка была начата в довоенный период. Термины одной из экономических теорий экономики были впервые зафиксированы в словаре 1941 года издания «Политико-экономические термины (русско-татарские, татарско-русские)» под редакцией Ф. Махиянова. Известный исследователь татарской терминологии Ф.С. Фасеев писал о необходимости создания других терминологических словарей татарского языка, подобных этому [8, с. 24]. Лексикографическое направление по упорядочению и фиксации терминов экономики было продолжено в послевоенный период. В 1972 году издается очередной словарь по экономике на татарском языке «Кыска экономик сузлек – Экономик белем нигезлэре. Партия укулары өчен». В этот

период выходят в свет учебники по политэкономии на татарском языке.

Изменения в политической системе, смена экономической формации вызвали необходимость создания новых терминологических словарей для написания научной, публицистической и учебной экономической литературы. Большим шагом вперед, на наш взгляд, является появление в свет терминологических словарей экономики на татарском языке. В 1996 году выходит в свет в издательстве Казанского финансово-экономического института толковый словарь «Финансово-экономические и юридические термины» на русском и татарском языках, содержащий более 500 финансово-экономических и юридических терминов, значительную часть которых составляют термины, вошедшие в обиход в 90-е годы. В 1999 году издается «Русско-татарский словарь экономических терминов» под редакцией Р.Р. Газизовой. В нем зафиксировано 14500 понятий с написанием терминов татарского языка на основе латинской графики. Словарь охватывает общеэкономические, бюджетные, финансовые, валютные, налоговые вопросы, бухгалтерский учет, аудит, маркетинг и т. п. Несомненно радует количественный состав экономического словаря, однако он нуждается в совершенствовании. Это касается, во-первых, выборки слов. Такие слова, как «жизнь», «визит», «братство», «век», «скальп», «вещество», «гений», «генная инженерия», или выделение прилагательных «большой», «весенний», «вежливый» в качестве самостоятельно функционирующих единиц в экономической терминологии, на наш взгляд, является не вполне уместным. В словаре дано относительно большое количество историзмов, например, «трудодни», «оплата за трудодни», «кулацкое хозяйство», «крепостное право», «нейтрализация середняка», «народный комиссариат», «доска почета», «классовая борьба», «основной принцип коммунизма», «империалист» и т. д. Учитывая тот факт, что данный словарь не первый в истории татарской лексикографии, думается, что их можно было бы и не включать в современный словарь. Принцип построения словаря, на наш взгляд, не совсем продуман и удобен. Одни терминологические словосочетания даны в алфавитном порядке по первому слову в словосочетании (независимо от того, определяющее это слово или зависимое), другие построены в алфавитном порядке по определяемому слову. Такой разнотипностью несколько усложняет поиск необходимых слов.

Не умаляя достоинств этого словаря, в толковании значений некоторых терминов, хотелось бы отметить, что в сравнении с соответствующими словарями немецкого и русского языков имеется большое поле для совершенствования как структуры словаря, так и выборки слов.

Говоря о лексикографической фиксации терминов экономики в немецком, русском и татарском языках необходимо выделить бесплатный онлайн переводчик Abbyu Lingvo-Online, который предлагает профессиональный перевод любому слову и выражению с немецкого языка на русский и татарский.

Список литературы

1. Большой немецко-русский экономический словарь. Das grosse deutsch-russische wirtschafts-Wörterbuch. – М.: Аби Прес, 2007. – 928 с.
2. Газизова Ф.М. Русско-татарский словарь экономических терминов. – Казань: Раннур, 1999. – 448 с.
3. Гарифуллин С.Ф. краткий русско-татарский словарь для бизнесменов и предпринимателей. – Казань: Тат. кн. изд., 1999. – 88 с.
4. Мейендорф Г. Немецко-русский и русско-немецкий экономический словарь. Компактное издание / Г. Мейендорф, Ю.Э. Дорохова. – М.: Живой язык, 2009. – 512 с.
5. Мёхель Г. Большой русско-немецкий экономический словарь. – Минск: Тесло, 1996. – 576 с.
6. Салищев В.А. Диск Х. Новый немецко-русский экономический словарь. – М.: РУССО, 2000. – 608 с.
7. Салищев В.А. Новый русско-немецкий экономический словарь. – М.: РУССО, 1997. – 544 с.
8. Фасеев Ф.С. Способы образования терминов в татарском языке: Автореф. дис. ...канд. фил. наук. – М., 1960. – 40 с.
9. Финансово-экономические и юридические термины. Толковый словарь на русском и татарском языках / Под рук. К.М. Гарифуллина. – Казань: КФЭИ, 1996. – 224 с.
10. Gabler Wirtschaftslexikon. – Taschenbuch-Kassette mit 6 Bd. – Wiesbaden: Dr. Th. Gabler GmbH, 2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://wirtschaftslexikon.gabler.de/>
11. Donner R. Новый немецко-русский и русско-немецкий экономический словарь Polyglossum OS: Windows Xp/Vista/Win7/Win8/Win10 или MAC OS X; Android / R. Donner, И. Фаградянц, Р. Шахиджян, В. Цекман.

О возможности лексикографирования глагольных модификаций

УДК 8113

DOI 10.21661/r-115944

The possibility of lexicographical descriptions of adverbial modifications

Аннотация

Меркурьева Наталия Михайловна – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка и культуры речи ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова», Россия, Москва.

Ключевые слова:
синтез русского глагола, словообразовательный синтез, глаголы звучания, кодификация, глагольный модификатор, глагольная модификация, дериват.

Статья посвящена анализу лексикографирования сложных единиц синтеза русского глагола. Рассмотрены варианты представления глагольных модификаторов и модификаций в рамках экспериментального толково-словообразовательного словаря, разработанного доцентом Научно-технологического университета штата Миссури И.В. Ивлиевой. Очерчен круг проблем, возникающих при попытках комплексного описания всех смысловых приращений синтезированных глаголов звучания. Подтверждены и аргументированы как несомненно положительные результаты исследования автора – реальная возможность кодифицировать единицы глагольного синтеза по разработанным моделям словарных статей, так и спорные моменты – по заданному значению возможно синтезировать далеко не все глаголы звуковой семантики.

Keywords:
Russian verbs' synthesis, word formation synthesis, verbs of sound, codification, verbal modifier, verbal modification, derivative.

Annotation

The article is devoted to the analysis of lexicography establishment of complex synthesis units of Russian verb. The variants of the submission of verbal modifiers and modifications within the experimental explanatory and word-formation dictionary developed by Associate Professor of I.V. Ivlievoy Science and Technology University of Missouri have been discussed. We sketched the range of problems which appear while trying to describe all complex semantic increments of synthesized sound verbs. Both undoubtedly positive results of the author's research – a real opportunity to codify the units of verbal synthesis according to developed models of entries and contentious issues, according to specified meaning it is not possible to synthesize all the verbs of sound semantic, are confirmed and reasoned.

Merkuryeva Natalia Mikhaylovna – candidate of philological sciences, associate professor of the Department of Russian Language and Culture of Speech FSBEI of HE "G.V. Plekhanov Russian University of Economics", Russia, Moscow.

Монография «Русские глагольные модификации (опыт составления словаря)» И.В. Ивлиевой относится к популярному в современной лингвистике направлению – исследованию значений производных глаголов. Из названия следует, что автор предполагает не только рассмотреть синтезированные глагольные дериваты, но и предпринять попытку их лексикографирования. Предполагаем, что эта тема может заинтересовать большую читательскую аудиторию: специалистов-лексикографов, лексикологов, преподавателей языка как неродного и иностранных студентов, только начинающих знакомиться с русским языком.

Исследование семантических модификационных возможностей русских глаголов И.В. Ивлиева строит на базе комплексного описания всех смысловых приращений, которым только могут подвергаться глаголы звучания. В связи с этим системная презентация со-

держательной стороны рассматриваемого материала производится с учетом двух принципов описания языковых единиц: «от формы к значению» и «от значения к форме». И если первое направление исследования не вызывает сомнений, то вторая его часть, а точнее, некоторые фрагменты, которые мы рассмотрим ниже, оставляют у читателя вопросы.

В самом начале автор исследования очерчивает круг проблем, неизбежно возникающих при анализе материала: как определить статус содержательных единиц, которые являются центром «звукового поля» и от которых происходит то самое движение «к форме»; как их выделить; где критерий отграничения исследуемых сущностей от других, сходных с ними? В конце концов, автор принимает, на наш взгляд, единственно верное решение – проводит границу в терминологии, выделяя эксплицитную часть модификации в модификатор, а сам процесс и явление синтеза – в модификацию. Мо-

дификатор при этом, как единица синтеза, лишается того «мистического налета» в исследовании, который неизбежно сопровождает семантические компоненты. Второй плюс подобного разделения терминов в том, что у автора появляется реальная возможность кодифицировать результаты синтеза – перенести описание модификаторов и модификаций в лексикографическую плоскость.

Общее впечатление от рассматриваемой работы с самого начала – серьезная заявка исследования И.В. Ивлиевой на новаторство в области словообразовательного синтеза. Перейдем к более подробному анализу ключевых аспектов разрабатываемой теории, как положительных, так и спорных.

Книга структурирована таким образом, что проблемы синтеза русского глагола раскрываются в ней поэтапно: описательной части предшествует Введение, традиционно поясняющее цели и задачи исследования, актуальность и новизну заявленной темы. Последующие главы, а их в книге пять, самым подробным образом доказывают и иллюстрируют концепцию автора.

А она такова, что процесс синтезирования нового слова по заданным параметрам – это не повсеместное правило языка, а, скорее, фрагментарное его проявление. Выборочное. По заданному значению синтезируются далеко не все глаголы звуковой семантики. А только те из них, которые отличаются большим диапазоном значений.

Для того чтобы это выяснить, в первой главе книги «Семантика исходного глагола. Начало синтеза» автор пристально рассматривает семантический объем каждой исследуемой единицы. В поле его зрения находятся основные классификационные схемы глаголов звучания [1, с. 19–52].

Здесь можно сколько угодно спорить о правильности или неправильности, корректности/некорректности выбора того или иного построения, суть одна – единственно верная классификация вряд ли существует. По крайней мере, на сегодняшний день. В итоге автор выбирает существенный признак, разделяющий звуковую лексику на две большие группы и, исходя из этого, строит свою классификацию [1, с. 51–52]. Глаголы звучания, отдельные значения, а иногда даже отдельные употребления, таким образом, получают разбиты на два класса в зависимости от того, источник какой природы – одушевленной или неодушевленной – производит/издает звук.

Во всех группах глаголов автор фиксирует пересечение семантики как на уровне синонимических рядов, так и на уровне подгрупп в пределах ЛСГ. Однако, на наш взгляд, вывод о «зыбкости и размытости границ семантических расстояний за пределами звукового поля» не требует обширных доказательств и иллюстраций. ЛСГ звучания пересекается со многими другими группами: ЛСГ чувств, поведения, мысли, физического воздействия и даже с ЛСГ частей тела [2, с. 100–103].

Отметим, что выбранная тема не позволяет автору делать категоричные выводы. Синтез одновременно может происходить и по правилам, и без. Все зависит от условий, в которых проводится данный экспери-

мент. Нет таких работ (по крайней мере, нам они неизвестны), где более или менее объемный участок лексики демонстрировал бы именно те результаты синтеза, которые ожидает исследователь. Работы подобной тематики пока относятся к разряду экспериментов. Поэтому и в данной книге на каждом участке исследования автор вынужден формулировать не только «правила» «работающих» участков синтеза, но и многочисленные исключения из них.

«Денотативно-понятийная характеристика анализируемого пласта лексики подтверждает первоначальное предположение о том, что создание строго «закрытых» списков элементарных семантических модификаций зависит, главным образом, от объема семантического и понятийного содержания, представленного в выбранном континууме. В связи с этим поиск инвариантного значения формальных выразителей модификационных значений осложняется за счет рассмотрения семантики всего ряда модифицированных дериватов, а также необходимостью учитывать семантическую разветвленность значения каждого лексико-семантического варианта и комплекс его маркированности (стилистической и т. п.)» [1, с. 204–205].

Исследование модифицированных дериватов на самом начальном, корневом уровне тоже не выстраивается в «положительную» систему, скорее, наоборот: «результаты упорядочения непрямых глаголов на корневом уровне по характеру «семантических» расстояний между семантически исходными и модифицированными глаголами показывают, что о данного рода отношениях в большинстве можно лишь условно говорить как о модификационных» [1, с. 205].

Во второй главе «Аффиксально-модификационные комплексы. Сравнительный анализ» рассматриваются особенности исследования модификаций в сопоставлении с данными различных теоретических направлений – префиксологии, аспектологии, словообразования. И теперь уже предпринята попытка полной характеристики всех групп аффиксов, участвующих в образовании производного слова. Автор пытается зафиксировать все нюансы в поведении исследуемых глаголов. Поэтому для описания аффиксально-модификационных комплексов выбран формат словарных статей. Как самый объективный и точный. В данном формате как нельзя лучше проявляются все слабые места в теории.

Рассмотрев каждый префиксальный глагол как цельноформленную структуру, состоящую из двух компонентов: производящей основы и словообразующего форманта, автор подтверждает, что в процессе синтеза следует изучать эти два понятийных ряда одновременно – по семантике префикса и по семантике мотивирующего глагола.

Кроме того, говоря о глагольных модификациях вообще и о звуковых в частности, автор совершенно справедливо не забывает и об оценочных модификациях. Субъективная оценка сопровождает выражение всех актуальных звуковых смыслов: начала действия, его завершения, повторения, и многих других, характерных для глаголов звучания.

Показано, что отдельные модификации в рамках рассмотренных типов различаются продуктивностью и прагматическими значениями.

И главное: «каждой морфеме присуще собственное модификационное значение. Это доказывают и основные значения аффиксальных групп, участвующих в синтезе. Одни аффиксы способны сочетаться с основами глаголов звуковой семантики, а другие не могут соединяться с ними ни при каких контекстных условиях» [1, с. 103].

Аффиксально-модификационные комплексы созданы в работе в качестве инструмента, помогающего рассмотреть и сопоставить различные значения производного глагола в зависимости от меняющихся контекстных условий, значений аффиксов и прочих осложняющих моментов в синтезе.

Третья глава «Модификационные возможности глаголов звучания» является центральной в книге, как по своему расположению в ее структуре, так и по представленности проблемных вопросов. Глава начинается с рассмотрения самого острого из них – с семантики глагольного вида с точки зрения теории модификаций. Здесь автор делает весьма спорное, на наш взгляд, заявление: «вид как грамматическая категория особого типа при синтезе новых образований от данных слов разлагается на цепь различных семантических характеристик», а «данная категория, а точнее, семантика видовых противопоставлений в каждом конкретном случае может интерпретироваться как комплекс (набор) модификационных приращений, реализованных в модификационном деривате» [1, с. 107]. Поэтому при определении значений глагольных модификаций автор не использует общепринятую терминологию, относящуюся к категории аспектуальности, а те значения видовых противопоставлений, которые описываются в современных грамматиках, привлекает только в качестве сравнительного материала.

Модифицированность глаголов звучания рассматривается И.В. Ивлиевой в двух уровнях: корневом и словообразовательном. Модификации разных уровней различаются формально и семантически. Проявления модифицированности звуковых глаголов на корневом уровне имеют имплицитный характер. Организация модификационных рядов корневого уровня формально (а в некоторых случаях и содержательно) соответствует принципам объединения единиц с общностью семантики в синонимические ряды и пары. Тем не менее рассмотрение первичных модификаций, считает автор, является необходимым этапом процесса анализа при установлении модификационного потенциала ЛСГ различной понятийной отнесенности.

Полученные результаты приводят автора к закономерному выводу о том, что специфика звукового феномена в той или иной мере отражается на всех аспектах, связанных с модификационными значениями. Особенностью модификаций звуковых глаголов является отсутствие параметра результативности действия. Семантика лексических единиц, формирующих данную ЛСГ, не допускает логического и фактического присоединения смысла «результат» к исследуемым глаголам. Кратные характеристики (в особенности характеристика «один раз») накладываются на всю систему глагольных модификаций.

Модификационный потенциал звуковых глаголов автор оценивает с двух позиций: в количественном отношении – в возможности основы присоединять как можно больше семантических модификаторов различной степени сложности, и в качественном – в проявлении у модификации семантического и смыслового разнообразия [1, с. 136].

И еще один важный вывод делает И.В. Ивлиева: «При формировании поликомпонентных модификаторов количество характеристик различной параметрической соотнесенности не может быть установлено с точностью до одного, а может представлять собой лишь приблизительный перечень актуальных сем, формирующих лексическое значение модифицированного глагола» [1, с. 136].

Рассматривая далее – в четвертой главе – синтез глаголов звучания, а в пятой – проблемы лексикографирования полученных данных, И.В. Ивлиева в первую очередь ставит вопрос о зависимости результатов модификации от семантического объема исходных глаголов, а также от их принадлежности к конкретной подгруппе ЛСГ. И только решив его положительно, переходит к описанию модификационного корпуса глаголов. Каждый модификатор, а, следовательно, и результат модификации в виде синтезированного деривата получают развернутое описание в форме словарной статьи.

Тем не менее вывод, который автор делает исходя из рассмотренного материала, трудно назвать результативным. Все те же ограничения и запреты на синтез: «Модифицированность исходного глагола на корневом уровне и его стилистическая маркированность существенно ограничивает набор присоединяемых модификаторов, способствует появлению различного рода запретов и ограничений на синтез деривата. Ограничения на комбинаторику значений исходных глаголов и модификационных смыслов связаны не только с семасиологическими факторами, но и с экстралингвистическими» [1, с. 168].

Эффективным результатом модификации признается только синтез исходных глаголов с широкой семантикой (идентификаторов) и стандартных модификаторов. Что ж, вынуждены констатировать – это почти отрицательный результат исследования. Лишь незначительное число единиц – 5 из 300 (!) рассмотренных подпадают под законы синтеза. Остальные противоречат ему.

Здесь возникает закономерный вопрос – корректно ли в такой ситуации говорить о лексикографировании материала. Автор считает, что, да, корректно. Более того, необходимо обозначить те лексические участки, которые препятствуют синтезированию. Описать причины и привести примеры. Именно по такому плану И.В. Ивлиева создает оригинальный формат словарных статей модификаций и модификаторов.

Дается общая концепция собственного словаря и развернутое описание двух различных форматов словарных статей: формата словаря модификаторов, предваряющего основную часть словаря, и формата словарной статьи непосредственно глагольных моди-

фикаций [1, с. 182–194]. По каждому типу словарной статьи приведены образцы лексикографического описания исследуемых в работе единиц: модификаторов и модификаций.

Морфемные словари, считает автор, по своему составу, целям и задачам описания словарных единиц являются только первой ступенью создания полного словаря модификаций русского языка на материале всей лексики. В словарях морфем представлены все значимые единицы слова, каким бы оно ни было с точки зрения словообразования – производящим или производным.

Вторая ступень и роль в процессе создания модификационных словарей принадлежит словообразовательным словарям, где собраны воедино, в одном словообразовательном гнезде все производные исходного глагола. В теории модификаций, однако, участвует не все гнездо, а только те его члены, которые в процессе словообразования не утрачивают основную сему исходного слова. Данные семантических словарей в свою очередь показывают, насколько близки по значению те или иные лексико-семантические варианты слов. Семантический словарь оперирует не всеми значениями слова в совокупности, а каждым лексико-семантическим вариантом в отдельности.

В описании синтеза глагола используются данные всех перечисленных выше и других аспектных словарей [3, с. 4–11; 4, с. 174–177], однако ни один из них не дает всей необходимой информации о синтезированных дериватах. Их сведения только активно дополняют друг друга.

И здесь понятна идея автора – необходимо создать такой словарь, который бы вмещал в себя, как это парадоксально ни звучит, все пять вышеперечисленных лексикографических источников. Лексико-семантическая группа глаголов звучания выбрана И.В. Ивлиевой первым фрагментом подобного словаря. И автор оптимистично предполагает, что принципы его разработки и лексикографическое описание модификаций, представленные в книге, в недалеком будущем лягут в основу полного модификационного словаря.

В заключение отметим, что монография И.В. Ивлиевой получилась довольно интересной и информативной. Автор поднимает проблемы, хотя и спорные, но весьма перспективные в плане дальнейших исследований с глаголами различной семантики, делает попытки определить значение лакун, без какого-либо стремления подогнать ответы под желаемый результат. И это весьма ценно.

Список литературы

1. Ивлиева И.В. Русские глагольные модификации (опыт составления словаря). – М.: ЭЛПИС, 2008. – 275 с.
2. Карпухина Н.М. Структурно-семантические особенности соматических фразеологических единиц, обозначающих части тела человека / Н.М. Карпухина, И.И. Строгонова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2016. – №7. – С. 100–103.
3. Меркурьева Н.М. Словарь антонимов русского языка [Сложные слова]. Около 1800 антонимических пар. – М.: ЗАО «Газета «Правда», 1999. – 480 с.
4. Скрыпникова М.И. Из истории русского языка / М.И. Скрыпникова, К.С. Беспалова, Н.С. Журавлева // Фундаментальные проблемы науки: Сб. статей международной научно-практ. конференции (15 мая 2016, г. Тюмень). – Тюмень: Аэтерна, 2016. – Ч. 3. – С. 174–177.

Научная журналистика: вопросы терминологии и тенденции современного развития

УДК 8

DOI 10.21661/r-113841

Scientific journalism: questions of terminology and tendencies of the modern development

Аннотация

Муравицкая Светлана Валерьевна – канд. филол. наук, доцент НОУ ВО «Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов», Россия, Санкт-Петербург.

В данной статье рассмотрены подходы к таким терминам, как «научная журналистика» и «научно-популярные СМИ». Авторы затронуты вопросы формирования эффективного диалога между властями, учеными, журналистами, общественностью, а также указаны тенденции развития научной журналистики в России и на Западе.

Ключевые слова:

наука, научная журналистика, научно-популярные СМИ.

Keywords:

science, scientific journalism, popular science mass media.

Annotation

In the article such terms as «scientific journalism» and «popular-science mass media» are considered; questions of formation of effective dialogue between authorities, scientists, journalists and public are touched upon; tendencies of development of scientific journalism in Russia and on the West are pointed out.

Muravitskaya Svetlana Valeryevna – candidate of philological sciences, assistant professor of journalism cathedra of Saint-Petersburg Humanitarian University of Labour Unions, Russia, St. Petersburg.

Всё чаще в среде журналистов слышны терминологические дискуссии по вопросу: «Так все же «научно-популярная» или «научная» журналистика?» Вопрос очевидный. Многие ученые сходятся во мнении о том, что журналистика, занимающаяся освещением вопросов науки, скорее, должна именоваться «научно-популярная журналистика» или даже «научная публицистика». Мы в рамках курса «Актуальные проблемы современной науки и журналистика» оперируем термином «научная журналистика». Попробуем разобраться в подходах к формулировке понятия.

Использовать термин «научная журналистика» в качестве рабочего в рамках курса позволяет нам опыт исследователя и практика Татьяны Пичугиной (директор агентства «ИнформНаука» в 2003 г.), которая, побывав ещё в 2006 году на семинаре по научной журналистике, проходившем в рамках Европейского открытого форума науки в Мюнхене, написала много статей, в которых рассматривала природу термина «научная журналистика». Одна из них – «Научная журналистика как исчезающий вид». В ней исследователь говорит так: «Важно определиться с понятием. Под «научной журналистикой» я буду подразумевать область журналистики, занимающуюся наукой. Стало быть, изменения внутри науки, изменение позиции науки в обществе, усложнение связей с образованием и властными структурами отражаются, так или иначе, в научной журналистике» [1]. И мы в трактовку данного термина включаем работу СМИ по популяризации научного знания, а значит, такие СМИ, думаем, правильнее именовать «научно-популярные».

Вплоть до настоящего времени к термину и отрасли научной журналистики традиционно относили лишь та-

кие публикации, как, к примеру, информативное освещение научного открытия, интервью с исследователями острых научных вопросов, дискуссии ученых, аналитические работы открытий, репортажи с конференций и т. д. Другими словами, научная журналистика, методом упрощения сложного для понимания широким читательским массам «сухого», отягощенного терминологией, научного текста, так сказать – его переводом, доносила новости и события сферы науки до общественности. Журналисты, специализирующиеся в рамках научной журналистики, практически всегда характеризовались не как авторы, а как редакторы, или же «переводчики». Современной научной журналистике, как и любой другой тематической направленности СМИ, присущи свои индивидуалистические критерии. Формировались они и совершенствовались в течение длительного времени, в результате чего, по мнению ряда экспертов (к примеру, В. Геде, редактора немецкой версии «Популярной механики»), выглядят так: свою деятельность научный журналист обязан осуществлять по строгим правилам, отступление от которых не допускается; текст и содержание материалов научной журналистики исключают наличие избытка литературного слога, аллегорий, метафор и т. п.; освещая темы, «тяжелые» для восприятия обывательского читателя, научная журналистика обязана учитывать особенности читательской аудитории, уметь достоверно и интересно преподнести научную новость для понимания, просвещения и привлечения общественности, не имеющей специализированного образовательного уровня в той или иной научной сфере.

Если акцентировать внимание на вопросах истории существования научной журналистики, к примеру, в России, то общая картина складывается далекой от иде-

ала. Вопросы освещения науки привлекали пристальное внимание М.В. Ломоносова ещё в XVIII столетии. В 60-е годы XX века на волне научно-технического прогресса и веры в его возможности понимание научной журналистики как «искусства перевода» с научного языка на доступный обществу закрепилось и приобрело непререкаемый авторитет. Именно тогда сложилась целая школа научной журналистики в советской России, которая считается эталонной и поныне. Но уже в конце 80-х годов, несмотря на потрясающие успехи науки во многих областях, ее престиж стал падать, а вслед за ним упал и престиж научной журналистики. Тем немногим, кто остался в этой области, и кто пришел после, пришлось расширять рамки своей профессии и пробовать силы, например, в освещении научной политики государства – темы, ранее совершенно не затрагиваемой, ведь наука всегда поддерживалась государством, зачем же это было обсуждать. А оказалось, нужно... И не просто обсуждать, а менять политику в сфере научных достижений и популяризации научного знания посредством научной журналистики – научно-популярных СМИ. В СССР, вплоть до 1991 года, научной журналистике отводилось большое внимание. Она хорошо финансировалась. Учёные не только олицетворяли собой первооткрывателей, но и становились героями произведений искусства. В 1991 году научная сфера практически полностью лишилась государственной поддержки. Сегодня отечественной научной журналистике присуща характеристика упадочности. А ведь множество людей и целые народы сегодня зависят от достижений науки и техники, которые помогают улучшить здоровье, экономику и поднять в целом качество жизни. Научная журналистика упустила свои шансы, не поспевая за быстрыми изменениями в науке и обществе, в итоге ее место заняли другие поставщики информации, альтернативные. Люди удовлетворяют свой интерес к науке через нетрадиционные медиа в интернете, блоги, частные СМИ, которые выпускаются группами с определенными интересами, а потому не могут претендовать на объективность. Традиционный научный стиль больше не нужен: тиражи журналов и рейтинги программ о науке на радио и ТВ невысоки. Такое положение дел угрожает существованию научной журналистики. Заставляет задуматься над ее будущим. В целом «в научной журналистике надо что-то менять, но что именно?» Ответы на эти вопросы ищет и Джим Корнелл – президент Международной ассоциации научных писателей [2].

Сегодня европейские СМИ демонстрируют высокий интерес к публикациям о науке, но качественная научная журналистика встречает жесткую конкуренцию со стороны «фаст-фуд журналистики», как выразился Холгер Вормер, в прошлом журналист, руководитель программы science writing в университете Дортмунда (Германия). Он

так же сказал, что в этом случае на фоне остальных западных стран и США ярко контрастирует научная журналистика Великобритании. Ключевым доказательством этого, по его мнению, является трактат британских журналистов научной сферы, составленный совместно с некоторыми научными работниками и адресованный государству и общественности. Целью этого обращения является акцентирование проблематики данной сферы СМИ и поиска оптимальных путей их решения, которые невозможно осуществить в одиночку ни журналистам, ни научным работникам.

В. Штепа, отечественный исследователь тенденций развития современной научной журналистики, полагает, что научная журналистика в России на сегодняшний день находится только на этапе возрождения и становления, а западная журналистика не только превосходит ее, но и является наглядным примером. Главный редактор агентства «ИнформНаука» Л.Н. Стрельникова в докладе «О тенденциях в мировой журналистике и месте науки в СМИ» из стенограммы мастер-класса «Наука в СМИ сегодня. Опыт российской и Британской журналистики», проведенного в рамках Недели Науки в Петербурге 4–5 апреля 2003 г., ставит научную журналистику Великобритании в пример отечественной следующими словами: «В западной культуре, американской и британской, элемент общения ученых с обществом стал уже традиционным [3]. В учебно-методическом пособии по дисциплине «Актуальные проблемы современной науки и журналистика» Р.П. Баканов, используя термин «научная журналистика» в контексте популяризации научного знания, уделяет внимание проблеме в рамках целых разделов, к примеру: «Снижение в российском обществе популярности научной журналистики»; «Объединения научных журналистов в России» [4].

Итак, термин «научная журналистика» активно употребляется в языковой практике и подразумевает под собой деятельность научно-популярных СМИ, освещающих вопросы развития и достижений науки. Тенденции, которые отмечены нами в современном состоянии этой медиасферы, позволяют говорить о том, что западные страны, прежде всего Великобритания, ушли в этом направлении далеко вперед, по сравнению с Россией. Да, конечно, проблемы в сфере научной журналистики проявляют себя и за рубежом. Но там к сегодняшнему дню сформировалась культура взаимодействия разных сил (общественности, правительства, ученых, журналистов) в рамках популяризации науки как главной движущей силы страны. Диалог между правительством, учеными, журналистами и обществом – один из приоритетных диалогов, который позволяет стране осознавать себя сильной мировой державой, к голосу которой прислушиваются на мировой арене.

Список литературы

1. Пичугина Т. Научная журналистика как исчезающий вид // Живой журнал [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sciencewriter.livejournal.com/9578.html>
2. Стрельникова Л.Н. Наука в СМИ сегодня. Опыт российской и британской журналистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://csr-nw.ru/files/csr/file_category_1105.pdf
3. Баканов Р.П. Актуальные проблемы современной науки и журналистика: Программа дисциплины, методические указания и материалы к лекциям и практическим занятиям для студентов, обучающихся по специальности 030601 – «Журналистика». – Казань: Казанск. гос. ун-т, 2010. – 152 с.

Human and society

International academic journal

Issue 1 | 2016

Articles received by the editorial board are reviewed
Editorial board's point of view may differ from the views of the authors of articles
When copying a link to the "Human and society" journal is obligatory
The authors are responsible for the accuracy of the information contained in the articles
The journal is included in the SEL base eLibrary.ru and RISC project (license agreement № 800-12/2015 from 09/12/2015)

Founder and publisher of the journal:
LLC "Center of Scientific Cooperation "Interactive plus"

Address editorial board and the publisher:
428005, Russia, Chuvashia republic, Cheboksary,
Grazhdanskaya St, 75

Contacts of the editorial board:
8 (800) 775-09-02, info@interactive-plus.ru
www.interactive-plus.ru

The certificate of mass media registration:
ПИ № ФС 77-67055,
given Roskomnadzor 15/09/2016

Signed in the print in 30/12/2016.
Date of issue appearance 06/01/2017.
Format 60 84 × 1/8. Conditional printed pages 6.7425. Order K-171.
Digital seal. Coated paper. Circulation 500 copies.
Free price.

Issued in print studio «Maximum»
428005, Cheboksary, Grazhdanskaya St., 75
+7 (8352) 655-047, info@maksimum21.ru
www.maksimum21.ru

© Center of Scientific Cooperation "Interactive plus", 2016

Человек и общество

Международный научный журнал

Выпуск 1 | 2016

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются
Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей
При перепечатке ссылка на журнал «Человек и общество» обязательна
За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы
Журнал включен в базу НЭБ eLibrary.ru и проект РИНЦ (лицензионный договор № 800-12/2015 от 09.12.2015)

Учредитель и издатель журнала:
ООО «Центр научного сотрудничества «Интерактив плюс»

Адрес редакции и издателя:
428005, Россия, Чувашская Республика, г. Чебоксары,
ул. Гражданская, д. 75

Контакты редакции:
8 (800) 775-09-02, info@interactive-plus.ru
www.interactive-plus.ru

Свидетельство о регистрации СМИ:
ПИ № ФС 77-67055,
выдано Роскомнадзором 15.09.2016

Подписано в печать 30.12.2016.
Дата выхода издания в свет: 06.01.2017.
Формат 60×84 1/8. Усл. печ. л. 6.7425. Заказ K-171.
Печать цифровая. Бумага мелованная. Тираж 500 экз.
Свободная цена.

Отпечатано в типографии
Студия печати «Максимум»
428005, Чебоксары, Гражданская, д. 75
+7 (8352) 655-047, info@maksimum21.ru
www.maksimum21.ru

© Центр научного сотрудничества «Интерактив плюс», 2016